

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЬ»

С.А.ПИВОВАРЧИК

**БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СИСТЕМЕ
ФОРТИФИКАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР
(1772-1941)**

Монография

Гродно 2006

УДК 947.6 (1772-1941)
ББК 63.3 (4Бен) П32

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *Л. Ф. Смоленчук*;
доктор исторических наук, профессор *В. В. Шевед*.

Рекомендовано Советом Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы.

Пивоварчик, С.А.

Белорусские земли в системе фортификационного строительства П32
Российской империи и СССР (1772-1941) : монография /
С.А.Пивоварчик. - Гродно : ГрГУ, 2006. - 252 с.

ISBN 985-417-804-8

Монография посвящена малоисследованной теме отечественной истории - фортификационному строительству в Беларуси в период нахождения в составе Российской империи и СССР. Рассматриваются шанцы российских властей по военно-инженерному строительству на западе империи; этапы возведения больших фортификационных комплексов в Беларуси Бобруйской, Брестской и Гродненской крепостей, анализируется система фортификационного строительства в СССР и БССР, выделяются этапы возведения укрепленных районов в БССР, методы и формы руководства советскими властями оборонным строительством и участия в нем местного населения.

Монография адресована всем, кто интересуется военно-исторической проблематикой Беларуси,

Илл. 82, табл. 6, библиогр. 240 назв.

1

УДК 947.6 (1722-1941)
ББК 63.3 (4Бел)

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АНП - артиллерийский наблюдательный пункт. БВО - Белорусский военный округ. ВСУ - Военно-строительное управление. ГАОГ - Государственный архив Гродненской области. ГАОГО - Государственный архив общественных объединений Гродненской области. ГИУ - Главное Инженерное Управление. ДОТ - долговременная огневая точка. ДОС - долговременное огневое сооружение. ЗапОВО - Западный особый военный округ. ИУ РККА - Инженерное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии. КНП - командный наблюдательный пункт. КП - командный пункт.

МК БК-Г - Мемориальный комплекс «Брестская-крепость герой». МП - мобилизационный план. НАРБ - Национальный архив Республики Беларусь. НИАБГ - Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. НКО Народный Комиссариат Обороны, НП - наблюдательный пункт. ОПБ - отдельный пулеметный батальон. ОТ - огневая точка.

РВС - Революционный Военный Совет. РВСР - Революционный Военный Совет Республики. РГВА - Российский государственный военный архив. РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив. СТО - Совет Труда и Обороны СССР.

УНВСР - Управление начальника военно-строительных работ. УНР - Управление начальника работ. УНС - Управление начальника строительства. УО - узел обороны. УР - укрепленный район. ЦАМО - Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

ВВЕДЕНИЕ

Фортификация (лат. *fortificatio*) представляет собой одну из древнейших отраслей военно-инженерного искусства и включает теорию и практику укрепления местности. Она зародилась в глубокой древности, одновременно с возникновением войн, как следствие естественных закономерностей вооруженной борьбы. С тех пор фортификация развивалась последовательно с развитием человеческого общества, образовав бесконечное разнообразие идей и форм, постепенно оформившись в науку об укреплении.

С возникновением государств защищать границы стала одной из важнейших задач. Стремление государств создать для своих армий наибольшие преимущества над противником привело к идеи заблаговременной инженерной подготовки территории будущих военных действий. Это привело к появлению долговременной фортификации. Она включала главным образом заблаговременное укрепление местности в приграничной полосе государства, где ожидались первые столкновения вооруженных сил воюющих сторон. Очень часто судьба всей войны решалась в приграничных сражениях, и долговременные укрепления (главным образом крепости) играли в этом значительную роль. Однако в дальнейшем этого оказалось недостаточно. Возрастание пространственного размаха военных операций и их продолжительности потребовало заблаговременного фортификационного оборудования всех вероятных театров военных действий и территории страны в целом, как в мирное, так и в военное время. Способ и характер укрепления различных стран были в непосредственной зависимости от внешнеполитических взаимоотношений и экономических возможностей этих стран. Известный историк фортификации Виктор Васильевич Яковлев отмечал также, что «*фортификация, будучи, с одной стороны, отраслью техники, а с другой - военного искусства, всегда отражала на себе как политическое и экономическое, так и военное состояния государства. Элементами этого военного состояния были численность армии и способы ее действия в бою, т.е. тактика войск. Одновременно на фортификацию большое влияние оказывали и средства поражения, среди которых на первое место должны быть поставлены артиллерийские*» [193, с. 10].

Выполнение задач фортификации всегда было связано с большими затратами времени, сил и средств. Поэтому определение способов и средств обеспечения боевых действий, в частности для выполнения фортификационных задач, зачастую вызывало серьез-

ные разногласия и многочисленные споры среди специалистов военного дела, государственных и военных руководителей. История фортификации — история борьбы мнений, часто прямо противоположных, о формах и способах укрепления местности. В целом, эволюция идей и форм долговременной фортификации разбивается на пять периодов: 1) древний период и средневековье; 2) огнестрельный период - с XIV по XVII вв.; 3) период XVIII в.; 4) период XIX в.; 5) период XX в. [193, с. 11].

Первые фортификационные формы на территории Беларуси относятся к первому периоду и появились в раннем железном веке (VII в. до н.э. IV-V вв. н.э.), постепенно усложняясь от простых деревянных оград по краям городищ до многогорядных деревянно-земляных укреплений. В средневековый период (IX - XIII вв.) с формированием и развитием городов основным видом оборонительных сооружений стали рвы, валы, деревянные стены и башни (Полоцк, Туров, Минск, Витебск и др.). В XII в. в защите городов появились и первые каменные (из валунов и плинфы) стены (Гродно). С переходом к тактике прямого штурма и осады в XIII в. сформировалась новая система обороны города, основу которой составляла многогруженая деревянная или каменная башня-донжон в деревянном замке.

Великое княжество Литовское, большую часть которого занимали белорусские земли, с самого начала своего формирования, стало ареной жестоких битв с иноземными захватчиками. Территория Беларуси в XIV—XVII вв. была одним из самых неспокойных регионов Европы. Включение белорусских земель в ВКЛ способствовало расширению строительства оборонительных сооружений. Каменные и деревянные замки должны были стать надежной опорой государства и основой ее обороны. В XIV в. были построены каменные замки типа рыцарских кастелей в Лиде, Крево, Медниках, а в конце XIV - нач. XV вв. - многобашенные замки в Гродно, Новогрудке, Орше. К середине XVI в. на территории страны было около восьмидесяти населенных пунктов, имевших замковую систему обороны. Во второй половине XVI в. с возрастанием роли огнестрельного вооружения в Беларуси возникла бастейная фортификация (Геранены, Мядель), а затем бастионная (Заславль, Несвиж, Слуцк, Глуск, Быхов и др.) по традициям европейских фортификационных систем. Носителями передовых военных идей были магнаты, которые много путешествовали по Европе, принимали участие в европейских войнах и учились в европейских университетах, а также иностранные архитекторы-фортификаторы, попадавшие в Беларусь разными путями.

Однако, как отмечал известный исследователь белорусского военного зодчества Михаил Александрович Ткачев, под влиянием конкретных местных условий и давних народных традиций творчество иноzemных специалистов настолько изменилось, что становилось частью местной культуры и военно-инженерного искусства. Важнейшим фактором в этом явлении было постоянное участие широких слоев населения городов и деревень в военно-монументальном строительстве. Зерна новых идей европейской фортификации попадали в Беларусь на уже подготовленную почву, поэтому местное военное зодчество не только соответствовало всем требованиям фортификационной науки, но и сохраняло свой колорит и облик [163, с. 140]. Постоянные контакты с фортификационной культурой ближних соседей и западноевропейских стран было важной чертой военно-инженерного искусства Беларуси вплоть до конца XVIII в.

Сыграв свою роль в обороне белорусских земель в XIV - XVIII вв., старые замки уступили место новым мощным долговременным укреплениям с многокилометровыми линиями обороны, гарнизонами регулярных войск, цитаделями и фортами, в основе которых лежали все достижения фортификации предыдущих эпох. И если военно-инженерное зодчество Беларуси эпохи средневековья известно широкой общественности благодаря трудам в первую очередь М.А.Ткачева [162; 163; 164; 165; 166], то история фортификации 2-й пол. XVIII - 1-й пол. XX является малоизвестной страницей военной истории Беларуси. И это при том, что памятников architecture militaris этого периода в Беларуси достаточно: Бобруйская, Брестская, Гродненская крепости, немецкая линия укреплений времен первой мировой войны, польские укрепления 30-х гг. вдоль советско-польской границы до 1939 г., советские укрепленные районы 30-х гг. - Полоцкий, Минский, Мозырьский, Слуцкий, Гродненский и Брестский.

Объектом данного исследования является фортификационное строительство на белорусских землях в конце XVIII - 1-й ХХ в. Этот период характеризуется нахождением Беларуси в составе Российской империи, а затем СССР. Именно благодаря государственной и военной политике Российской империи и СССР на территории современной Республики Беларусь было возведено большое количество фортификационных объектов, которые сегодня являются непременным элементом историко-культурного ландшафта страны и вызывают большой интерес у общественности. Памятники фортификации, построенные по решению немецких и польских влас-

тей в Беларуси в 1916-1939 гг., представляют отдельный предмет исследования и в монографии не рассматриваются.

В характеризуемый период развития фортификации уже не строились непрерывные ограды в виде высоких каменных стен с башнями или бастионных фронтов. Появление и развитие нарезной артиллерии, снарядов, начиненных взрывчатыми веществами огромной разрушительной силы, магазинных винтовок, пулеметов, автоматов, отравляющих газов, танков, авиации и колосальное развитие военной промышленности, производящей оружие и боеприпасы в невиданных до этого масштабах, вызвали в то время несколько настоящих «фортификационных революций» [71, с. 5-10].

Изменения затронули в первую очередь способы обороны крепостей. Оборону стали основывать на круговых позициях, которые состояли из отдельных мощных самостоятельных опорных пунктов (фортов) и полевого заполнения в виде стрелковых окопов. Из фортов устранилась дальнобойная артиллерия, кирпичные конструкции заменились бетонными, совершенствовались позиции противотанкового вооружения и пехоты, а также способы фланкирования препятствий против штурма и промежутков между фортами. Тем не менее характер инженерной подготовки будущих театров военных действий оставался без изменений до самого начала первой мировой войны. В периоде 1800 г. по 1915 г. Россия создала развитую сеть приграничных крепостей на своей западной границе. Большая их часть располагалась на территории современных Польши, Беларуси и Литвы. К 1915 г. наиболее сильными в инженерном отношении крепостями были Новогоргневск, Осовец, Брест-Литовск, Гродно, Kovno. В результате боевых действий крепости Брест-Литовск и Гродно были оставлены без серьезного сопротивления из-за общего ухудшения положения на фронте в 1915 г. и необходимости стратегического отхода российских войск.

В ходе этой войны выяснилось, что изолированные крепости при резко возросших темпах расходования боеприпасов и человеческих жизней не могут обороняться сколько-нибудь значительный срок. Сами форты также не вполне удовлетворяли новым условиям боя и во многих случаях просто не выдерживали обстрела сверхжелой артиллерией неприятеля.

Согласно Рижскому договору граница между Польшей и СССР прошла почти по линии фронта первой мировой войны. Поэтому многие из построенных немцами во время стабилизации фронта в

1916-1918 гг. фортификационных сооружений были использованы поляками во время строительства укреплений на границе с Советским Союзом в 1936 - 1939 гг. Кроме этого, поляки возвели еще около 500 долговременных оборонительных сооружений на линии Городище - Ганцевичи - Лунинец — Давид-Городок - Теребличи [233, с. 58-62].

Развитием идей военно-инженерного искусства стало строительство в 20 — 40-е гг. укрепленных районов. Опыт первой мировой и гражданской войн показал, что лучшей формой военно-инженерной подготовки приграничной полосы является система укрепленных районов (УР), прикрывающих важнейшие операционные направления, ведущие вглубь страны. Советский Союз, утративший большую часть крепостей на западной границе, построил в 1928 - 1939 гг. развитую систему укрепленных районов вдоль западной границы. На территории Беларуси таких УРОв было четыре - Полоцкий, Минский, Мозырский, Слуцкий - с общим количеством построенных фортификационных объектов около 800. В 1940 г. в СССР стали интенсивно укреплять новую линию государственной границы, сложившуюся после начала второй мировой войны. В Западном Особом военном округе приступили к возведению еще четырех УРОв — Гродненского, Осовецкого, Замбровского, Брестского, однако закончить строительство не успели - началась война. Сегодня на территории Беларуси находится примерно 150 объектов Гродненского и Брестского укрепленных районов, которые находятся в разной степени сохранности.

После второй мировой войны в СССР новых укрепленных районов практически не строили (за исключением советско-китайской границы). Новые виды вооружений сделали любые стационарные укрепления удобной мишенью для высокоточного оружия, а появление ядерного оружия окончательно обесмыслило усиление защитной мощи долговременных фортификационных сооружений. На смену старым долговременным формам пришли быстровозводимые сборно-разборные железобетонные и легкие броневые сооружения, которые в большом количестве можно было быстро построить и хорошо замаскировать там, где этого требовала тактическая обстановка. К 60-м годам XX столетия долговременная фортификация практически полностью утратила боевое значение и перешла в разряд исторического наследия. Российская империя и СССР оставили в Беларуси большое историко-фортификационное наследие. По нашим подсчетам, в Беларуси сохранилось в различном состоянии около 1000 объектов долговременной фортифика-

ции нового и новейшего времени «российского» и «советского» происхождения. Целью нашего исследования является характеристика основных этапов и тенденций фортификационного строительства в Беларуси на протяжении времени от разделов Речи Посполитой во 2-й пол. XVIII до начала Великой Отечественной войны. Такой хронологический период позволяет определить место и роль белорусских земель в общей системе фортификационной подготовки западных границ Российской империи и СССР. В этих государственных объединениях белорусские земли либо были полностью лишены возможности проведения самостоятельной внутренней и внешней политики (Российская империя), либо были значительно ограничены командно-административной централизацией власти (СССР). Эти факторы позволяют отметить общность внутриполитического положения белорусских земель и дают основания для характеристики различных аспектов фортификационного строительства «российского» и «советского» периодов как имеющих общие традиции.

Автор выражает искреннюю благодарность Анатолию Вапу (г.Белосток), Ивану Волкову (г.Минск), Феликсу Ворошильскому (г.Гомбург), Светлане Калиоте (г.Бобруйск), Владимиру Каминскому (г.Борисов), Алексею Ненадавцу (г.Бобруйск), Евгению Хитряку (г.Минск), а также дирекциям и сотрудникам Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» и Бобруйского краеведческого музея за помощь в подготовке данного исследования.

ГЛАВА 1

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сохранившееся фортификационное наследие Нового и новейшего времени в Беларуси достаточно велико и его, по аналогии с Европой и Россией, можно назвать «Крепость Беларусь» [71; 209]. Однако обобщающие работы, посвященные военно-инженерному строительству в Беларуси в конце XVIII - 1-й пол. XX в., отсутствуют.

Прежде всего необходимо отметить, что до недавнего времени история фортификации Нового и новейшего времени как в Беларуси, так и в постсоветских странах не была предметом специального исследования историков. Причинами такого положения являются следующие: во-первых, исследованиями в этой области монопольно занимались военные специалисты и результаты были малоизвестны широкой общественности; во-вторых, фортификационные сооружения, возведенные в XIX- 1-й пол. XX в. на территории бывшего СССР, во многих случаях использовались военными структурами, что делало невозможным проведение полевых исследований; в-третьих, слабая научно-теоретическая подготовка в области военно-инженерных знаний «гражданских» историков; в четвертых, недоступность архивных источников для изучения (в Центральном архиве Министерства обороны РФ фонд «Управление Укрепленных районов Генштаба Красной Армии» является секретным до сих пор). На наш взгляд, только сочетание полевых «натурых» исследований с архивными изысканиями может дать наиболее полную картину эволюции общей схемы инженерной подготовки обороны государства, отдельных театров военных действий, структуры оборонительной позиции и отдельных типов сооружений. Такие комплексные исследования стало возможно проводить на постсоветском пространстве в конце XX в. Тогда же появились первые обобщающие работы, в которых на высоком научно-теоретическом уровне описана история строительства фортификационных сооружений Кронштадта, Морской крепости Императора Петра Великого, Владивостока [5; 9; 107].

По нашему мнению, при анализе литературы по проблеме изучения фортификационного строительства в Беларуси в Новое и новейшее время, логичным было поделить весь хронологический период на две этапа - «российский 1795-1915» и «советский 1921 —

1941гг., что соответствует нахождению белорусских земель в двух государственных образованиях - Российской империи и СССР и провести историографический обзор для каждого этапа.

Для изучения истории российской и советской фортификаций в Беларуси большое значение имеют труды русских и советских фортификаторов. Нам были доступны работы таких известных теоретиков и практиков военно-инженерного строительства, как К.И.Величко, Н.А.Буйницкий, И.Г.Фабрициус, Ф.И.Голенкин, В.В.Яковлев, Н.И.Шмаков, С.А.Хмельков, Д.М.Карбышев, В.Ф.Шперк [21; 28; 65; 160; 178; 188; 189; 193]. В своих работах они рассматривали общетеоретические и практические проблемы эволюции фортификационных идей и форм в Европе с древних времен и до первой четверти XX в. на широком историко-географическом фоне. В трудах этих авторов содержатся материалы о фортификационных объектах в Беларуси - Бобруйской, Брестской и Гродненской крепостях.

История этих крепостей XIX - XX вв. в современной историографии представлена небольшим количеством публикаций, практически отсутствуют монографические исследования. В научной и популярной литературе в большинстве случаев приводится информация справочного характера, опубликованы лишь единичные схематические планы наиболее характерных фортификационных сооружений. А.Лукашевич в своей статье рассмотрел роль крепостей в российской концепции охраны западных границ Российской империи с 70-х гг. XVIII в. по 1802 г. [73, с. 5-16]. Истории Бобруйской крепости посвящена книга А.Ненадавца, но она носит популярный характер и не имеет необходимого научного аппарата [86]. В документально-исторической хронике «Памяць. Бобруйск.» опубликована статья, представляющая сокращенный вариант из этого издания [87, с. 98-111]. В 1976 г. была опубликована статья историка архитектуры Е.Д.Квитницкой, посвященная основным этапам строительства Бобруйской крепости. Основанная на многочисленных архивных материалах, эта статья до сих пор остается единственной научной публикацией по истории Бобруйской крепости [68]. Необходимо также отметить, что в 1963 г. Л.И.Шумахером был подготовлен исторический очерк Бобруйской крепости. Однако опубликован он не был и хранится в фондах Бобруйского краеведческого музея [190].

К изучению Гродненской крепости историки только приступают. Первыми публикациями по истории этой крепости в белорусских изданиях были статьи А.Плещевени в газете «Гродненская правда» (№№ 106 - 113, сентябрь 1992), а затем повторенные в историко-документальной хронике «Памяць. Гродна» [89, с. 214-224].

Автор практически не рассматривает в них историю создания укреплений в Гродно, а в основном освещает события лета 1915 г., связанные с обороной города российской армией. Обороне Гродненской крепости в 1915 г. также посвятили свои публикации В.Г.Корнелюк [66; 67].

Однако необходимо сказать, что первая публикация об этих событиях вышла еще в 1933 г. в Польше. Полковник польской армии Ян Ястржембский опубликовал в одном из военно-технических журналов свои воспоминания о пребывании в Гродно. Автор был слушателем Николаевской инженерной академии и встретил первую мировую войну в Гродно, находясь в качестве практиканта на возведении гродненских укреплений. Ценность воспоминаний в том, что это свидетельства очевидца об организации строительных и инженерных работ на гродненских фортах, об уровне подготовки крепости к бою, об уничтожении крепостных сооружений летом 1915 г. [206; 207].

Несколько статей посвятили истории гродненской крепости современные польские историки. С. Шиманьский проанализировал не реализованный российский проект укрепления Гродно 1810 г., который хранится в Центральном военном архиве в Польше [227]. Историк из Белостока А.Вап в своей публикации, посвященной крепостям на р.Неман, сделал попытку определить место Гродно в планах российского командования по военно-инженерному укреплению пограничья [231].

В последнее время комплексное изучение гродненской фортификации проводит автор. В результате полевых и архивных исследований были установлены этапы эволюции гродненской фортификации, ее место в стратегических и тактических планах российского военного командования, дана характеристика долговременных сооружений, проведена их инвентаризация и оценка перспективы использования в научно-просветительных целях [94-97; 219; 222].

Гораздо больше имеется публикаций, посвященных истории Брестской крепости. Это и не удивительно. Одна из мощнейших фортовых крепостей Европы, она известна в первую очередь героизмом советских солдат, проявленным в начале Великой Отечественной войны. Поэтому советские (российские и белорусские) историки концентрировали свои исследования на событиях в Брестской крепости в июне-июле 1941 г., публикуют главным образом воспоминания участников, а польские - на малоизвестных страницах обороны крепости в июле-августе 1920 г. и сентябре 1939г. [18; 20; 27; 33; 34; 159; 204; 214].

В последние годы появились статьи, авторы которых рассматривают различные аспекты непосредственно строительства Брестской крепости -этапы возведения укреплений, история отдельных крепостных сооружений (V форт), а также проблемы комплексного изучения, сохранения и использования этого памятника фортификации. Подготовленные на основе архивных материалов и полевых исследований эти работы представляют определенный научный интерес [74; 98; 197-199; 217; 218; 220; 232; 233].

В 2002 г. в журнале «Отечественные архивы» были опубликованы воспоминания военного инженера В.М.Догадина, который участвовал в модернизации Брестской крепости перед первой мировой войной [49]. Будучи непосредственным участником строительства новых крепостных объектов в 1913 - 1915 гг., Владимир Максимович Догадин дал характеристику взаимоотношений, сложившихся в среде военных инженеров и строителей, описал технологический процесс инженерно-строительных работ в крепости.

Несмотря на интерес, проявляемый общественностью к истории Брестской крепости, значительных изданий до недавнего времени подготовлено не было (если не считать документальную хронику «Память. Брест», где история крепости XIX - нач. XX вв. посвящена небольшая статья В.А.Абрамова [1]). Прорывом в этом отношении стал 2004 г., когда были изданы сразу две книги брестских авторов [16, 19]. Написанные на основе изданных ранее публикаций и материалов из фондов Брестского краеведческого музея и Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», эти книги в определенной мере заполняют научно-познавательный вакuum, сложившийся в результате отсутствия научных и научно-популярных изданий как по истории Брестской крепости, так и самого города. Авторы в популярной форме рассматривают основные исторические события, связанные с историей города и крепости. Издания хорошо иллюстрированы и лишены пропагандистских штампов, присущих работам военно-исторической тематики. Однако полноценное научное издание, посвященное истории брестской фортификации, еще впереди, поскольку не использованным остается огромный пласт источников, содержащихся в архивах Российской Федерации и Польши. Не менее актуальными на сегодняшний день являются проблемы инвентаризации объектов всего историко-фортификационного комплекса в Бресте и их сохранения.

Таким образом, изучение «российской фортификации» в Беларуси началось в конце XX в. белорусскими и польскими исследователями. Этот период характеризуется проведением полевых

исследований памятников долговременной фортификации в Беларуси, архивных изысканий, публикацией предварительных результатов и нескольких научно-популярных изданий. Определенные успехи сделаны в музеефикации и популяризации памятников фортификации нового времени (прежде всего в Мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» и Бобруйском краеведческом музее).

Литературу, в штогории рассматривается советская долговременная фортификация в Беларуси, можно разделить на две группы. Первая группа — книги и статьи по различным аспектам истории СССР в межвоенный период, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы военно-инженерной подготовки границ СССР, и вторая - работы, специально посвященные фортификационному строительству в Беларуси и роли укреплений в боях начального периода Великой Отечественной войны.

Первыми исследователями советской фортификации стали немецкие военные. В 1941 - 1942 гг. ими были обследованы захваченные советские укрепления на старой (до 1939 г.) и новой (после 1939 г.) государственно-границах. Обобщающий отчет был опубликован в 1942 г. В нем достаточно подробно характеризуются особенности устройства фортификационных сооружений, их размещения, приводятся данные по вооружению, содержится богатый графический материал, в том числе и с территории Беларуси [203]. Несмотря на имеющиеся недостатки и пропагандистский характер, это издание широко используется современными исследователями советской долговременной фортификации.

Значительных обобщающих работ по истории советской фортификации на всем постсоветском пространстве пока издано не было. Единственное монографическое исследование, посвященное советской фортификации на советско-германской границе, принадлежит белостоцкому историку Т.Весоловскому и издано в Польше [236]. Автор на основе документальных источников, находящихся в фондах Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» и личных полевых исследований на территории Польши рассмотрел историю строительства 62 Брестского укрепленного района (УРа), дал характеристику долговременных фортификационных сооружений, проанализировал состав гарнизона укрепрайона и его участие в боях в июне 1941 г. Однако отсутствие архивных материалов белорусских и российских архивов, а также полевых исследований на территории Беларуси не позволило ему раскрыть тему с достаточной полнотой.

Несомненный интерес представляют для исследователей советской фортификации еще несколько книг, также изданных в Польше. К ним относятся совместные монографии М.Заборовского и М.Рогальского [224] и Д.Кауфмана и Р.Юрги [209]¹. В этих книгах на широком историко-географическом фоне показано развитие форм долговременной фортификации в Европе в межвоенный период, дана характеристика теоретических разработок и практических решений военно-инженерного укрепления границ отдельных европейских стран перед второй мировой войной, в том числе и СССР. Факторический и иллюстративный материал изданий достаточно полно отражает основные направления европейского фортификационного искусства в период между двумя мировыми войнами.

Одним из первых в советской историографии обратил внимание на значение долговременной фортификации в подготовке театра военных действий В.А.Анфилов. В своих работах, посвященных началу Великой Отечественной войны, он обратился к предвоенной подготовке советских вооруженных сил и рассмотрел военно-инженерную подготовку западного театра военных действий, некоторые аспекты строительства пограничных укреплений и их роль в начале войны [7; 8].

Общая характеристика теории и практики инженерной подготовки западного театра военных действий в межвоенный период дается в книге «Инженерные войска Советской Армии», изданной в 1985 г под редакцией С.Х.Аганова [55]. В исследовании рассматриваются два этапа строительства укрепленных районов в СССР - в 1928 - 1939 гг. и 1940 - 1941 гг. в контексте развития советских инженерных войск и военно-инженерного искусства. «С конца 20-х гг. на границах Советского государства проводилось огромное по своему объему и размаху оборонительное строительство», - отмечают авторы [55, с. 168]. В монографии приводятся некоторые факты по строительству на территории Беларуси и формулируется вывод о том, что применительно к характеру современных войн были по-новому решены многие вопросы военно-инженерной подготовки страны к войне: обоснована идея прикрытия границ системой укрепрайонов, разработаны новые типы и конструкции долговременных и полевых фортификационных сооружений. Теорети-

¹ Данное издание представляет собой перевод на польский язык книги этих же авторов: Kaufmann J.E., Jurga R.M. Fortress Europe. European Fortifications of World War II. -Pennsylvania: Combined Publishing - 1999.

ческие труды по этим вопросам служили руководством при осуществлении инженерной подготовки государства к обороне.

Значительный фактический материал по предвоенной подготовке (в том числе инженерной и состоянию укрепрайонов перед войной) приграничных районов СССР к войне с Германией приводится в монографическом исследовании А.Г.Хорькова «Грозовой ион: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны» [175]. Необходимо отметить, что перу этого автора принадлежит и первая в советской историографии статья, специально посвященная истории строительства в СССР укрепленных районов. А.Г.Хорьков, используя обширный архивный материал, выделил этапы их строительства, дал оценку уровню строительства и подготовки к боевым действиям отдельных укрепрайонов, в том числе Гродненского и Брестского [176].

В контексте проводимого исследования нельзя обойти вниманием монографию О.Н.Кена «Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х - середина 1930-х)» [69]. В работе рассматривается эволюция мобилизационного планирования как процесса, в котором воплотились доктринальные воззрения высшего руководства СССР на пути развития страны и характер отношений с окружающим миром. Одной из ключевых проблем планирования начального периода для советских военных оставалось прикрытие мобилизации и обеспечение оперативного развертывания главных сил. Для прикрытия оперативного сосредоточения плавных сил РККА предполагалось строительство укрепленных районов. Автор отмечает, что программа строительства укрепрайонов на европейском театре военных действий, являлась интегральной частью усилий по оборонному строительству и была подготовлена в 1928 г. Одними из первых предполагалось строить укрепрайоны на территории Белорусского военного округа [69, с. 33-35].

В статье «Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941)» В.А.Семидетко делает попытку ответить на вопрос: «Что привело к катастрофе советских войск в Беларусь летом 1941 г.». Автор рассматривает некоторые вопросы подготовки войск ЗапОВО и состояние театра военных действий накануне войны, так как от этого во многом зависели ход и исход оборонительных сражений в Беларусь [158]. Опираясь на архивные данные, автор дает короткую характеристику инженерному оборудованию территории Беларусь и отмечает состояние УРОв как не готовое к серьезному боевым действиям.

А.А.Крупенников одним из первых начал собирать сведения об участии в боях начального периода частей укрепрайонов. Будучи директором Музея обороны Брестской крепости, он записал воспоминания участников, провел архивные исследования по истории укрепленных районов, в том числе и на территории Беларусь. В изданном им сборнике статей о начальном периоде Великой Отечественной войны одна статья посвящена укрепрайонам на западной границе СССР (и отдельный очерк - обороне Брестской крепости) [70]. В начале статьи автор дает характеристику общего состояния приграничных укреплений на советско-германской границе. Большая же часть статьи раскрывает малоизвестные страницы обороны уровня гарнизонов в первые дни войны.

Несомненный интерес представляют воспоминания непосредственных участников исторических событий 20 - 40-х гг. XX в. Наиболее ценными для разработки данной тематики являются мемуары Г.К.Жукова, А.Ф.Хренова, К.Н.Галицкого, Л.М.Сандалова, П.Н.Григоренко, П.Н.Палия.

Первые два автора, являясь в предвоенные годы руководителями Красной Армии высокого ранга (Жуков Г.К. - командующий Киевским Особым военным округом, с января 1941 г. - начальник Генерального штаба, А.Ф. Хренов — начальник Главного инженерного управления), внесли значительный вклад в разработку и осуществление плана военно-инженерного обеспечения в приграничных округах СССР [53; 177].

К.Н.Галицкий и Л.М.Сандалов перед войной занимали соответственно должности командира 24 стрелковой дивизии и заместителя командующего 4 армии. Подразделения этих частей непосредственно выполняли задания по выполнению планов прикрытия границы и участвовали в возведении сооружений Гродненского и Брестского укрепленных районов. В воспоминаниях К.Н.Галицкого приводятся данные о состоянии строительных работ в полосе 3 армии и мероприятиях по ускоренной подготовке укрепрайона к боевым действиям [32].

В книге Л.М.Сандалова рассматривается инженерное обеспечение в полосе 4 армии Западного особого военного округа накануне войны, характеризуется долговременное и полевое строительство, отмечается, что полоса обороны 4 армии в инженерном отношении была подготовлена слабо и в первый же день войны была довольно легко преодолена противником [155].

П.Н.Григоренко дважды проходил службу в Минском укрепленном районе. В 1933 г. он, будучи спутником Военно-инженер-

ной академии, был командирован для выполнения строительных работ на одном из подучастков. В 1936 г. П.Н.Григоренко был назначен сначала на должность командира отдельного инженерного батальона Минского укрепрайона, а затем начальника инженеров. В его воспоминаниях показаны методы, с помощью которых осуществлялись строительные работы, дана личностная характеристика участникам строительствам [46].

Положение на строительстве Брестского укрепленного района накануне и в начале Великой Отечественной войны осветил в своих воспоминаниях П.Н.Палий. Он был направлен на строительство Брестского УРа в январе 1941г. сначала на должность начальника группы оборудования планово-производственного отдела 74 Управления начальника строительства, а незадолго до войны назначен на должность начальника Центральной инженерно-материальной базы на станции Черемха. Будучи профессиональным строителем, П.Л.Палий отмечает отрицательные и положительные явления в организации военно-инженерных работ, характеризует ситуацию с обеспечением строительства рабочей силой и механизмами, описывает трагизм отступления в начале войны. Благодаря его свидетельствам восстанавливаются неизвестные страницы истории частей Брестского укрепрайона, устанавливаются судьбы командного и рядового состава [88].

В воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны, которые изданы в Гродно, содержался свидетельства непосредственных участников строительства и защитников Гродненского укрепленного района, а в книге «Буг в огне» - Брестского [20; 29]. В целом воспоминания имеют важное значение для реконструкции исторических событий в приграничных регионах накануне и в начале войны, однако во многих случаях носят субъективный характер и требуют аналитического подхода и сопоставления с другими источниками.

В конце XX в. активизировались исследования советской пограничной фортификации, что нашло свое отражение в количестве и качестве издаваемых работ как в Беларуси, так и за рубежом. Появился ряд специальных публикаций, посвященных различным аспектам историко-фортификационной проблематики - построению системы фортификационных форм, соответствующих новейшему периоду развития фортификации, теории и практики оборонительного строительства в СССР в целом и в Беларуси в частности, истории возведения отдельных военно-инженерных сооружений и комплексов в Беларуси, вооружению и техническому обеспечению дол-

говременных фортификационных сооружений, участию в строительстве гражданского населения и методам военного и партийного руководства на стройках спецстроительства, роли пограничных укреплений в боях начального этапа Великой Отечественной войны, мужеству и героизму их защитников, изучению, сохранению и использованию памятников долговременной фортификации в научно-познавательных и воспитательных целях.

Среди зарубежных публикаций отметим исследования польских авторов. Объектом их изучения в основном стала система советских укреплений на новой советско-германской границе (так называемая «Линия Молотова») 1939 - 1941 гг. Это не удивительно, поскольку значительная часть долговременных фортификационных объектов (Замбровский и Осовецкий укрепрайоны полностью, Перемышльский, Рава-Русский, Брестский, Гродненский большей частью) оказалась после войны на территории современной Польши. Польские исследователи уделили внимание общеметодологическим вопросам изучения советской предвоенной фортификации и конкретным историко-фортификационным комплексам, в том числе Брестскому и Гродненскому укрепленным районам [195; 200; 201; 210; 215; 216; 230; 234; 235; 237; 239]. Выделим публикацию А.Вана «Transgraniczne badania 68 Grodzieckiego rajonu wojskowego». Эта статья подготовлена по результатам полевых исследований историко-фортификационного комплекса, проведенных совместной белорусско-польской экспедицией на территории двух стран.

Российские и украинские исследователи ведут свои разработки по аналогичным историко-фортификационным направлениям. Привлекает внимание дискуссия по проблеме построения единой системы фортификационных форм, которая развернулась на страницах историко-фортификационного сборника «Крепость Россия» и имеет важное значение для выработки общей терминологической системы с учетом исторического и теоретического понятийных аппаратов [30; 64]. В последнее время опубликованы результаты исследований некоторых укрепленных районов на территории России и Украины, что позволяет провести сравнительный анализ с аналогичными объектами Беларуси, а также несколько статей с общесториическими сведениями (в том числе и по Беларуси) [31; 157; 168; 202; 212; 213].

Необходимо также отметить статью Роберта Тарлетона, опубликованную в Великобритании [228; 229]. Автор на основе анализа в основном открытых русскоязычных публикаций рассмотрел проблемы фортификационного укрепления границ СССР в предвоен-

ный период. Основное внимание он уделил политическим решениям партийных и военных органов при подготовке к войне на западном театре военных действий и значению укрепленных районов.

Отечественные исследователи долговременной фортификации советского периода в Беларуси начали публиковать свои работы с конца 80-х гг. ХХ в. В. Абрамович в своей статье «Нужны ли нам бастionные крепости, форты и доты» затронул проблемы изучения и сохранения фортификационного наследия Нового и новейшего времени. В. Каминский в статье «Для долговременной обороны» дал характеристику советских долговременных сооружений постройки конца 20 - нач. 30-х гг. на примере Минского укрепленного района [2; 60]. Владимир Каминский продолжил исследования этого историко-фортификационного комплекса и в последние годы опубликовал еще ряд статей [61-63]. Несмотря на газетный характер некоторых публикаций, необходимо отметить высокий научный уровень материалов этого автора в целом, поскольку использованы результаты личных полевых исследований и архивные источники, ставшие доступными в последние годы.

И. А. Басюк одним из первых белорусских историков обратился к истории возведения укрепленных районов на новой границе СССР в Беларуси. Объектом его исследований являлся Западный особый военный округ накануне и в начале Великой Отечественной войны. Поэтому строительство укрепленных районов рассматривалось И. А. Басюком в контексте подготовки территории Беларуси как западного театра военных действий. Необходимо отметить, что он одним из первых в белорусской историографии рассмотрел проблему подготовки западных областей Беларусь к ведению боевых действий накануне войны. Белостоцкая и Брестская области были буквально «нашипованы» советскими войсками. Разумеется, что для размещения такой огромной военной инфраструктуры и подготовки театра боевых действий необходимо было провести большие работы: построить новые фортификационные сооружения (УРы), аэродромы, убежища, склады, казармы, мосты, дороги, «перешить» старое железнодорожное полотно. В официальных советских документах того времени все эти мероприятия назывались «работы на объектах спецстроительства», «работы на оборонном строительстве». Этим работам партийными, советскими и военными властями придавалось огромное значение и для их выполнения было задействовано большое количество трудовых и материальных ресурсов. Используя материалы белорусских архивов, И. А. Басюк

показал методы, применяемые советскими властями для подготовки республики к войне в целом и строительстве УРов на границе в частности [10-14].

Тему «белорусские земли в системе фортификационного строительства Советского Союза в предвоенный период» продолжил в своих публикациях автор данного исследования. На основе результатов полевых исследований и документальных источников из архивов Беларуси и Российской Федерации был опубликован ряд статей, в которых рассматриваются различные аспекты фортификационного строительства в Беларуси в предвоенный период - военно-инженерная подготовка приграничной полосы в Беларуси, использование местного населения на строительстве военных спецобъектов, применение командно-административных методов на спецстроительстве в Западной Беларуси, строительство 68-го Гродненского укрепленного района и проблемы комплексного исследования памятников долговременной фортификации в Беларуси [99-104; 221].

В белорусской историографии практически отсутствуют публикации, посвященные тактическим и инженерно-строительным характеристикам отдельных фортификационных комплексов и долговременных сооружений, а также их вооружению и внутреннему оборудованию. Пионерскими в этом отношении можно назвать совместную статью Е. Хитряка и И. Волкова в польском журнале «Forteca», а также публикацию А. Данилова в журнале «Армия». В первом случае, авторы, используя полевые исследования и архивные материалы, реконструируют боевой пост советского пулеметного ДО ТА первой очереди строительства Минского укрепленного района (1931 - 1938), а во втором рассматриваются основные типы долговременных оборонительных сооружений Брестского укрепленного района с учетом их вооружения, оборудования и участия в боях [47; 205].

События начала войны в пограничных укреплениях Западного особого военного округа до недавнего времени были малозвестными страницами истории Великой Отечественной войны. Связано это с тем, что фактологические свидетельства представлены небольшим количеством архивных документов и воспоминаний очевидцев событий. Однако в последнее время ситуация изменилась. Были проведены ряд исследований, и необходимо отметить, что наиболее полно изучено участие в боях гарнизона Брестского укрепрайона. Авторы публикаций широко использовали материалы, находящиеся в фондах Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», опубликованные и неопубликованные воспоминания

непосредственных участников событий и гражданского населения, результаты обследования некоторых объектов долговременной фортификации Брестского УРа [17; 22-26; 48; 185]. В статьях показан трагизм первых часов войны - просчеты советского руководства в размещении приграничных укреплений привели к тому, что занятые усовскими частями долговременные сооружения, оказались без поддержки полевых войск к вели борьбу с противником в полном окружении. Большая часть построенных сооружений вообще не была занята советскими войсками и захвачена немецкими войсками без боя. В публикациях белорусских историков рассматривались также боевые действия по отражению фашистской агрессии на линии старой границы - в Минском и Полоцком укрепленных районах[3; 4; 6; 72; 90-92]. Про боевые действия в Слуцком и Мозырском укрепрайонах имеются лишь фрагментарные сведения [29; 93].

Основные документальные источники по данной тематике находятся в архивных хранилищах Российской Федерации - Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). В РГВА содержатся документальные материалы, касающиеся крепостного строительства в Российской империи, в том числе и в Беларуси. Прежде всего это фонды: 13125 - Бобруйская крепость-склад и подчиненные ей учреждения и войковые части (1815 - 1886 гг., 193 ед. хр.), 13126-Брест-Литовская крепость и подчиненные ей учреждения и войковые части (1818-1917 гг., 5972 ед. хр.), 13129 - Гродненская крепость и подчиненные ей учреждения и войковые части (1878 - 1918 гг., 3765 ед. хр.). В этих фондах хранится большое количество документальных материалов, характеризующих различные аспекты строительства и функционирования крепостей в Беларуси - пояснительные записки к проектам крепостей, общие основания для проектирования крепостного расположения, описи смет на строительство крепостных сооружений, доклады о ходе строительства, оперативные сводки, различного рода переписка и документация, связанная с боевыми действиями в ходе первой мировой войны, журналы боевых действий, сметы, чертежи, ведомости, пояснительные записки об оборонительных сооружениях в крепостях и много другой информации.

В фонде 349 - Главное военно-техническое управление (1599 - 1923 гг., 113633 ед. хр.) содержатся графические материалы по вы-

гаеназванным крепостям, а также по укреплениям в Борисове, Дриссе и Бочейкове: карты городов и крепостных районов, планы и чертежи как целых крепостных комплексов, так и отдельных фортификационных объектов. Аналогичные документы можно найти в фонде 418 - Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов бывшей Российской империи (нач. XVI в. - 1917 гг., 1373 ед. хр.) и фонде 424 - Материалы о российских приграничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях (1736 — 1917 гг., 245 ед. хр.). Необходимо выделить и фонд 497 - Главный крепостной комитет (1824-1909 гг., 412 ед. хр.) в котором находятся годовые отчеты о состоянии крепостей России с 1889 по 1913 гг., а также многочисленные документы со сведениями о численности крепостных гарнизонов и вооружения.

Кроме вышеуказанных фондов РГВИА, исследователю российской фортификации в Беларуси необходимо также обратить внимание на фонды 826 - Инженерная экспедиция Военной коллегии (1720 - 1812 гг., 2824 ед. хр.), 827 - Инженерный департамент (1708 - 1895 гг., 16178 ед. хр.), 833 - Управление генерал-инспектора по инженерной части (1909 - 1817 гг., 28 ед. хр.), 803 - Инженерный комитет Главного военно-технического управления (1860 -1917 гг., 2120 ед. хр.), 850 - Корпус военных инженеров, 351 - Николаевская инженерная академия и училище (1822- 1918 гг., 1861 ед. хр.). В документах этих фондов также имеется информация, которая касается различных теоретических и практических аспектов военно-инженерной подготовки западной границы Российской империи, в том числе и в Беларуси.

В фондах РГВА находятся документальные материалы, связанные с военно-инженерным строительством в Советском Союзе до 1940 г. Наиболее важными для данной темы с большим количеством единиц хранения являются фонды: 22 - Главное военно-инженерное управление РККА (1931 - 1940 гг., 4312 ед. хр.), 23 - Военно-строительное управление РККА (1924- L931 гг., 1188 ед. хр.), 25874 - Западный особый военный округ, опись 4 - Военно-инженерное управление (1918 - 1922 гг., 1939 - 1941 гг., 151 ед. хр.), 36191 - 71 Управление начальника строительства (1939 - 1941 гг., 173 ед. хр.), 37463 - Управление Мозырского укрепленного района (1930 - 1936 гг., 55 ед. хр.) 37522- Управление Полоцкого укрепленного района (1939 - 1940 гг., 19 ед. хр.), 37648 - Управление коменданта Гродненского укрепленного района (1940 г., 25 ед. хр.), 36967 - Управление укрепленных районов Генштаба РККА (1936 — 1941 гг., 442 ед. хр.). Необходимо особенно выделить последний

фонд. Документы этого фонда стали доступными для исследователей советской фортификации с 2000 г. Тут содержится большое количество документальных материалов, связанных с военно-инженерной подготовкой приграничной полосы СССР и строительством укрепленных районов. Материалы этих фондов дают возможность проследить эволюцию оборонных концепций Советского Союза, охарактеризовать уровень теоретических разработок и практического строительства долговременных укреплений, восстановить историю строительства отдельных историко-фортификационных комплексов, находящихся в Беларуси.

В ЦАМО доступны пока для исследователей материалы нескольких фондов укрепленных районов, но наибольшую ценность имеет фонд 2232 - 68 Гродненский УР (1940 - 1941 гг., 245 ед. хр.) в котором содержатся документы, наиболее полно характеризующие различные аспекты возведения на белорусских землях одного из самых мощных укрепрайонов на новой границе. В фонде 2318 Управление 62 Брест-Литовского УРа хранятся лишь одно дело - Штатно-должностные списки учета командно-начальствующего состава управления и частей укрепрайона. Аналогичные документы по учету командного и рядового состава отдельных пулеметных батальонов 68 и 62 укрепленных районов хранятся в фондах 2614 - 9ОПБ(1941г., 4ед. хр.), 2617-10ОПБ(1941г., 8ед. хр.), 2630-П ОПБ (1941 г., 3 ед. хр.).

При проведении исследований по истории фортификационного строительства Нового и новейшего времени в Беларуси нельзя обойти вниманием и отечественные архивные хранилища. В первую очередь это Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), Национальный исторический архив Беларусь в Гродно (НИАБГ), а также Государственный архив общественных организаций Гродненской области (ГАООГО) и Государственный архив Гродненской области (ГАГО).

В фонде 4П (опись 21 - Особый сектор (1923 - 1941 гг., 2546 ед. хр.) и опись 37 - Военный отдел (1932 - 1948 гг., 253 ед. хр.) НАРБ хранятся документы ЦК КП(б)Б, которые отражают формы и методы партийного и советского руководства Беларуси по организации подготовки республики к предстоящей войне. Это различного рода постановления, докладные, донесения, сообщения, справки по вопросам обороны работы и спецстроительства, переписка с партийными, советскими и хозяйственными организациями СССР и БССР о состоянии комсомольских батальонов на строительстве и по вопросу укрепления пограничной полосы в Белостокской и Брестской областях,

докладные записки первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко И.В.Сталину по различным аспектам военной политики, в том числе об оборонительных мероприятиях в пограничной полосе, о состоянии строительства укрепленных районов в округе и необходимых мерах помощи (датируются марта 1940 г. и июнем 1941 г.).

Аналогичные по содержанию документы имеются в ГАООГА в фонде 195 - Белостокский обком КП(б)Б (1939 -1941 гг., 256 ед. хр.). Из четырех укрепленных районов, возведенных в 1940- 1941 гг. на новой советско-германской границе, три - Гродненский, Осовецкий, Замбровский находились в Белостокской области. Об условиях, в которых проходило спецстроительство, свидетельствуют многочисленные постановления и решения облисполкома и обкома КП(б)Б, специонесения органов НКВД, сводки, справки местных органов и стройорганизаций о выполнении местным населением трудовой и гужевой повинности.

Из материалов в ГАГО отмечим воспоминания гражданских и военных участников оборонного строительства в пред военные годы (фонд 239, описи 4 и 5,24 ед. хр.) и личный фонд бывшего директора архива А.Т.Плещевени, в котором собраны результаты исследований по истории Гродненской крепости и началу Великой Отечественной войны на Гродненщине (фонд 377, 188 ед. хр.).

Источники по участию гражданского населения в строительстве крепостей в Гродненской губернии и состоянию Брестской и Гродненской крепостей во время первой мировой войны содержатся в фонде 1 - Канцелярия гродненского губернатора в НИАБГ. В этом же архиве интерес представляют фонды 558 - Управление Брест-Литовского уездного военного начальника (1891 - 1918 гг., 890 ед. хр.) со значительным количеством документов, касающихся функционирования гарнизона Брестской крепости и 1593 - Брест-Литовское крепостное инженерное управление (1881 — 1898 гг., 45 ед. хр.) с документами о поставках необходимых материалов на строительство крепости и отчетами о произведенных работах.

В НИАРБ выделим фонд 1477 — Коллекция топографических карт, планов городов, деревень, сел и имений Минской губернии (1797 - 1906 гг., ЗП7 ед. хр.) в котором находится большое количество графических материалов (чертежей и планов) сооружений Бобруйской крепости. В этом же архиве имеются фонды 655 - Бобруйская инженерная управа и 1359 - Комендант Бобруйской крепости, но в них содержится всего несколько дел (1 и 5 соответственно).

В фондах Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», Брестского краеведческого музея. Бобруйского краеведческого музея и Гродненского государственного историко-археологического музея хранятся документальные свидетельства (карографические и фотографические материалы, неопубликованные рукописи научных исследований и воспоминаний участников исторических событий), которые имеют отношение к памятникам военно-инженерного строительства в этих городах.

Важное значение для изучения, сохранения и использования в научно-познавательных целях сохранившихся историко-фортификационных комплексов Беларусь имеют полевые исследования. Такие исследования стали систематически проводить в Беларусь в конце 90-х гг. XX в. Автор лично и в составе совместной белорусско-польской экспедиции проводил исследования Гродненской и Брестской крепостей, Брестского, Гродненского и Полоцкого укрепленных районов. Польские части Брестского и Гродненского УРов активно изучают А. Вап, М. Качинский, К. Щепанский, Т. Беловский. Исследования Минского и Мозырского укрепленных районов проводят В. Каминский, И. Волков, Е. Хитряк, А. Базарнов, С. Козлов, С. Захаров. Объекты Полоцкого УРа изучают В. Каминский, П. Ленфельд и В. Комиссаров.

В связи с отсутствием периодического специализированного историко-фортификационного издания на постсоветском пространстве большое значение для изучения и популяризации военно-инженерного наследия имеют WEB-ресурсы. На их страницах размещены научные и популярные материалы, посвященные различным аспектам фортификационного наследия постсоветских стран, опубликовано большое количество иллюстрационного материала, на форумах активно обсуждаются различные темы военно-исторического и инженерно-строительного характера¹.

¹ Укажем только те WEB-ресурсы, в которых содержится информация об историко-фортификационном наследии Беларуси: <http://www.fortification.ru/>; <http://www.unwd.narod.ru/>; <http://vlpronomorev.narod.ru/>; <http://fortress.vif2.ru/>; <http://www.someplaces.spb.nl/>; <http://web-etel.ru/~saper/index.html/>; <http://liniastalina.narod.ru/>; <http://stalin-line.by.com/>; <http://fortress.grodno.by/>; <http://www.edu.grsu.by/tubon/>. Отметим также, что на этих сайтах представлена преимущественно фортификация Нового и новейшего времени.

Таким образом, несмотря на определенные успехи белорусских и зарубежных исследователей (в первую очередь польских), большая часть фортификационного наследия Беларуси XIX - XX вв. остается недостаточно изученной, а во многом и совершенно не затронутой научными исследованиями. К положительной стороне белорусской историографии можно отнести использование результатов полевых исследований и введение в научный оборот документальных материалов, хранящихся в архивах Беларуси и России, к отрицательной - отсутствие обобщающих монографических изданий. Отсутствие какого-либо отечественного серийного издания, специализирующегося на историко-фортификационной проблематике и (или) военно-исторической в целом, отражается на качестве проводимых исследований и вынуждает белорусских авторов публиковать результаты своих исследований за рубежом, что не способствует развитию данного направления белорусской исторической науки. Комплексное использование различных видов источников позволит определить место и роль белорусских земель в системе эволюции общей схемы инженерной подготовки западных границ Российской империи и СССР, выяснить значение фортификационного строительства в развитии исторических и социокультурных процессов в Беларуси в XVIII - пер. пол. XX вв.

ГЛАВА 2

ФОРТИФИКАЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772-1915)

Белорусские земли в планах инженерного укрепления западной границы

Расширение границ Российской империи вследствие присоединения части территорий Речи Посполитой и Османской империи повлекло за собой необходимость принятия мер к управлению новыми землями при помощи фортификации. Военная Коллегия в 1772 г. представила доклад о постройке шести новых крепостей, не определяя точного месторасположения, но наметив в общих чертах Динабург Погоцк, местечко Висциц, Овруч, Рогачев и возле Скиток. Началось формирование пяти новых гарнизонных батальонов - по одному для каждой из будущих крепостей (шестой должен был перейти в Динабург из упраздненного к тому времени укрепления у Эвста). Были назначены коменданты, которые подчинялись обер-комендантом с местом пребывания в Опочке и Могилеве. Однако на этом приготовления к фортификационному усилению западной границы были прекращены.

Этот период в истории российской фортификации отличался полной безрезультатностью грудов военных инженеров. После признания нецелесообразной системы Лифляндских крепостей было решено заняться дальнейшей разработкой сети западных крепостей. Для разных местностей было составлено огромное число проектов с большим количеством и большими размерами казематов. Но проекты так и остались на бумаге, для их осуществления требовалась большие суммы денег. Затем было решено заниматься не западной, а северной границей империи. Опять были составлено множество проектов, также оставшихся без исполнения. Все усилия инженеров были напрасными, в связи с тем, что не было общей руководящей идеи фортификационного укрепления границ Российской империи [160, с. XLIX].

Такая идея появилась после привлечения на российскую военную службу немецкого генерала Фридриха-Вильгельма Бауэра. Императрица Екатерина II поручила ему привести в систему крепостное строительство в России. Сначала он единолично руководил всеми фортификационными работами в приморских крепос-

тях в Прибалтике, а в 1780 г. объехал всю западную границу с целью выбора места для расположения новых крепостей. Результатом работы Комиссии под его руководством стал доклад 7 ноября 1780 г. Екатерине II, в котором Бауэр изложил свою концепцию крепостного строительства. Он исходил из того, что: «1) оборона границ должна сообразовываться с состоянием военной силы у себя и соседей; 2) всякую крепость можно захватить с потерей времени и сил, но собранные в мирное время в крепости средства увеличат жертвы неприятеля; 3) крепости не должны быть предоставлены полностью своей обороне, их следует поддерживать действиями полевой армии; 4) крепость должна быть рассчитана на гарнизон, который может быть выделен армией; 5) следует остерегаться многочисленности крепостей, поэтому строить их только на сборных пунктах армии; 6) выгодней иметь крепости на самой границе, этим можно удержать войну в пределах неприятельской территории; 7) крепости представляют удобные складочные места, тогда как магазины, устроенные вне крепости, выдают намерения» [160, с. LIII].

Бауэр полагал возможным сократить все работы, предполагаемые в значительном размере в лифляндских и эстляндских крепостях, а сбереженные деньги потратить на новые белорусские крепости. Он считал нецелесообразной линию крепостей Погоцк, Сенно, Могилев, которую ранее предложила к строительству комиссия инженер-генерала Мордвинова. Бауэр нашел, что в стратегическом отношении линия слишком удалена от новой границы, в тактическом близкие командные высоты опасны для обороны, а также что вследствие свойств окружающей местности производство фортификационных работ связано с излишними непроизводительными расходами по урегулированию течения рек. Поэтому он выбрал новые места впереди намеченной линии в Будилове, Толочине и Рогачеве [160, с. LIII].

Высказываемые Бауэром взгляды были вполне рациональны. Предлагаемая им система крепостей вполне соответствовала состоянию границ. Он отказался от узких соображений стратегов, обращавших все внимание на достаточно обеспеченную крепостями полосу между Двиною, Чудским озером и Балтийским морем и упустивших из виду западную границу. Однако ни одна из предложенных Бауэром крепостей не только не была построена, но и даже начата.

В 1783 г. Комиссия под председательством генерал-поручика Алексея Тучкова опять исследовала западную границу и, сохранив

намеченные Бауром места, предложила к постройке еще одну промежуточную крепость в Неданичах, в 150 верстах севернее Киева, а вместо Киевской крепости, которая была признана несоответствующей прочной обороне и удобству производства фортификационных работ, полагалось устроить новую крепость на р. Унав [160, с. LIV].

До окончательного присоединения белорусских земель к Российской империи еще несколько раз возникали теоретические разработки фортификационного укрепления западных земель. Среди них необходимо отметить записку инженер-капитана Карла Ивановича Оппермана. Взгляды, высказанные им, были частично осуществлены в последующие годы. Линия крепостей, по его мнению, должна была состоять из Динабурга, Постав, Минска, Несвижа, Острога и Каменец-Подольска. Эта цепь из укрепленных пунктов представляла собой предлагаемую предыдущими фортификаторами пограничную завесу (*rideau fortifié*), но уже значительно подвинутую вперед, сообразно измененной постепенными разделами Речи Посполитой границе. К.Опперман, отдавая предпочтение встрече неприятеля вне пределов страны, признавал, однако, крепости необходимыми для сбора войск в случае неудачи, но при этом полагал выгоднее располагать их в открытой части границы для облегчения маневрирования войск. В это же время по мнению Оппермана, в крепостях должны быть магазины полевых войск для облегчения их наступательных операций [160, с. LV].

В результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. в Центральной Европе произошла смена geopolитической ситуации, и была установлена новая граница Российской империи с западными соседями. Теперь российско-прусская граница проходила вдоль Немана от Паланги до Гродно и далее по прямой до Немирова. Буг от истоков до Немирова делил Россию и Австроию. Казалось, что западная граница стабильна и изменяться не будет. К тому же необходимо было показать миру, что Россия закрепляется на присоединенных землях надолго и всерьез. Высшие российские военные власти приступили к работам по инженерному обеспечению новой границы империи.

Начало разработки новых планов было положено в 1796 г. Тогда была создана специальная комиссия под руководством генерал-майора инженера Петра Корниловича ван-Сухтелена. На западную границу для изучения новых земель был направлен инженер-капитан К.Опперман. Результатом его работы стала инструкция «Обеспечение новой границы с Пруссией и Австроией». Он предложил на протяжении 1200 км построить 9 крепостей: в Либаве, Ковно, Мереце,

Гродно, Брест-Литовске, Луцке, Лановичах, Каменце-Подольском, Сороках [160].

При анализе этого плана необходимо отметить тот факт, что по линии Немана на протяжении 150 км планировалось построить 3 крепости (Ковно, Мерец, Гродно) - в среднем 1 крепость на 50 км. Но остальные 1000 км приходилось б крепостей, или одна на 150-200 км. Такая диспропорция вытекала из стратегической важности северо-западной части театра военных действий. Российские штабисты имели ввиду, что на протяжении нескольких столетий все военные компании, в которых в какой-то мере решалась судьба России, проходили на север от Полесья [231, с. 20].

Дальнейшую разработку фортификационного укрепления западной границы империи продолжил инженер-генерал-майор Деволант. В 1797 г. он высказал приблизительно те же взгляды относительно системы обороны западной границы, но советовал расположить крепости в три линии. Согласно его плану, первая линия соответствовала проекту К.Оппермана, вторая линия располагалась на расстоянии 100-80 км и включала крепости-склады в Вороне, Вильно и Слониме и третья линия состояла из крепостей 1 класса в Риге и Киеве. Такой способ обороны границы позволял довольно эластично строить тактику обороны и наступления. В том же 1797 г. начались работы по реализации названных выше планов, однако окончательно они выполнены не были [160, с. LVI]. Россия, которая вела многочисленные войны, средств на реализацию планов фортификационного укрепления (а стоимость работ была очень большой) на то время уже не имела. Кроме средств, не хватало и соответствующих квалифицированных кадров для крепостного строительства, поскольку велись в основном наступательные войны, и инженерных частей было не много. Царствование императора Павла I не способствовало каким-либо практическим действиям в военно-инженерном отношении, и многие российские военные инженеры вышли в отставку (К.Опперман в том числе).

С 1801 г. после вступления на трон императора Александра I ситуация стала изменяться. Началась реорганизация и модернизация армии, на службу вернулись многие офицеры. Дошла очередь и до понимания важности фортификационного укрепления границы с западными соседями. Указом императора от 23 октября 1802 г. была учреждена Инженерная экспедиция, во главе которой был поставлен Инспектор Инженерного Департамента инженер-генерал П.К.ван-Сухтелен. На эту экспедицию возлагалось «содержать в добром порядке все крепости и укрепления с находящимися в оных

и прочими по ведомству строениями, не допускать их повреждения, заняться исправлением само нужнейших, наблюдать, чтобы при употреблении на производство работ и на прочее расходов, не выпущено было из виду сбережение казенного интереса, всемерно стараться снабдить Инженерный Департамент способными офицерами [160, кн. 1, с. 17]. Впервые в России инженерный корпус был признан отдельным родом оружия, что содействовало улучшению проведения фортификационных работ в стране.

После войны с Наполеоном в 1805 - 1807 гг. вследствие присоединения России к континентальной блокаде против Англии основное внимание было обращено на приморские крепости и турецкую границу. Однако общее внешнеполитическое положение России вызывало необходимость создания и других новых крепостей. Ввиду этого ван-Сухтелен, в руках которого находилось в это время все крепостное дело, счел необходимым вновь подробнее исследовать западную границу, для чего и предпринял лично поездку в 1807 г. На основании этой поездки он составил обширный проект возведения целой системы крепостей на западной границе, предложил укрепить города Вильно, Kovno, Брест-Литовск, Пинск, Луцк и возвести крепости на левом берегу Днестра. Но Сухтелену не удалось добиться осуществления своего проекта [193, с. 137].

После франко-австрийской войны 1809 г. стало понятно, что конфликт между Францией и Россией неизбежен. С 1810 г. началась усиленная работа по подготовке к военным действиям. В состав комиссии по подготовке к войне с Францией был включен инженер-генерал-майор К. Опперман, который вернулся к плану создания фортификаций на западе империи, поскольку предыдущие планы не были осуществлены и граница оказалась без защиты в военно-инженерном отношении. Он лично выехал на рекогносировка в западные губернии во главе группы военных инженеров. Результатом исследований стал выбор трех пунктов: Бобруйска, Борисова и Динабурга, на которых остановились после некоторых колебаний вместо Рогачева, Будилова, Быхова и Полоцка [160, кн. 1, с. 68]. Крепость Бобруйск должна была служить опорным пунктом в Полесье и плацдармом для сбора войск в случае войны России на западе. Работы велись тут очень интенсивно, и к лету 1812 г. крепость была приведена в оборонительное состояние. Она выполнила определенную стратегическую задачу в войне 1812 г. ее достраивали и укрепляли до 1826 г. Борисовская фортификация представляла собой систему земляных укреплений полевого характера типа «тэт де пон» для защиты мостов через Березину [193, с. 140-141].

План войны против Франции был разработан советником императора прусским генералом Фулем. Его рекомендации сводились к тому, что одна армия отступает под действием главных сил французов от одной позиции к другой, а в то же время другая русская армия наносит удар неприятелю в тыл. Фуль исходил из того, что Наполеон начнет наступление в направлении Вильно или Гродно. Поэтому на Западной Двине, около местечка Дрисса, был создан большой укрепленный лагерь, где 1-я армия должна была сдерживать противника, а 2-я - действовать во фланг и тыл врага с опорой на борисовские укрепления [57, с. 79]. План Фуля был очень не популярен в кругах российских военных. Дрисский лагерь возводился по основам прусской фортификации, которые уже не соответствовали стратегии и тактике ведения войны, и в его строительстве русские военные инженеры участия не принимали [52, с. 83-86].

После российско-французской войны к вопросу укрепления западной границы в России вернулись в 1816 г. с утверждением Комитета по рассмотрению состояния российских крепостей. Комитет под председательством генерал-лейтенанта К. Оппермана разработал подробную ведомость всем существующим к тому времени крепостям, где каждой из них была сделана оценка ее значения в системе государственной обороны. Большинство членов Комиссии высказались против тогдашней системы государственной обороны, в особенности западной границы, и признало, что места, на которых были заложены новые крепости, не соответствовали своему назначению. Так, Динабург, Борисов, Бобруйск считались слишком удаленными от границы, чтобы служить действующей армии, а тем более Киев и Рига. Было высказано мнение о том, что следовало бы остановить дальнейшее развитие перечисленных крепостей, а сбереженные средства использовать на основание новых в Брест-Литовске, Пинске, Луцке и Kovno. Нельзя не отметить дальневидность предложений Комитета, поскольку это предложение было частично реализовано в более позднее время, а строительство Бобруйской и Динабургской крепостей, утративших свое стратегическое значение, продолжалось вплоть до середины 20-х гг. XIX в., выкачивая из казны большие средства [160, кн. 1, с. 106].

К предложению Комитета вернулись после того, как императором стал Николай I. В 1827 г. была создана очередная комиссия для выяснения стратегического значения существовавших фортификаций и разработки новых. Сразу же возникла дискуссия, где строить новую крепость - в Бресте или Гродно. Проектные работы велись сразу по двум городам, но практическая постройка крепос-

ти осуществлена в Брест-Литовске. Окончательный проект крепости был составлен в 1829 г. генералами К.Опперманом, М.Малец-ким, полковником А.Фельдманом, исправлен и утвержден императором Николаем I в 1830 г. Восстание 1831 г. немного задержало начало строительства, однако окончательно убедило царское правительство в правильности возведения крепости на западе Беларуси как опоры царизма на этих землях. В 1832 г. надзор за строительством был возложен на генерал-фельдмаршала Ф.Паскевича, и на месте древнего города начались земляные работы. 1 июня 1836 г. был заложен первый камень, а через шесть лет строительство основных укреплений было закончено. 26 апреля 1842 г. крепость в Брест-Литовске была введена в боевые расчеты российской армии. Необходимо отметить, что Брестская крепость фактически непрерывно строилась с 1832 г. до 1915 г., проводились работы по усовершенствованию старых и постройке новых фортификационных сооружений. С 1864 г. по 1883 г. была проведена ее реконструкция в соответствии с запиской генерала Э.Тотлебена о модернизации российских крепостей (1862 г.) [233, с. 51-52].

Работа вышеизанной комиссии продолжалась до 1833 г., а ноябрьское восстание 1831 л повлияло на планы дальнейшего фортификационного укрепления на западе империи. После ликвидации Царства Польского военно-стратегические планы связывались со строительством новых крепостей на территории губерний Привисленского края. Главными природными рубежами тут были реки Висла и Нарев. В 1832 - 1834 гг. была возведена Александровская цитадель в центре Варшавы, а в 1848 г. на правом берегу Вислы построили предметное укрепление - форт Спивицкого. Необходимо отметить, что эта крепость строилась прежде всего с жандармской целью - удерживать в послушании Варшаву. В 1837 - 1847 гг. были построены укрепления в Демблине (переименованном российскими властями в Ивангород), а с 1832 по 1841 гг. возводилась крепость в Модлине (Новогеоргиевск). Именно во времена царствования Николая I была создана система инженерного укрепления границ России, которая с небольшими изменениями сохранилась до 1917 г. - были построены 30 новых и модернизированы 33 старые крепости, а также построены и перестроены 135 других фортификационных сооружений.

До начала Крымской войны фортификационное укрепление западной границы Российской империи состояло из трех линий: передовая - крепости в Варшаве, Ивангороде, Новогеоргиевске и Замостье, во вторую входила крепость Брест-Литовск и третья, тыловая линия - Рига, Динабург, Бобруйск, Киев - армейские скла-

ды и места развертывания резервов [193, с. 142-146]. Такое положение на западной границе империи стало предметом анализа императора Николая I. Необходимо признать, что он довольно неплохо разбирался в военной стратегии и тактике, а до того, как стал императором, являлся главным инспектором военных инженеров. В своем мемориале 1843 г. «О системе обороны наших западных фронтов: выдвинутого, северного и южного» он дал характеристику состоянию западной границы и высказал ряд предложений, которые касались крепостного строительства в стране, в том числе и на территории Беларуси: «... я считаю границу (западную) эту как бы разделенной болотами р.Припятью на две зоны. Северная зона лежит против Пруссии; южная — против Австрии, а еще более на юг — против Турции. Обе эти почти равные между собой зоны сходятся в Царстве Польском, заканчиваясь течением Вислы.

Мой взгляд на нашу военную позицию с этой стороны наших границ:

- 1) что наша выдающаяся позиция к стороне Европы находится на Висле;
- 2) что базис северной зоны находится на Двине и Днепре, ограничиваясь с юга Припятью;
- 3) что базис южной зоны опирается на Днепр, ограничиваясь с севера Припятью;
- 4) что точка соединения обеих зон, к стороне запада, есть Брест, который, по этому самому, из всех пунктов западной границы империи есть самый важный, так как служит первым основанием дня нашей выдающейся позиции.

Наша выдающаяся позиция на Висле представляет громадную выгоду, как при наступательной войне, так и при войне чисто оборонительной.

На линии этой мы имеем три крепости: Новогеоргиевск — служит опорой для нашего правого крыла, на Нареве, обеспечивая нам вместе с тем перевал через Вислу и Нарев; в центре мы имеем Александровскую цитадель, а падевом крыле нашим стоит Ивангород.

К этому можно еще прибавить Замосць, который хотя и находится вне линии, но может быть полезным для усиления нашего левого крыла. Позади этой грозной позиции, в виде цитадели, возвышается Брест.

Различные пункты эти соединяются двумя шоссе, а два новых шоссе будут сооружены: одно для соединения Бреста с Бобруйском, через северную зону, между тем как другое соединит Брест с Киевом, через южную зону.

Кроме того, в нынешнем году заканчивается водяное сообщение, соединяющее Днепр с Бугом и Вислой, проходя через Брест.

Эта впечатительная позиция, во всяком случае, обеспечивает нам возможность с величайшим удобством соединять наши силы, приготовлять наши магазины, арсеналы, депо и пр., и весьма облегчит нам способы продовольствования.

Определив таким образом преимущества сей позиции, рассмотрим, чего еще недостает нам для того, чтобы сделать ее вполне выгодной.

Северная зона имеет три укрепленных пункта: первый, Рига, имеет только ту стратегическую выгоду, что обеспечивает зонами обладание устьями Даины; из других же двух Динабург представляет мостовое укрепление на Даине и господствует над шоссе, ведущими в Петербург, а Бобруйск, лежащий немного впереди Днепра, обеспечивает нам переправу через Березину и господствует над шоссе, ведущим из Бреста в Москву. Зато огромное пространство, лежащее от Новогеоргиевска до означенных двух крепостей, равно как интерес между нами обещает, совершенно открыты.

Мне кажется поэтому, что правое крыло наше на Висле не может считаться вполне обеспеченным, пока мы не будем иметь еще по крайней мере двух укрепленных пунктов: один на Немане, около Гродно, на месте, которое еще придется избрать; другой же, мне кажется, должен быть в Минске.

Эти два укрепленных пункта имели бы ту огромную выгоду, что дозволяли бы нам перемянить фронт, правым крылом назад, против неприятельского вторжения в северную зону; а это, вероятно, сделало бы подобную попытку невозможной. Из означенных двух пунктов я предположил бы, впрочем, крепость на Немане как весьма нужное дополнение к нашей выдающейся позиции на Висле. Отсутствие этих двух укрепленных пунктов делало бы названную позицию несовершенной, если предположить, что европейские армии, по примеру Наполеона, захотели бы проникнуть в Россию. Впрочем, предположение это столь маловероятно, что, хотя я считаю сооружение этих двух крепостей делом весьма полезным и желательным, но не признаю его необходимым.

Не то представляет южная зона, и вот почему: Левое крыло нашей передовой позиции заканчивается Ивангородом на р. Вепрже, или же, самое большое, может быть протянуто до Замосцья; но отсюда до Киева мы не имеем ни одного укрепленного пункта. Австрийская граница выдается вперед почти в виде прямоугольника и до такой степени оттесняет нашу

южную зону к болотам р. Припяти, что неприятельская армия может от границы достичь в два перехода до Дубно и Острога, на бресто-киевской дороге, и отрезать нас, таким образом, от единственного нашего базиса — Киева. Очевидно, значит, что прежде всего следует обезопасить этот пункт и, так сказать, уравновесить его в силах с остальной частью нашей границы¹.

Далее император рассмотрел, каким образом можно укрепить юго-западную границу России. В результате он пришел к следующему выводу: «Необходимо также иметь еще один пункт, лежащий более позади, как, например, Мозырь. Не высказываясь относительно его местных преимуществ; однако направление это, кажется, выбрано удачно. Во всяком случае придется устроить шоссе на правом берегу Березины, потому что пункт переправы находится уже у Бобруйска; затем шоссе это примкнет к таковому оке, ведущему из Бреста в Киев, — вероятно, около Житомира (это надо еще определить рекогносцировками). Тогда было бы, может быть, желательным устроить там второклассную крепость, но это сооружение было бы самым последним. Тоже и в Мозыре можно бы удовольствоваться двойным тет-де-поном, дешевого устройства.

Согласно сему расчету нам понадобится 6 новых крепостей: 1) около Гродно, 2) около Минска, 3) около Дубно, 4) на Днестре, 5) около Пинска, 6) около Мозыря. Соответственно их важности, 1-я, подлежащая сооружению, есть Дубно, 2-я — Гродно, 3-я — на Днестре, 4-я — Пинск, 5-я — Мозырь, последняя — Минск и, может быть, впоследствии — Житомир.

Шоссе будут построены: 1) от Белостока к новой крепости у Гродно, также на Минск и Бобруйск, 2) от Бреста к Гродно, 3) от Бреста в Киев, 4) от Киева к Днестру, 5) от Пинска в Дубно, 6) от Бобруйска в Мозырь, к Бресто-Киевскому шоссе, 7) от Динабурга к Витебску и Смоленску, на правом берегу Даины, 8) из Смоленска в Ориц¹. Практического решения этот документ в то время не имел по разным причинам, однако некоторые из предложений (строительство крепости в Гродно, постройка шоссейных дорог) будут реализованы во второй половине XIX нач. XX вв.

Поражение в Крымской войне заставило российские власти провести серьезные реформы всей системы обороны государства, в том числе инженерного обеспечения границ. В России в это время военно-инженерное дело, а с ним и крепостное строительство, были фактически в руках генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена, который с

¹ <http://www.fortification.ru>

1859 г. состоял директором инженерного департамента военного министерства. В 1862 г. было создано Главное инженерное управление (ГИУ), которое занималось как корпусом военных инженеров и инженерными войсками, так и крепостями. Генерал Тотлебен был назначен директором ГИУ. В этом же году он подал «Записку о русских крепостях и приведении фортификационных и артиллерийских систем в соответствие с развитием военного дела». В этой работе, адресованной военному министру, Тотлебен рассматривал инженерное состояние и перспективы развития крепостного строительства в России с учетом появления нарезной артиллерии [193, с. 167-169].

Однако в России после Крымской войны не было возможностей для осуществления планов Тотлебена. Тем более восстание 1863-64 гг. в Беларуси, Литве и Польше спустили общую политическую обстановку. Россия стала снова готовиться к встрече англо-французского флота в водах Балтийского и Черного морей. Поэтому все фортификационные работы были главным образом сосредоточены на приморских крепостях и в первую очередь - в Кронштадте и Керчи. Однако несмотря на это в 60-е гг. XIX в. были проведены работы по укреплению сухопутных крепостей как раз на западе России - в Ивангороде, Новогеоргиевске, Александровской цитадели в Варшаве и Брест-Литовске [193, с. 171].

Конец 60-х гг. XIX в. ознаменовался ростом боевой мощи средств осады крепостей. Изменились и сами укрепления. Генерал Тотлебен, к тому времени практически возглавлявший российскую фортификационную школу, стал создателем теории о фортомном поясе. Подобные теории существовали давно, как в европейской фортификации, так и в российской. Одним из первых предложил выносить отдельные сооружения на 1 - 3 км от ядра цитадели французский фортификатор XVIII в. М.Р.Монгальамбер. В России подобное новаторство принадлежало А.З.Теляковскому [194]. Тотлебен развил и технически обосновал идеи Теляковского, окончательно определив роль фортов в обороне крепости.

В 1871 г. по инициативе Тотлебена были произведены рекогносцировки, съемки и изыскания в Вильненском и Киевском военных округах. Работы проводились с целью выбрать удобные пункты, занятие которых воспрепятствовало бы вторгнувшемуся противнику воспользоваться железнодорожной сетью, которая бурно развивалась в России. Рекогносцировки были проведены около Ковно, Белостока, Гоненда, Гродно, Дубно, Прокурова. Тотлебен лично посетил эти города и дал соответствующие указания для разработки проектов намечавшихся к постройке крепостей. В марте 1873 г. на заседании Особого совещания о стратегическом положении России на ос-

новании доклада Тотлебена было принято необходимым: «1) усилить передовыми укреплениями (фортами) крепости — Ивангород, Новогеоргиевск, Александровскую цитадель в Варшаве и Брест-Литовск; 2) на северо-западной границе - укрепить Гродно как пункт перевозки через р.Неман и опорный пункт для сбора войск; привести в оборонительное положение линию р.Бобра с возведением самостоятельного укрепления (форта-заслуги) у м.Осовец на Либо-Бягостской ж.-д.; укрепить Коно, Вильню и обеспечить перевозку через Западную Двину у Риги...» [193, с. 183]. Предполагалось также фортификационное укрепление юго-западной, южной и кавказской границ. В первую очередь предназначались к постройке крепости Осовец, Дубно, форты в крепостях Варшавского военного округа (Брест-Литовск) и Очаковские укрепления, на что, по расчету, необходимо было ассигновать 37 млн. руб. Однако в указанных городах успели только произвести съемки местности, трассировки укреплений и кое-где начали возводить форты. В предвидении войны с Турцией работы на западе России прекратились.

Снова к ним вернулись после разработки и утверждения «Соображений о планах ведения войны», составленных начальником Главного штаба Н.Н.Обручевым (1880 г.). План действий на Европейском театре был направлен против коалиции государств. В 1879 г. сформировался Двойственный союз, который в скором времени превратился в Тройственный - Германия, Австро-Венгрия, Италия. Это, как писал А.М.Заянчковский, «пришло русский Генеральный штаб к трем следующим выводам: 1) что враждебный союз, и в особенности Германия, опередил Россию в деле боевой подготовки; 2) при современных условиях еще в мирное время должны быть составлены не только общие соображения об употреблении вооруженных сил в случае войны, но и тщательно разработанные расчеты о сроках и районах сосредоточения их, и 3) вследствие преимущества в быстроте сосредоточения войск враждебной стороны, наши соображения должны быть для начального периода кампаний приурочены к обороне, а наша военная подготовка направлена на усиление границ и на улучшение существующих крепостей» [54, с. 34]. По мнению генерала Обручева, в начале компании выгоднее придерживаться оборонительного образа действий - против Германии и наступательного - против Австрии. Главные силы российских войск следовало развертывать по обеим берегам Вислы, где были построены три большие крепости - Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород. Обеспечивая свободу маневра, эти крепости представляли собой плацдарм для наступления и в то же время серьезную преграду для противника в случае форсирования им

Вислы. Правый фланг Привисленского района со стороны Восточной Пруссии планировалось обеспечить естественным оборонительным рубежом линий рек Бобр, Буг, Нарев, усиленным крепостями Осовец,

Помжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск. Левый фланг имелось в виду обеспечить только одной крепостью Брест-Литовск, потому что именно здесь предполагалось наступать в первую очередь. Стратегическое развертывание и сосредоточение войск намечалось прикрыть большей частью армии мирного времени, дислоцированной в западных приграничных округах. Столъ подобно разработанный план войны в России появился впервые [57, с. 96]. Согласно этому плану начались работы по модернизации крепости Брест-Литовск, а в Гродно в 1887 - 1890 гг. была построена укрепленная предметная позиция в составе семи земляных фортификационных сооружений.

Стратегическое значение белорусских земель возросло после российско-японской войны и в связи с разработкой новых мобилизационных планов. Измененный план ведения войны на европейском театре требовал серьезной корректировки всей фортификационной системы России. В докладе 1908 г. по новому стратегическому развертыванию российских войск отмечалось: «наши крепости составляют один из самых запущенных и несовершенных элементов обороны государства... ни одну из наших крепостей нельзя признать удовлетворяющей своему назначению ни в инженерном, ни в артиллерийском отношении» [191, с. 43].

Со вступлением в 1909 г на пост военного министра генерала В.А.Сухомлинова вопрос о реорганизации русских крепостей, в связи с общими реформами в военном деле, встал весьма остро. В записке о мероприятиях по государственной обороне, представленной военным министром в Государственную Думу в феврале 1910 г., говорилось:

«Стратегическое назначение крепостей, как известно, заключается в том, чтобы облегчить своим армии и флоту свободу действий и затруднить в том же противника. К сожалению, наши крепости не удовлетворяют ни одному из данных положений. В общей совокупности они образуют недостаточно стойкую систему, сложившуюся до известной степени под влиянием причин чисто случайных. Поэтому вопрос о существовании некоторых из них подлежит переоценке» [191, с. 44]. В записке указывалось, что в связи с реорганизацией армии на основах ее усиления и упрочения является необходимым изменить дислокацию и отнести сосредоточение российских войск с объявлением войны вглубь страны, чтобы иметь возможность беспрепятственно закончить сосредоточение, а затем, перейдя в наступление совместными силами, нанести противнику решительное поражение,

В соответствии с планами 1908 и 1910 гг. об отводе линии стратегического развертывания вглубь страны на западной границе сохранились крепости Осовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск. Ликвидировались крепости Варшавского укрепленного района: Ивангород, Загр-же, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск. С введением плана 1912 г. на линии развертывания должны были укрепляться Ковно, Брест-Литовск, Осовец, Гродно. Первые три крепости модернизировались, последняя фактически создавалась заново [57, с. 104]. Каждая из этих крепостей была важным стратегическим местом, пунктом опоры армии, контролировала большую территорию и важные пути сообщения.

Схема расположения крепостей на западе Российской империи к XIX - нач. XX вв.

Такая коренная ломка всей инженерной подготовки пограничной территории поставила перед российскими фортификаторами вопрос о том, в каком направлении надлежит совершенствовать старые крепости (Осовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Ковно) и на каких основаниях создавать новую крепость Гродно. Для всестороннего обсуждения вопросов, связанных с развитием российской фортификации, в Николаевской Инженерной Академии в начале 1910 г. были открыты «Прения по крепостным вопросам». Прения протекали довольно горячо, и хотя не привели к каким-то соглашениям, зато дали ценные выводы, которыми воспользовались при составлении новых проектов как крепостей в целом, так и их отдельных элементов. С целью дальнейшего совершенствования крепостных элементов в 1912—1913 гг. на острове Березань и в Варшаве были проведены опыты по практическому использованию различных строительных конструкций [191, с. 45-46]. Результаты работ были обобщены во «Временной инструкции для устройства перекрытий и стен казематированных крепостных помещений», изданной Инженерным комитетом в марте 1913 г. «Инструкция...» и некоторые другие данные были сообщены во все крепостные инженерные управления, которые и принесли им во внимание при возведении новых фортификационных сооружений, начиная со строительного сезона 1913 г.

Брест-Литовск в начале XX в. был важным коммуникационным узлом и левофланговым пунктом на линии развертывания армий согласно плану 1910 г. В 1912 г. был утвержден генеральный план расширения крепости в течение 1912-1921 гг. Летом 1913 г. началось строительство новых укреплений, которое не остановилось с началом войны. К августу 1915 г. крепостная позиция была почти закончена, в нее входили 14 фортов, 5 оборонительных казарм, 21 опорный пункт при общей протяженности 45 км. Брест-Литовск стал самой совершенной и подготовленной к обороне крепостью на западе России. Однако в августе 1915 г. по приказу Верховного командования гарнизон, вооружение и имущество крепости были эвакуированы, а укрепления частично были взорваны [233, с. 58].

Важность стратегического значения Гродно вытекала из его флангового положения относительно направления германских войск на Брест-Литовск, прикрытия Петербургско-Варшавской железной дороги и мостов через Неман. Как мы отмечали выше, крепость в Гродно была новой, и к работам по ее возведению, как и по расширению Новогеоргиевска, Брест-Литовска и Ковно, при-

ступили главным образом летом 1913 г. Поэтому к началу первой мировой войны в распоряжении управлений крепостных строительств было всего два неполных строительных сезона. Если учесть нехватку ассигнований на крепостное строительство, то и не удивительно, что многое из запланированного в этих крепостях не было сделано. В Гродно фактически был подготовлен только каркас крепостной позиции. В августе 1915 г. российским войскам удалось на несколько дней задержать противника на крепостной позиции, а затем, как и в Бресте, крепостные сооружения войсками были оставлены и взорваны.

Таким образом, со второй половины XVIII в. и до первой мировой войны белорусские земли рассматривались как «выдвинутый театр военных действий», где все должно быть подчинено выполнению стратегической задачи. Поэтому планы по военно-инженерному строительству на западной границе Российской империи соответствовали общей внешней и внутренней политике, экономике, военной стратегии и тактике, уровню развития фортификационных идей в России 2-й пол. XVIII — нач. XX вв. Можно выделить несколько этапов фортификационного строительства в Беларуси в этот период. Первый этап, который можно назвать «теоретическим», начался с первого раздела Речи Посполитой и продолжался до 1810 г. Он характеризуется разработкой общей руководящей идеи фортификационного укрепления новых границ Российской империи и проектов строительства конкретных крепостей на присоединенных землях. Однако ни один из этих планов в Беларуси не был реализован из-за быстро меняющейся военно-политической обстановки, а также отсутствия финансов и квалифицированных инженерных кадров. С 1810 г. начался второй этап уже практического строительства в Беларуси фортификационных объектов, которые должны были соответствовать политическим и военно-стратегическим взглядам российских властей и уровню развития военно-инженерных идей того времени. В результате были возведены современные крепости в Бобруйске и Бресте, а также укрепленный лагерь в Дриссе и предметное укрепление в Борисове.

Анализ проектов крепостей, построенных в Бобруйске и Бресте, и не реализованного в Гродно позволяет выделить общие принципы их строительства. Исторически сложившиеся планировочная структура и застройка города полностью уничтожились, за исключением отдельных культовых зданий. Оборонительная линия включала в себя главную замкнутую позицию и систему вынесенных впе-

ред по всем направлениям фортификационных элементов (редутов, люнетов, фортов), сооруженных из земли и кирпича. При возведении крепостных объектов использовались защитные свойства местности (водные преграды). Вокруг крепостной ограды расчищались большие открытые пространства для поражения противника артиллерийским огнем. Внутрикрепостная территория застраивалась с расчетом на содержание и ведение боевых действий большого гарнизона. В это период оформилась система фортификационной подготовки границ России, которая сохранился до начала первой мировой войны.

Модернизация этой системы после поражения в Крымской войне составляет основное содержание выделяемого нами третьего этапа фортификационного строительства в Беларуси (2-я пол. XIX - 1915 г.). Изменение геополитической ситуации в Европе и изменение в связи с этим планов ведения войны на европейском театре, а также развитие средств осады и разрушения фортификационных объектов потребовали корректировки всей крепостной системы России. В Беларуси это вылилось в непрекращающейся процесс модернизации крепости Брест-Литовск и строительство в Гродно сначала укрепленной позиции, а затем и современной фортовой крепости (не законченной), что свидетельствовало о возросшем стратегическом значении этих городов.

Первая мировая война стала для крепостей всех воюющих стран боевым экзаменом, который они, по мнению специалистов, не выдержали. Подводя результаты использования крепостей и долговременных укреплений в первую мировую войну В.В. Яковлев отмечал: « 1) в мировую войну все крепости роль сыграли, но не всегда в той степени, как это предполагалось в мирное время; 2) изолированные крепости оборонялись обычно в течение непродолжительного срока; считают, что они отжили свой век и вперед их строить не будут; 3) долговременные укрепления как таковые в мировую войну себя оправдали: при достаточной их мощности они оказывали сопротивление самой могущественной артиллерии и содействовали тактическим действиям войск, почему и в будущем должны найти себе применение в соответствующих современному состоянию артиллерии и других средство поражения формах» [193, с. 380]. Новой формой фортификационного укрепления границ европейских стран в межвоенный период стали укрепленные районы.

Бобруйская крепость (1810—1886)

Первым городом Беларуси, где российскими властями был реально воплощен проект строительства крепости, стал Бобруйск. В состав Российской империи город был включен в результате второго раздела Речи Посполитой в 1793 г. Бобруйск располагался на правом возвышенном берегу р.Березины у впадения в нее р.Бобруйки. Город представлял собой типичное для Беларуси того времени мелкое село с нерегулярной планировкой, сохранившейся в течение столетий. На правом берегу р.Бобруйки располагался средневековый замок, имевший деревоземляные укрепления (к концу XVIII в. не сохранившиеся) [166, с. 106-109]. В 1800 г. был составлен проектный план Бобруйска, который предусматривал создание в течение десяти лет новой планировочной структуры — предполагалась регулярная планировка с геометрически правильными кварталами.

Бобруйск как место строительства крепости был выбран в результате подготовки России к войне с наполеоновской Францией. Военное министерство в 1810 г. командировало несколько десятков военных инженеров в Прибалтику, Украину и Беларусь с целью выбора мест для строительства шести крепостей, которые могли стать линией обороны вдоль западной границы Российской империи.

В район между городами Могилевом и Рогачевом был направлен поручик Т.Е.Нарбут. Ему было предложено обратить внимание на окрестности Рогачева и Нового Быхова. Преимущество отдавалось возвышенным или равнинным местам на берегах половодных рек, которые сами по себе служили значительным препятствием для неприятеля. Т.Нарбут проанализировал все возможные варианты и с учетом особенностей ландшафта предложил неожиданный вариант: строить крепость не под Рогачевом и Новым Быховом, а под Бобруйском. Им же был составлен первоначальный план крепости [86, с. 7]. В марте 1810 г. для изучения всей западной границы был командирован инженер-генерал-майор К.Опперман. Ему также предписывалось обратить особое внимание на упомянутые выше города, а на Бобруйск и Борисов указывалось только как на места укрепленных переправ. В результате этой поездки и после ознакомления с соображениями инженер-поручика Нарбута и несмотря на то, что офицеры квартирмейстерской части продолжали настаивать на сохранении

прежней программы, Опперман изменил свое мнение и рекомендовал Бобруйск как наиболее важный стратегический пункт [160, кн. 1, с. 67-68].

Генерал-майору Опперману было поручено составление общего плана крепости и наблюдение за производством в ней работ, ведение которых должны были осуществить генерал-майор Фалькезам и командир специально сформированной Бобруйской крепостной инженерной команды инженер-майор Зимсон. План Бобруйской крепости был утвержден императором Александром I 20 июня 1810 г. По этому плану под крепость отходила вся территория исторически сложившегося города. В ней могли оставаться только те жители, которые были в состоянии построить каменные дома. Для остальных жителей отводилась свободная земля вокруг крепости, там были запроектированы форштадты (предместья) города - Слуцкий, Минский, Березинский. План предусматривал выселение населения в три этапа - первые постройки крепости должны были строиться в северной части, поэтому эта часть города освобождалась от застройки в первую очередь. Ко второй очереди относились строения, которые также подлежали сносу, но не сразу, а со временем. Их нельзя было ремонтировать. К последней очереди относились здания, не представляющие строительству крепости. Церкви, находящиеся на территории крепости, также предполагалось со временем перенести на форштадты, приходской костел оставался действующим, иезуитский монастырь к тому времени был уже закрыт и его предполагалось перестроить под артиллерийские магазины и цеха гаузы [68, с. 26-27].

Крепость имела почти симметричные очертания, ось была ориентирована с запада на восток. Ее габариты вписывались в фигуру, близкую к квадрату, одна из сторон которой изгибалась внутрь, повторяя очертания залива р.Березины. Сама крепость должна была состоять из семи полигонов и прибрежного фронта, южная часть которого называлась восьмым полигоном. Общая протяженность всех фронтов основной крепости составляла 1800 сажен (около 3,8 км), а внутренняя площадь ровнялась почти квадратной версте (около 110 гектаров), на которой в 24 кварталах находилось до 250 обывательских домов. Такое же количество домов, находившихся в пределах верков, подлежало сносу [68, с. 28].

Необходимо отметить, что строительство фактически началось в 1807 — 1808 гг., когда большей частью были насыпаны вал и гласис, т.е. до утверждения плана строительства в 1810 г. При проектировании было принято, чтобы верки возводились сначала временного профиля с усилением их палисадами и волчьими ямами. 4 июня 1810 г. 1295 рабочих приступили к земляным работам. В докладе военного министра Барклай де Толли от 5 августа 1810 г. сообщалось, что на работы были направлены 12 батальонов из резервной армии Милорадовича и 3 роты пионер (саперов) с соответствующим числом артиллерийских лошадей и повозок. Эти и другие, прибывшие позже, части были сведены в резервную дивизию под начальством генерал-майора Игнатьева. Здесь же указывались суммы денег, необходимые для работ по строительству крепости: «7. Суммы по сметам требовались:

На построение крепости — 158638 рублей.

На исправление костела - 1989 рублей.

На построение мостового укрепления темде поня — 45000 рублей.

На удовлетворение обывателей за места под крепость отходящие — 5000 рублей.

Итого 228534 рублей» [169].

Работы велись очень интенсивно, и в конце августа генерал-майор Фальккерзам сообщал, что вчерне (не в полный профиль) насыпаны главный вал в виде цепи бастионных фронтов, усиленных равелинами, и гласис с прикрытым путем. В равелинах и бастионах были заложены каменные блокгаузы. Осенью 1810 г. генерал Игнатьев распорядился оставить в крепости на зимние работы (земляные работы прекращались при морозе 14 градусов) два батальона, три пионерные роты и артиллерийских лошадей с повозками. Остальные войска выступили на зимние квартиры. Зимой занимались главным образом заготовкой лесных материалов и рубкой временных бревенчатых пороховых погребов. С целью удешевления строительных работ в Бобруйске был заложен кирпичный завод в местности «Кривой крюк», а на земле помещика Гриневича основан известковый завод [160, кн. 1, с. 268].

Крепость Бобруйск. План 1810 г. (по Е.Квятницкой)

30 мая 1811 г. был составлен новый, откорректированный план Бобруйской крепости. Неизменными остались конфигурация вала гласиса и расположение трех основных ворот. Застройка горожан еще сохраняется на большей части, в то же время в первую очередь начинается освобождение территории, непосредственно прилегающей к укреплениям. Из каменных построек построено - провинцеские магазины, погреба, кордегардия, офицерский корпус. Планировка сохранялась первоначальной [152].

В 1811 г. значительно увеличилось число войск, привлеченных на крепостные работы в Бобруйске. Сюда были направлены восемь батальонов, а в марте прибыли еще шесть запасных батальонов. Командир резервного корпуса в Могилеве генерал-лейтенант Эссен был уполномочен, в случае недостатка рабочих, назначить другие войска из вверенного ему корпуса. Необходимость увеличения рабочей силы в 1811 г. была вызвана строительством каменных фортификационных сооружений, вынесением за гласис главной ограды цепи люнетов впереди каждого бастиона, устройством контрминной обороны. Минные галереи предполагалось устроить в зимнее время, когда большая часть работ на поверхности должна была прекратиться, но солдаты пионерных рот были истощены предыдущими работами и многие находились в госпитале. В связи с этим К.Опперман просил назначить на крепостные работы на зиму 1811-1812 гг. 600 квалифицированных военно-рабочих и 300 человек из местных жителей. Кроме этого, в Бобруйск была переведена понтонная рота [190, с. 25].

К концу 1811 г. был достигнут значительный успех работ. Все фронты, направленные на север, запад и юг, обладали уже внушительной оборонительной силой, лишь прибрежные фронты, тет-де-пон и нагорное укрепление не были доведены до полного профиля [193, с. 139]. Гребень гласиса и плацдармов во входящих углах был усилен палисадами, около половины эскарпов были снабжены штурмфалами. В местах, где рвы недостаточно хорошо защищались открытым огнем с бастионов, были возведены фланкирующие казематы из двойных бревенчатых срубов с заполнением промежутков камнями и с обивкой амбразур железом. Активной обороне содействовали сортиры, из которых три успели возвести из кирпича, а остальные пока были временного характера из бревенчатых срубов, покрытых землей. Сортиры были снабжены надежными барьераными воротами, обитыми железом.

От каменных сортов через ров были устроены деревянные мосты, из каменных кордегардий трех крепостных ворот одна уже была готова, вторая строилась. Были также готовы один из каменных погребов на 3000 зарядов и три временных деревянных. Часть дорог, ведущих из ворот гласиса и вдоль него, была готова и вымощена камнем. К июню 1812 г. крепость была приведена в оборонительное состояние. В ней находился 8-тысячный гарнизон при 300 орудиях [193, с. 139]. Правда, некоторые другие источники называют цифру в 330 и 360 орудий [190, с. 31].

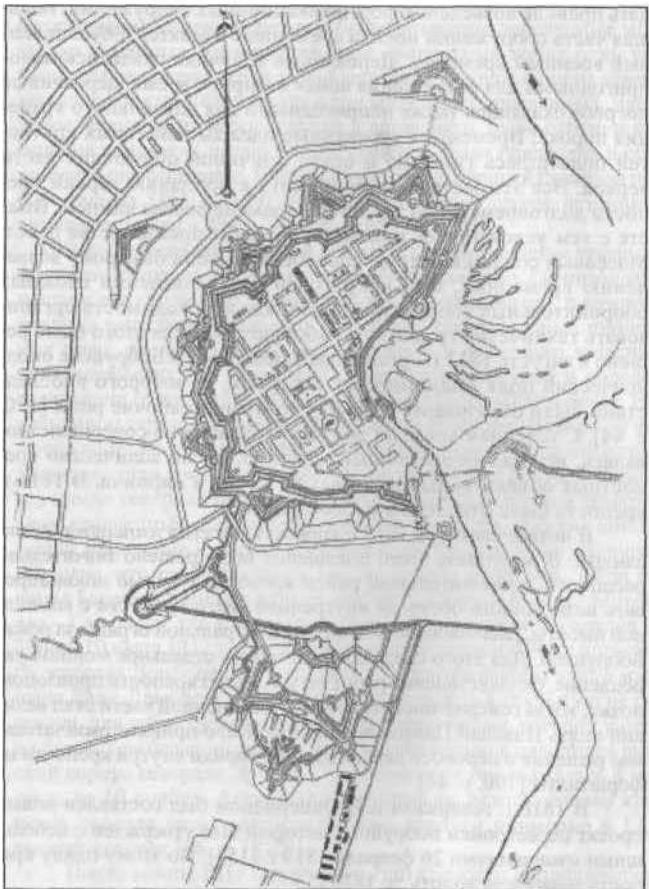
В российско-французской войне 1812 г. бобруйская крепость была использована по своему прямому назначению. Гарнизон крепости к началу войны составляли резервная дивизия, в которую входили запасные батальоны 14 полков, три отдельные пионерные роты, pontонная рога, сотня казаков и несколько запасных артиллерийских рот в качестве прислуги крепостной и полевой артиллерии общим количеством немногим более 4000 человек. Начальником гарнизона был генерал-майор Игнатьев. Вскоре он получил донесение, что в сторону Бобруйска через Слуцк отступает вторая русская армия под командованием П.И.Багратиона. 6 июля вся армия генерала Багратиона сконцентрировалась под прикрытием крепостных стен. Получив отдых в три дня, русские войска имели намерение выступить на Могилев. Однако было получено известие, что город захвачен французскими войсками. Тогда генерал Багратион избрал другой маршрут; Старый Быхов - Мстислав — Смоленск, где и произошло соединение с армией Барклая де Толли. 10 июля 1812 г. к стенам крепости подошли войска польского генерала Домбровского, входящего в армию французского маршала Даву. Домбровский штурмовать крепость в открытую не решился, для этого требовалась осадная артиллерия, которой у него не было. Тем более на фланге у польского корпуса находился русский корпус генерала Эртеля. Осада крепости продолжалась 4 месяца, до 10 ноября. Активных боев здесь не велось, однако крепость сковала силы неприятельского корпуса примерно в 12,5 тысячах человек [86, с. 18-25].

После войны 1812 г. строительство крепости продолжилось. На первый план вышли вопросы повышения капитальности возводимых сооружений, фортификационные детали стали предметом обсуждения специалистов. Ускоренные темпы строительства крепости передвойной не давали возможности строго соблю-

дать правила возведения фортификационных сооружений. Большая часть сооружений носила временный характер, обусловленный военным временем. Деревянные землянки оказались малопригодными для размещения войск в мирное время, деревянные погреба оказались также непригодными для длительного хранения пороха. Временные деревянные одежды некоторых кругостей подверглась гниению и стали причиной обрушения части верков. Все это заставило приступить к приданнию веркам крепости долговременного характера - замене дерева камнем. Вместе с тем усложнились приемы и способы производства работ. Массовый солдатский труд, способствовавший быстрому возведению временных, был непригоден при возведении сложных оборонительных сооружений. Возникла необходимость организовать технически грамотную рабочую силу. Для этого было решено в августе 1813 г. организовать для работ в Бобруйске ополченческий полк Владимирской губернии, из которого впоследствии были образованы Бобруйские военно-рабочие роты [190, с. 44]. С течением времени крепость постепенно совершенствовалась, исчезал ее временный характер, росло количество крепостных объектов, выполненных из камня и кирпича. В 1816 г. крепость была отнесена к первому классу.

В начале сентября 1817 г. крепость посетил император Александр I. В результате этого посещения было решено значительно расширить оборонительный район крепости с целью ликвидировать возможность обстрела внутренней части крепости с командной высоты, расположенной к югу от центральной ограды за рекой Бобруйкой. Для этого следовало построить отдельное мощное укрепление. Осуществление работ по усилению крепости произошло позже, когда генерал-инспектором по инженерной части стал великий князь Николай Павлович. Тогда же было принято окончательное решение о переносе деревянной застройки внутри крепости на форштадты [190, с. 44].

В 1818 г. генералом К.И.Опперманом был составлен новый проект перестройки Бобруйска, который был утвержден с небольшими изменениями 26 февраля 1819 г. [153]. По этому плану крепость возводили вплоть до 1825 г.

3. Крепость Бобруйск. План 1825 г. ЦГВИА.

В целом Бобруйская крепость приобрела следующие очертания: главный вал крепости бастionного начертания с шестью бастионами и двумя полубастионами; горжевой вал - полигонального начертания с двумя пониженными бастионами; фронты главного вала усилены равелинами; в горжах равелинов двухэтажные каменные редионы с пристроенными к ним капонирами; во входящих плацдармах - отдельные редионы с пристроенными к ним капонирами; в исходящих плацдармах напольных фронтов двухэтажные редионы-батареи, служащие одновременно базами для контрминной системы; подступы к горжевому валу обстреливались фланговым огнем из двух капониров [193, с. 140]. Общая стоимость фортификационных работ была определена в 3 750 435 рублей и 292 700 рублей отпускалось на воинские здания. Воинские здания должны были составить 20 пороховых погребов, 4 артиллерийских и 1 инженерный цехгауз, 4 кордегардии, 1 генеральский дом, 29 офицерских квартир и казармы на 975 человек [190, с. 45].

Крепость Бобруйск. Казематированный бастион. Современное состояние.

Крепость Бобруйск. Редут правого входящего плацдарма пятого полигона
Современное состояние.

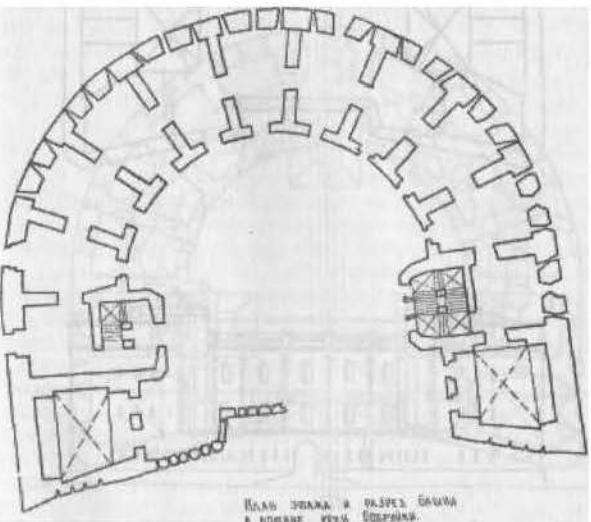
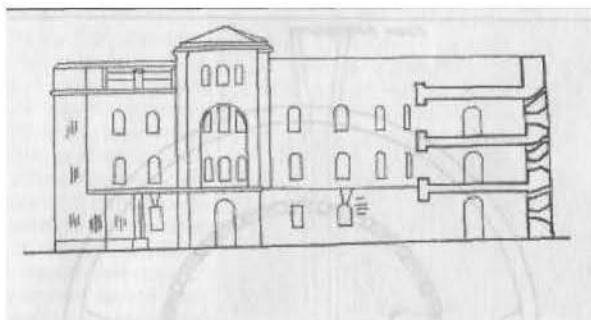
Крепость Бобруйск. Пороховой склад
Современное состояние.

Кроме этого, в сторону Минского форштадта были построены два отдельных передовых люнета с круглыми башнями-каронирами в горже и обороной рвов напольных и боковых фасов также из капониров.

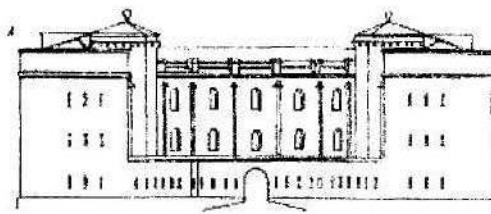
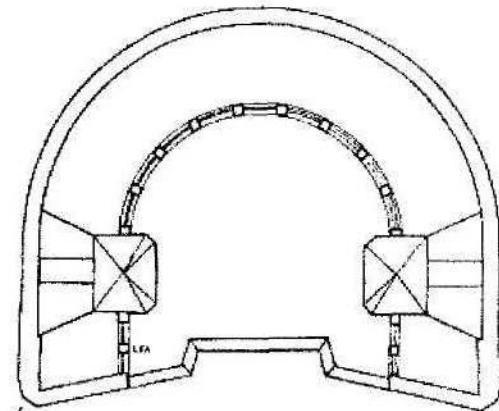

Крепость Бобруйск. Горжевой капонир редута рвов люнета с горжей, пятого полигона. Современное состояние. Сомкнутой оборонительной стенкой; из

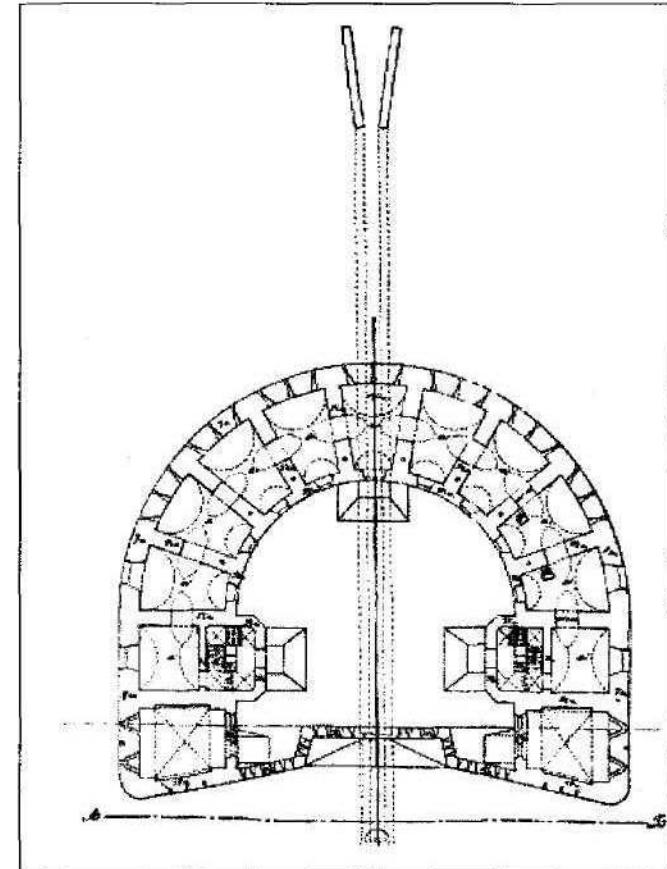
двух бастионов с каменными башнями в горжах и с двухэтажным капониром перед тенаплью; из вынесенного за гласис равелина с казематированными фланками и с земляным редонтом в горже; из двух казематированных люнетов с фланкированной обороной прилегающих рвов. Все верхи укрепления «Фридрих-Вильгельм» были обнесены общим гласисом с прикрытым путем: у подошвы левой части гласиса был расположен капонир, в исходящих плацдармах находились двухэтажные редонты, которые одновременно служили батареями и исходными пунктами контрминной системы в промежутках между этими редонтами были расположены казематированные траверсы. На правом фланге гласиса имелся люнет, который сообщался с каменной трехэтажной «башней Оппермана» с помощью каменной галереи. На р.Бобруйке была устроена запруда со шлюзами с целью затоплять пространство между главной оградой крепости и укреплением «Фридрих-Вильгельм» [193, с. 14]. Строителем крепости в это время был полковник Розенмарк, его помощниками подполковники Кречмар и Клоссов, военными инженерами - капитан Яновский, штабс-капитан Любенков, поручики Гульновский и Власов, подпоручик Мерле.

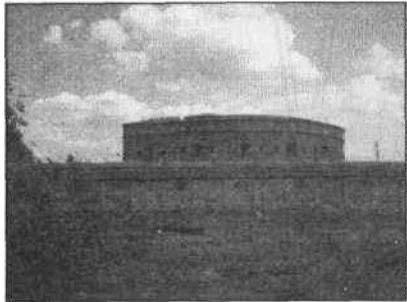
Крепость Бобруйск. Башня Оппермана. Разрез.

Крепость Бобруйск. Башня Оппермана. План платформы и вид с горжи.

Крепость Бобруйск. Башня Оппермана. План нижнего этажа.

В 1825 г. на сооружениях крепости трудились 6136 человек мастеровых и разнорабочих, и на ее строительство в этом году было израсходовано 627 242 рубля. Больше было истрачено только на строительство Динабургской крепости [160, кн. 1, с. 263]. И это при том, что в Комитете по рассмотрению состояния русских

Крепость Бобруйск. Башня Оппермана крепостей было признано, что Современное состояние.

места, на которых были

заложены новые крепости Динабург, Борисов и Бобруйск, не соответствовали своему назначению вследствие удаленности от границы. Траты государственных средств на создание укрепленных пунктов, сравнительно рано лишившихся своего значения в общегосударственной системе обороны, продолжалась и дальше [160, кн. 1, с. 105–106]. К 1826 г. большая часть намеченной в 1819 г. фортификационной программы была закончена, однако строительство различных зданий внутри крепостной ограды и формирование городских форштадтов продолжалось до 1836 г. Этот год можно считать временем, когда строительство Бобруйской крепости в основном было закончено [68, с. 30–34].

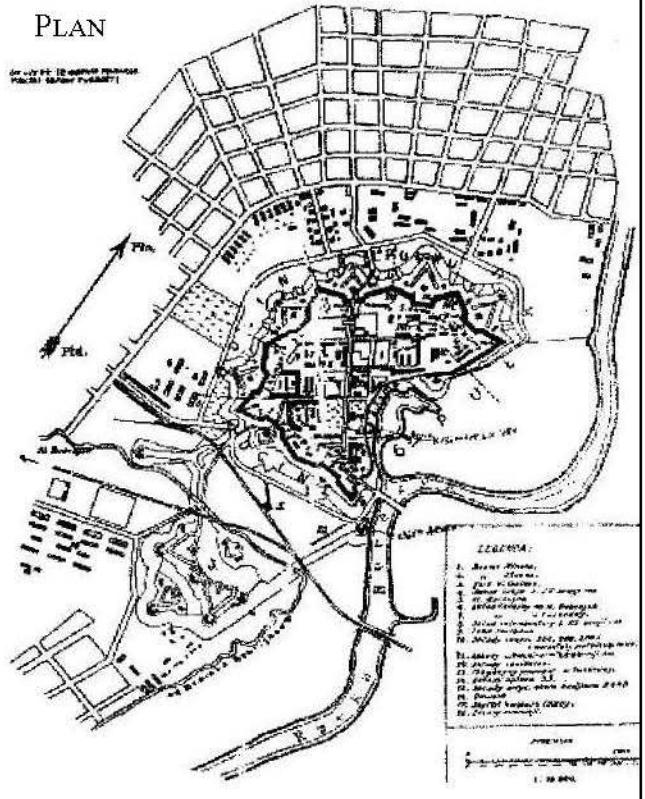
Бобруйская крепость стала своеобразным полигоном для испытания различных инженерных и артиллерийских изобретений. В Бобруйске получило применение на практике устройство контрминной системы. Минные галереи, выведенные в зимнее время, имели длину до двух verst. Перед каждым бастионом и равелином галереи выходили тремя рукавами. Особенное значение приобрели в этой контрминной системе разработанные на опытах под руководством полковника Сиверса способы сообщения огня зарядам. В 1812 г. в крепости Бобруйск были применены для усиления полевых позиций, а также впереди предмостных укреплений крепости бомбовые фугасы, предложенные Отгоном Магнусом фон-Толем. Мины (бомбовые фугасы, возимые войсками парными повозками) закапывались в землю на глубину 1,5 м и снаряжались порохом, сверху клались бомбы малого калибра и картечные пули. Взрывы фугасов производились огнетроподами [160, кн. 1, с. 221–222].

В мае 1823 г. из столичного Арсенала в крепость Бобруйск прибыли два карронадных станка, изобретенных генерал-майором Засядко. Карронады эти были установлены в казематах левого фланга первого полигона и подвергнуты испытанию в сентябре 1823 г. Этими опытами было доказано, что двух человек достаточно для выдвижения этих орудий в амбразуру, что отражается на размерах амбразур, которые могут быть меньшими [160, кн. 1, с. 232].

В ноябре 1824 г. в присутствии генерал-инспектора по инженерной части, будущего императора Николая I, в крепости Бобруйск были произведены опыты бреширования отдельной оборонительной стены. Эта стена правого фаса первого полигона была возведена из кирпича, положенного рядами тычков и ложков на растворе из равных частей мергельной извести и песка. Выстрелы производились полупульдовыми единорогами на двухкопесных казематных лафетах на расстоянии 10 саженей от стены 24-фунтовыми ядрами с зарядом 5 фунтов пушечного пороха. Опыты бреширования привели к следующему заключению «1) ядра углубляются или входят при указанном заряде и рассыпаются в кирпичную стену на 2 фута; 2) они выбиваются из стены, до пробития ее, только весьма мелкий щебень, кусок после хирчицы выпадают при ударе кусками большие прежних; 3) по обрушении одной опорной стены, как можно полагать, опирающиеся на нее своды не упадут, так как хотя из-под левого свода и была почти совершенно подбита опора, но в своде не было обнаружено ни малейшей трещины, что доказывает доброкачественность раствора, употребляемого в Бобруйске для производства каменной кладки» [160, кн. 1, с. 233].

Развитие коммуникационных путей (открытие шоссе Бобруйск – Брест-Литовск, постройка шоссейного моста через Березину и строительство Либаво-Роменской железной дороги) во второй половине XIX в. способствовали развитию города Бобруйска и одновременно снижению роли крепости как важного стратегического пункта. Еще более значение крепости упало с интенсивным развитием нарезной артиллерии. Такие недостатки крепости, как близость расположения крупного населенного пункта впереди крепостной ограды, отсутствие форового пояса, отсутствие естественных преград и путей отхода, конструктивная отсталость в сравнении с развитием средств поражения и удаленность от передовых театров боевых действий способствовали тому, что в 1868 г. крепость была переведена во второй класс, а в 1886 – в крепость-склад [170]. Перед первой мировой войной фабрикант Морозов предложил российскому правительству продать ему крепость для постройки в ней текстильной фабрики, которой могла бы конкурировать с подлинской. Однако сделка не состоялась – правительство запросило 4 млн. рублей [154, л. 19]. В дальнейшем объекты Бобруйской крепости использовались для размещения воинских гарнизонов.

PLAN

Крепость Бобруйск. План нач. XX в.

Таким образом, Бобруйск стал первой жертвой фортификационной политики Российской империи в Беларуси. Древний город фактически был уничтожен, а на его месте военные инженерыозвели мощную фортецию, соответствующую последним требованиям военно-инженерного искусства. Формирование крепости как единой военной и жилой структуры происходило на протяжении 1810-1836 гг. Строительство Бобруйской крепости было важным этапом в развитии государственной системы фортификационного строительства Российской империи. При ее разработке и возведении использовались самые современные для того времени военно-инженерные идеи и методы строительства. Однако главный недостаток Бобруйской крепости - отдаленность от театров боевых действий - способствовал, несмотря на проводимые здесь вплоть до 40-х гг. XIX в. строительные работы, быстрому снижению ее значения для обороны границ государства. Крепость, за исключением событий 1812 г., прямых своих задач больше не выполняла и использовалась как портма и место размещения гарнизона вплоть до сегодняшних дней.

Брестская крепость (1830 — 1915)

Брест (Брест-Литовск) в общей системе обороны западной границы Российской империи занимал важное стратегическое место, которое было обусловлено его географическим положением. Город находился на западной окраине полесских болот, которые разделяли западный театр военных действий на две изолированные друг от друга части: северную и южную. Его значение еще более возросло, когда он стал большим коммуникационным узлом. В Бресте пересекались железнодорожные и сухопутные дороги, а также судоходные речные пути. После того как на территории Королевства Польского были возведены крепости Новогеоргиевск (Модлин), Варшава, Ивангород (Демблин), крепость Брест, находящаяся в центре «фортификационного четырехугольника», выполняла функции базы снабжения всех крепостей и полевых армий. Поэтому и не удивляет тот факт, что российские власти приложили много сил и средств на строительство укреплений в таком важном стратегическом месте.

Первые планы строительства российской крепости в Бресте появились сразу же после последнего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Брест фигурировал среди девяти городов в инструкции «Обеспечение новой границы с Пруссией и Австрией», составленной в 1796 г. К.И.Опперманом, а также в последующих проектах фортификационного укрепления западной границы 1797 - 1798 гг. генерала Деволана и того же Оппермана [160, кн. 1, с. 55-56, 61].

Все эти проекты с самого начала не имели каких-либо шансов на реализацию, поскольку финансы России в результате многочисленных захватнических войн были подорваны и количество инженерных войск было незначительно. Через десять лет, в 1807 г., во время инспекционной поездки по западным губерниям генерал П.К. Сухтелен отметил стратегическое значение Брест-Литовска и необходимость строительства тут крепости. С подобным предложением выступил немного позже генерал М.Барклай де Толли. По его мнению, в Бресте можно было устроить укрепленный полевой лагерь, который послужил бы опорой для развертывания двадцати тысячной армии [160, кн. 1,с. 29-30,33]. Однако война со Швецией в 1808 — 1809 гг. помешала реализации этих планов.

Во время подготовки войны с拿аполеоновской Францией российским военным командованием было принято решение о перемещении главной линии обороны вглубь страны, на линию Двина — Березина - Днепр. Поэтому любые проекты фортификационного строительства в Бресте стали не актуальны. Как известно, за короткий срок перед войной были построены крепости в Бобруйске, Динабурге и предмостное укрепление в Борисове, которые сыграли определенную роль в российско-французской войне 1812г.

К проекту постройки современной крепости в Бресте российские власти вернулись в начале 20-х гг. XIX в. Генерал-майор инженер Я.Малецкий провел полевые исследования и составил план крепости, который был доложен великому князю Константину 22 декабря 1823 г. План предусматривал превращение города, расположенного на острове у впадения Мухавца в Буг, в главный центр обороны путем строительства по периметру оборонительных казарм и стены. Предполагалось также строительство оборонительных сооружений с востока (на острове перед Кобринским предместьем), с юга (на Волынском предместье), укрепленного предместья на западном берегу Буга и полевого лагеря между рекой и местечком Тересполем. Гарнизон крепости предполагался в 10900 солдат. Проект генерала Малецкого получил одобрение и стал исходным для дальнейших работ над окончательным проектом крепости [173]. В течение последующих трех лет велись интенсивные работы над проектом будущей крепости. Именно тогда российские военные власти отказались от планов фортификации Гродно в пользу Брест-Литовска.

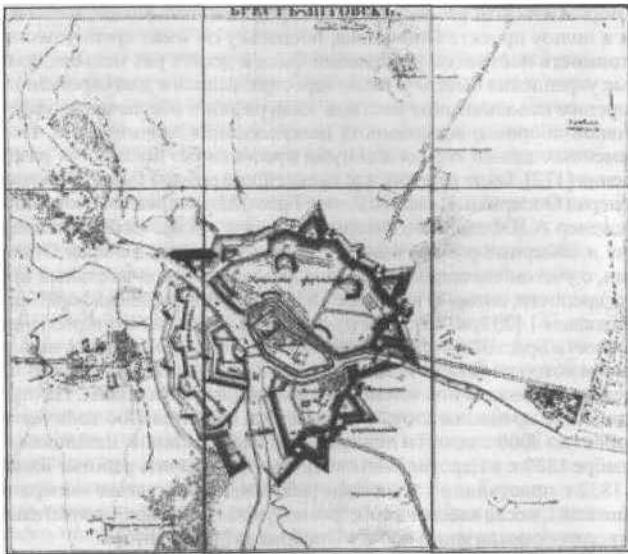
В 1827 г. генерал Я.Малецкий предложил великому князю Константину два новых проекта, которые были проанализированы командующим артиллерией и инженерными войсками Западного инженерного округа генералом-лейтенантом Оком. В результате совместного

обсуждения проекты были изменены: было решено не строить полевой лагерь на левом берегу Буга, а построить форты на Кобринским укреплении, внесены были и изменения в фортификационные элементы центрального укрепления. Проекты Малецкого, по мнению генерала Ока, не соответствовали требованиям и были направлены на дальнейшую разработку. Было высказано требование, чтобы полевые укрепления были спроектированы так, чтобы могли быть перестроены на долговременные без больших затрат сил и средств [171; 173].

В 1829 г. были представлены еще два проекта постройки крепости в Бресте: генералов Я.Малецкого и КОппермана. Генерал Ок, который и на этот раз рассматривал предложенные планы, высказался в пользу проекта Оппермана, поскольку он имел преимущества: стоимость постройки укреплений была в десять раз меньше, полевые укрепления быстро и легко перестраивались в долговременные, хорошее использование местной топографии и обеспечение эффективной обороны, возможность использования значительной части каменных зданий города для нужд крепости без полного их разрушения [172]. Было решено, что дальнейшие работы будет проводить генерал Опперман. В связи с этим в Брест был направлен полковник-инженер А.И.Фельдман, который на месте провел исследовательские и обмерные работы и внес в проект поправки. Генерал Опперман, с учетом внесенных поправок, разработал окончательный проект крепости, который в октябре 1830г. был утвержден императором Николаем I [233, с. 48]. Для руководства работами по возведению крепости Брест-Литовск учреждались Строительный комитет, начальником которого был назначен генерал Я.Малецкий, и Брестская инженерная команда под командованием капитана Вильмана. На строительстве предполагалось использовать значительное количество войск (до 8000 солдат) и лошадей. Однако восстание, начавшееся в ноябре 1830 г. в Царстве Польском, помешало начать работы. Только в 1832 г. приступили к земляным работам, а годом позже император Николай I, после внесения собственноручных поправок, окончательно утвердил к реализации проект Оппермана [193, с. 146].

В июне 1833 г. начались широкомасштабные земляные и гидрографические работы по планировке и возведению крепостных сооружений. Власти потребовалось около трех лет, чтобы переселить жителей на новое место. Деревянная застройка была полностью разрушена (чему способствовали и сильные пожары 1828 и 1835 г. после которых запрещалось строить новые дома), а часть каменных зданий (в основном культовых) была перестроена и приспособлена под нужды крепости. Старый город был уничтожен, а но-

вый, заложенный как выселочный форштадт на Кобринском предместье, долгое время был как «приложение» к крепости. Надзор над инженерными работами в Бресте осуществлял начальник Западного инженерного округа генерал-майор И.И. Денин, а контроль над всеми работами был возложен на фельдмаршала И.Ф. Паскевича. 13 июня 1836 г. в присутствии фельдмаршала состоялись освящение и закладка первого камня будущей крепости Брест-Литовск [83, л. 29]. А через шесть лет, 26 апреля 1842 г., над крепостью был поднят флаг и она стала одной из 44 штатных российских крепостей.

Крепость Брест-Литовск. Генеральный план крепости 1845 г.
Фонды МКБК-Г.

Вновь построенная крепость состояла из Цитадели и трех обширных укреплений - Кобринского, Волынского, Тереспольского, которые составляли главную крепостную ограду.

Цитадель представляла собой сомкнутую двухэтажную оборонительную казарму, имевшую в плане вид продолговатого многоугольника периметром около 1,8 км с четырьмя полуциркульными полубашнями. В казарме располагались казематы на 12 000 человек гарнизона, госпиталь и продовольственные запасы. Наружные стены казармы были толщиной около 2 м и имели бойницы и амбразуры для ведения огня из ружей и пушек. Цитадель находилась на острове у впадения р.Мухавец в р.Буг, что увеличивало оборонительные возможности, и соединялась с укреплениями четырьмя мостами.

Кобринское укрепление состояло из четырех бастионных фронтов с тремя равелинами. В бастионах находились три небольших казематированных редонта. Волынское укрепление состояло из двух бастионных фронтов с примкнутыми равелинами, в бастионе имелся небольшой казематированный редонт.

Более оригинальным было Тереспольское укрепление, расположенное на левом берегу Буга.

Крепость Брест-Литовск. Часть Генерального плана Тереспольского укрепления 1872 г. Фонды МКБК-Г.

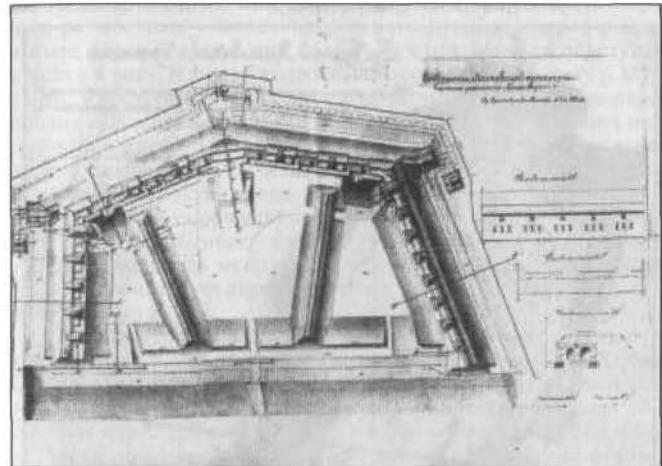
Оно состояло из четырех земляных люнетов, соединенных общим рвом. Два средних люнета имели горжу, сомкнутую обо-

ронительной стенкой, к которой примыкал казематированный редюит. За люнетами было расположено предмостное укрепление в виде земляного горнверка. Нумерация бастионов шла по часовой стрелке и была единой для всей крепости. Все укрепления были окружены каналами, соединяющимися с реками посредством сложной системы шлюзов и батардо. Ограда предмостных укреплений была составлена земляными валами высотой 10 м, шириной у основания 6,5 м. Общая оборонительная линия Брестской крепости имела протяженность около 6,4 км [193, с. 147-148]. Первый раз крепость Брест-Литовск была подготовлена к боевым действиям вскоре после окончания строительства - в 1848 г. в связи с революционными событиями в Западной Европе. Во время Крымской войны в крепости были построены капониры, а во вратах устроены палисады [233, с. 50].

Период первой модернизации Брестской крепости связан с деятельностью на посту директора Инженерного департамента генерала Э.И. Тоглебена. После образования Главного Инженерного Управления в 1862 г. он составил «Записку о русских крепостях и приведении фортификационных и артиллерийских систем в соответствии с развитием военного дела». В этой работе он рассмотрел инженерное состояние и перспективы развития русских крепостей, в том числе и Брестской. В 1864 г. начался новый этап развития крепости, который по причине малых финансовых средств тянулся до конца 70-х гг.

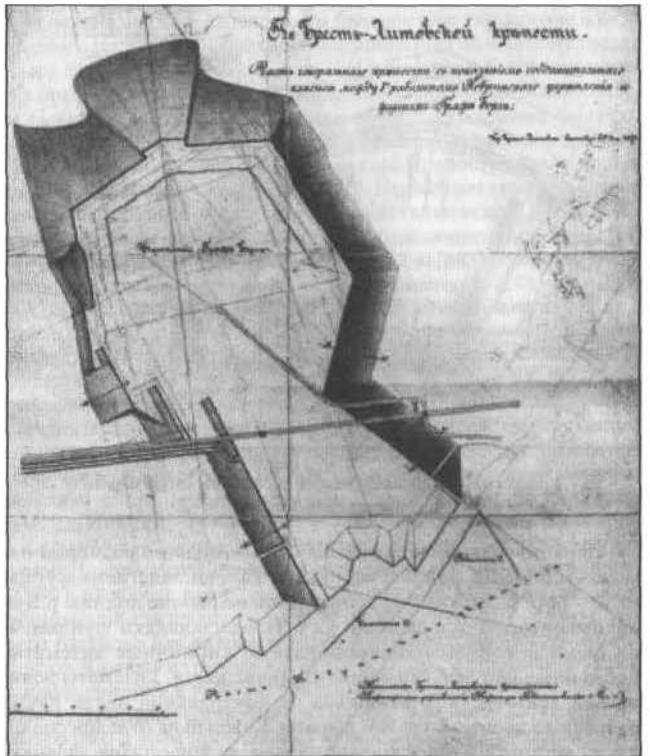
В 1856 г. в центре Цитадели началось строительство гарнизонной Николаевской церкви, строительство которой закончилось в 1876 г. Наиболее важными и значительными работами по увеличению мощности крепости было устройство в горже первого и третьего бастиона Кобринского укрепления двух казематированных редутов. Каждый из них включал в себя казарму, пороховой погреб, капонир, потерну и галерею для наружной обороны. Для обороны такого укрепления предполагался батальон пехоты [233, с. 52]. Одновременно с этим проводились целый комплекс земляных работ, мощение дорог, строительство административных зданий.

В Брестской крепости в числе первых в России был применен принцип вынесения отдельных укреплений (фортов) на расстояние от центральной ограды. После завершения строительства железной дороги, связавшей Москву и Варшаву через Брест и прошедшей в 700 м от крепости, Э.И. Тоглебен утвердил проект постройки форта «Граф Берг» специально для прикрытия железнодорожного полотна. Проект был утвержден в 1869 г., и сразу же началось строительство укрепления.

Крепость Брест-Литовск. Чертеж укрепления «Граф Берг».
Фонды МК БК-Г.

Первоначально была возведена огромная по размерам насыпь - площадка для выравнивания глубин залегания фундаментов форта, так как он располагался на склоне долины р.Буг, равномерно понижавшейся к югу. После закладки фундаментов были построены кольцеобразные кирпичные казематы, снабженные наружными башнями-траверсами. Казематы делились на два отдела, отделенные от центральной части двумя траверсами десятиметровой высоты. Каждый из отделов соединялся с однотипными полукапонирами на три орудия, фланкировавшими сухой ров. В 1871 г. был возведен капонир с системой вентиляции, соединенный с казематами. Кроме этого, были построены отдельная летняя кухня, два кирпичных расходных погреба, артезианские колодцы, насыпаются вал и дорога, соединившие форт и крепость. В 1874 г. строительство форта «Граф Берг» было закончено.

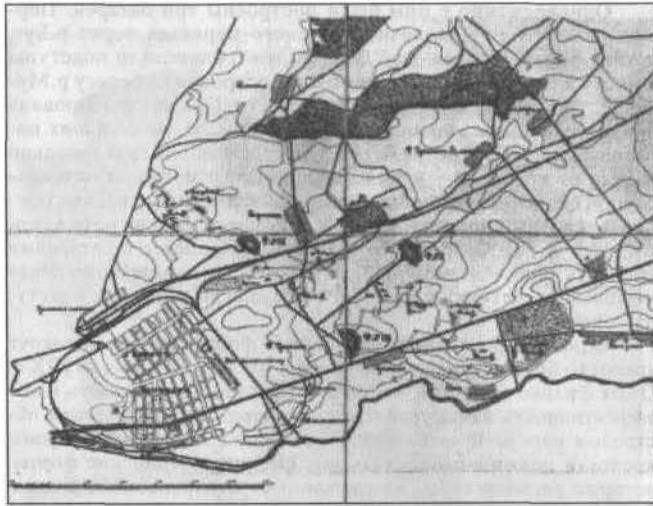
Крепость Брест-Литовск. Гласис между равелином Кобринского укрепления и фортом «Граф Берг». Фонды МК БК-Г.

Одновременно с ним были построены три батареи. Первую разместили у железнодорожного переезда через р.Буг, южнее форта. Орудия этой батареи контролировали подступы к мосту и реку. Вторая батарея была построена на берегу р.Мухавец, у восточного подъезда к крепости. Она контролировала проход судов через крепость с востока, имела два больших пороховых погреба. Третья батарея была возведена сравнительно далеко от крепости - у железнодорожного моста на юго-восточной оконечности города. Это укрепление имело восемь орудий, расходный пороховой погреб и казарму на одну роту в горже [156, с. 50]. С постройкой форта в комплексе с батареями крепость получила мощнейшее укрепление, контролирующее не только железную дорогу, но и все северо-западные подступы к крепости.

Однако строительство основного фортового пояса вокруг крепости Брест-Литовск развернулось в конце 70 - 80-х гг. XIX в. Опыт франко-пруссской войны показал незащищенность и неэффективность замкнутой крепости перед массированным обстрелом нарезной артиллерией. Основным элементом обороны крепости должны были стать мощные артиллерийские форты, которые располагались на удалении от центральной ограды и были подготовлены к самостоятельной долговременной обороне. В марте 1873 г. на заседании Тайного совета с участием императора Александра II было принято решение о модернизации в этом направлении российских крепостей, в том числе и Брестской. В Главном инженерном управлении был разработан атлас фортификационных построек (среди которых типовым был признан проект №2), и в 1876 г. российские военные власти приступили к строительству фортов в крепостях Варшавского военного округа и в Бресте. Но угроза войны с Турцией остановила эти работы, и все силы были направлены на фортификационное укрепление побережья Черного моря [193, с.183-185].

Берлинский конгресс окончательно убедил российские власти в том, что Пруссия из союзника превратилась в главного врага империи. В этой ситуации инженерное обеспечение западной границы России стало реальной необходимостью, и в 1878 г. началась модернизация крепостей.

В 1876 г. в Бресте комиссией под руководством генерала Н.Н.Обручева были определены места, а в период с 1878 по 1888 гг. построено кольцо из девяти фортов, пронумерованных римскими цифрами.

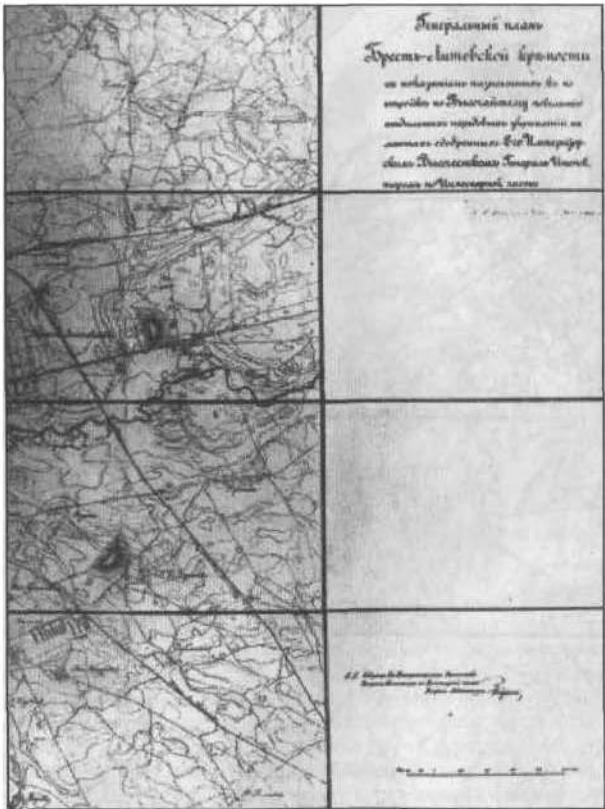

Город Брест-Литовск и форты восточного отдела. Конец XIX в.
Фонды МКБК-Г.

Форты располагались на расстоянии 3,5 - 4 км от Цитадели и на таком же расстоянии друг от друга. Получившееся фортовое кольцо обороны было разделено на три отдела, которые соответствовали укреплениям крепости, и в восемь секторов обороны по сторонам света, к которым они были обращены. Фортовой обвод составил 30 км [191, с. 126]. Новые форты Брестской крепости, предназначенные для круговой обороны, были замкнутыми укреплениями в форме многогранника и имели кирпичные казематы в земляных валах. Форты I, II, III и IX были построены в соответствии с модифицированным проектом №2 1874 г., остальные пять по проекту, составленному в 1879 г. в Главном инженерном управлении. Форты I, II, III были окружены сухим рвом, остальные - рвом, заполненным водой. Артиллерия размещалась на фортовых валах. Внутри форта находились казармы для гарнизона. В каждом форту можно было разместить гарнизон в 250 человек и до 20 орудий.

Крепость Брест-Литовск. Генеральный план с показанием проектируемых
фортов 1878 г. Фонды МКБК-Г.

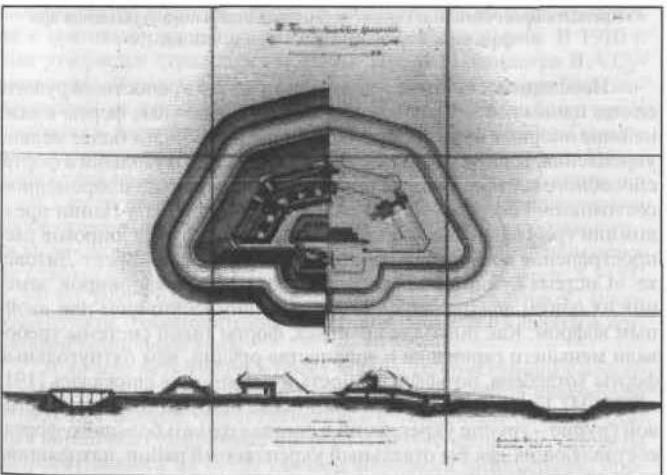

Крепость Брест-Литовск. Генеральный план с показанием проектируемых фортов 1878 г. Восточный отдел. Фонды МК БК-Г.

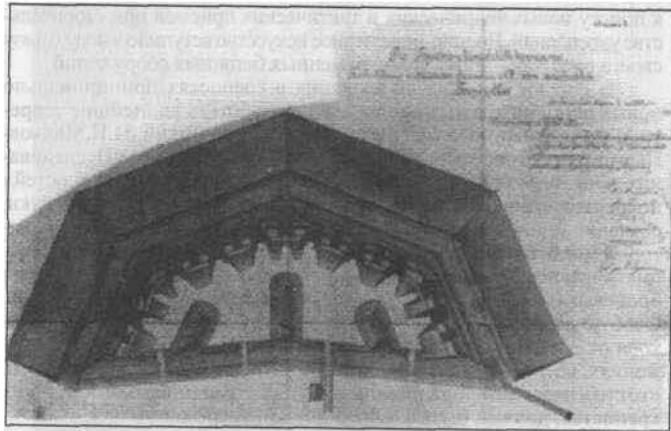
Необходимо отметить, что строительные работы по модернизации Брестской крепости не были завершены. Появление новых способов ведения борьбы с долговременной фортификацией - фугасных снарядов и ускоренной атаки фортификационных позиций - привело

к поиску новых технических и тактических приемов при строительстве укреплений. Военно-инженерное искусство вступило в новую fazу своего развития - эпоху долговременных бетонных сооружений.

В России над задачей введения в крепостях принципиально новых оборонительных систем начали работать виднейшие теоретики фортификации - К.И. Величко, Н.А. Буйницкий, И.И. Малков-Панин и др. Профессор К.И. Величко в своей работе «Исследование новейших средств осады и обороны сухопутных крепостей» подчеркивал необходимость вынесения артиллерии в промежутки, создания принципиально новых оборонительных комплексов, которые могли бы противостоять новейшей осадной артиллерией. Рассматривались вопросы о введении в крепостях броневых фортов и броневых батарей, глубокие обороны, фланкирования промежутков. Особую остроту приобрел вопрос о роли форта в отдельности. Отходя от догматических представлений об оборонительных сооружениях, военные инженеры приходили к выводу о том, что старый «голубиновский» форт, имеющий распространение во всех русских крепостях, должен быть заменен новым, современным типом.

Крепость Брест-Литовск. Чертеж промежуточного укрепления 1880 г. Фонды МК БК-Г.

Крепость Брест-Литовск. Проект возведения отдельного укрепления при фольварке Березовка 1880 г. Фонды МКБК-Г.

Необходимость вновь расширить пределы крепости, окружить ее еще одним поясом фортов, превращала отдельные форты в важнейшие опорные пункты, группирующие вокруг себя более мелкие укрепления. К.И.Величко разработал тип четырехугольного форта, способного вести оборону в так называемом «попудолговременном состоянии». Генералы Н.А.Буйницкий и В.И.Малков-Панин предложили треугольный в плане форт, который получил широкое распространение во многих крепостях, в том числе и в Брест-Литовске. «Система Буйницкого» избавила форт от полукапониров, заменив их одним центральным фланкирующим капониром или двойным кофром. Как показала практика, форты такой системы требовали меньшего гарнизона и количества орудий, чем пятиугольные форты Тотлебена, но эффективность их от этого не снижалась [191, с. 78-104]. Генерал Буйницкий был также автором теории о фортовой группе - группе укреплений в составе одного большого форта, составляющих как бы отдельный укрепленный район, находящийся на линии обороны крепости. Эта теория начала реализовываться в практике накануне первой мировой войны [191, с. 105-108].

В конце XIX в. в Бресте основное внимание уделялось укреплению промежутков между фортами, так называемого «междупо-

лья». В каждом секторе новопостроенного кольца фортов были оборудованы пороховые погреба, насыпаны земляные валы для размещения артиллерийских батарей. Во второй половине 90-х г. инженеры и строители возвели шесть отдельных пунктов обороны между полосами с бетонными убежищами. Много усилий было затрачено на строительство дорожной сети и узоколеек, которые обеспечивали маневренность и эластичность обороны. В 1885 г. в крепости была налажена телефонная и телеграфная связь, которые непрерывно развивались [233, с. 56].

В начале XX в. в Брестской крепости началось строительство нового форта. Форт X строился по проекту К.Величко 1897 г. в северо-восточном секторе крепости, направо от железнодорожной линии Варшава - Москва. Это был первый отдельный опорный пункт, вынесенный за существующий фортовой обвод. Перед российско-японской войной форт был приведен в боевое состояние, но окончательно строительство завершилось уже после войны [233, с. 57].

Российско-японская война и революционные события 1905 - 1907 гг. не способствовали фортификационному строительству на западе России. Проведенная в 1908 г. инспекция крепостей на западном театре военных действий показала, что ни одна крепость не в состоянии выполнять возложенные на нее задачи. В 1910 г. был утвержден стратегический план военного министра В.А.Сухомлинова. В соответствии с этим планом российская армия разворачивалась на линии Ковно - Гродно - Брест. Крепость Брест предполагалось расширить и модернизировать. Летом 1910 г. Главное инженерное управление утвердило план усиления крепости. Новая крепостная позиция должна была быть воздвигнута на расстоянии 9 - 9,5 км от центральных укреплений. Однако по экономическим соображениям при постройке самой позиции пришлось ограничиться выдвижением позиции всего на 8 км, включив в северном обводе старые форты I и VIII, а в северо-восточном - форт X [191, с. 54-55]. Всего планировалось строительство 14 фортов, 21 опорного пункта, 5 оборонительных казарм и нескольких десятков артбатарей различного типа.

В начале лета 1911 г. в Брест-Литовске приступили к реконструкции крепости: велось проектирование в самой крепости и отдельных фортов, перестраивались с усилением бетоном старые кирпичные пороховые погреба в центре крепости. Проекты разрабатывались на месте самими военными инженерами, производителями работ, под общим руководством известного фортификатора, профессора Николаевской военно-инженерной академии

демии генерала Н.А.Буйницкого, периодически приезжавшего в Брест-Литовск. Разработанные проекты рассматривались в Инженерном комитете при Главном инженерном управлении в присутствии авторов проектов.

Такой порядок проектирования имел свой смысл, так как проектировщик знал местные условия, а строитель осуществлял свои собственные замыслы.

Работы по перестройке крепости планировалось осуществить в течение 10 лет из расчета ежегодных ассигнований в сумме около двух миллионов рублей. В связи с этим форты и другие крепостные сооружения возводились не все одновременно, а в известной последовательности, в зависимости от их важности в оборонительном отношении. Строительство каждого из фортов предполагалось осуществлять за три года, поэтому работы по возведению форта разбивались соответственно на три очереди: 1) постройка напольного вала с помещением для дежурной части, 2) постройка боковых фасов и 3) постройка казармы с горжей (тыльным фасом).

Начальником строительства крепости являлся военный инженер генерал-майор А.К.Овчинников (в 1913 г. на эту должность был назначен генерал Голицын, в 1914-1915гг. - И.А.Лидерс), у которого было два помощника: по строительной части - полковник Прейсфренд (затем полковник Г.И. Лагорио) и по хозяйственной части - полковник Н.В.Короткевич-Ночевной. В строительстве крепости участвовали военные инженеры подполковник П.П.Архипенко, капитаны К.Д.Саарандинаки, Н.П.Логанов, А.В.Максимов, В.Г.Алексеев, М.В.Десницкий, Б.Р.Добошинский, В.К.Манохин, И.О.Белинский, М.В.Миштовт, С.И.Егоров, Д.М.Карбышев, В.М.Догадин. Технологию строительных работ на фортификационных сооружениях достаточно подробно описал В.М.Догадин, который после окончания Инженерной академии в 1911 г. прибыл в крепость Брест-Литовск на должность производителя работ [50, 51].

Строительные работы по возведению фортов, других фортификационных сооружений и холодильника (холодильник крепостного типа, рассчитанный на 100 тысяч пудов мяса и 2 млн. порций мясных консервов, строился в форте «Граф Берг» и аналогов в России еще не имел) производились хозяйственным способом при фактическом контроле. Объемы работ на фортах и холодильнике бывали довольно значительны. Так, например, одного бетона требовалось уложить около 30 000 кубических метров, израсходовать на это столько же гранитного щебня и цемента не менее 50 000 бочек

весом по 10 пудов, т. е. в общем около 8000 тонн. Объем земляных работ в несколько раз превышал объем бетона. Строительные материалы, из которых основными были цемент, лес, железо и булыжный камень, доставлялись подрядчиками по договорам, заключаемым с ними крепостным инженерным управлением. Все приемки материалов, а также все выплаты рабочим производились в присутствии представителя государственного контроля, обязатель но уведомляемого записками.

Каменные и плотничные работы выполнялись специальными артельми, приезжающими на строительный сезон из Калужской, Рязанской и соседних с ними губерний. Их работа оплачиваласьдельно в соответствии с утвержденными предельными расценками. Для их проживания строились на месте постройки временные утепленные бараки.

Большие земляные работы выполняли такжедельно специалисты этого дела, именуемые «голландорами» (вероятно, потомки голландцев и немцев, которые проживали в нескольких деревнях под Брестом), которые на своих легких одноконных повозках, состоящих из трех досок - дно и две боковые стены, сноровисто насыпали высокие крепостные валы. Бетонные работы выполнялись подено простыми рабочими - жителями соседних деревень.

Число людей в артели плотников или каменщиков достигало 30 - 40 человек. Количество поденных рабочих на бетонных работах доходило до 600 человек. Поденные рабочие получали от 80 копеек до 1 рубля в день. Тачечникам платили по 1 р. 25 к., так как эта работа требовала повышенной выносливости: тачки были объемом 2 сотки кубической сажени (200 литров), следовательно, около 400 килограммов свежего бетона или сырой земли, не считая веса самой тачки.

Значительная часть массовых работ была механизирована. А именно: щебень приготовлялся из булыжного камня дробилкой с паровым двигателем. Для приготовления бетона были установлены две бетономешалки с локомобилями; щебень, песок, цемент, а также готовый бетон подвозились к месту употребления в металлических вагонетках по узкоколейным путям; бетон подавался на верх по наклонному подъемнику типа фуникулера, при котором груженая вагонетка канатом поднимается, а порожняя одновременно спускается; водоснабжение всех работ было обеспечено трубопроводом от насоса, спаренного с электродвигателем; для освещения всей территории строительного участка устанавливались девять дуговых фонарей и собственная электромашинка с нефтяным

двигателем; промывка щебня производилась из водонапорного бака в вагонетках с репетчатым дном. Все это показывает, что в отношении способов производства работ строительство Брест-Литовской крепости ушло далеко вперед по сравнению, например, с Ковенской крепостью, где в 1910 г. в холодные осенние ночи рабочие промывали гравий лопатами в больших плоских ящиках, стоя в воде голыми ногами. Бетон приготавливается вручную: составляющую смесь перемешивали лопатами на деревянной площадке, а материалы и готовый бетон перевозили в тачках. Правда, перевозка бетона на место его укладки вагонетками с применением механического подъемника осуществлялась в Бресте только на постройке холодильника.

Для производства массовых земляных работ в дальнейшем были приобретены экскаваторы. Контторы на постройках, квартиры инженеров и различные пункты строительства были соединены крепостным и городским телефонами. Наконец, для обеспечения связью в пределах строительной площадки имелся местный телефон простейшей конструкции. Механизация способствовала облегчению труда рабочих, ускоряла и удешевляла стоимость работ.

Для непосредственного руководства рабочими на постройке форта или другого крупного сооружения в распоряжении производителя работ имелась контора, состоящая из небольшого числа лиц: старшего десятника, младшего десятника, табельщика, конторщика, кладовщика и трех сторожей.

Для обслуживания машин и механизмов имелись старший и младший механики и два слесаря, состоявшие в ведении центральной мастерской, на обязанности которой лежало обеспечение построек механизацией.

Три сторожа охраняли территорию строительной площадки, которая, как правило, не имела никакой ограды. Для проверки бдительности сторожей каждый из них, заступая на дежурство, получал «контрольные часы», с которыми он обходил территорию постройки и в определенные моменты должен был повернуть в часах одним из ключей, которые были закреплены на различных пунктах строительства. При этом в часах на вставляемой бумажной ленте выбивалась метка. Охрана постройки от проникновения на нее подозрительных элементов лежала на крепостных жандармах, которые проверяли паспорта у рабочих.

В зимнее время, начиная с ноября, когда земля замерзала, и до апреля, когда земля оттаивала, строительные работы не велись; плотники и каменщики на зиму уезжали к себе в деревню,

зимний период на строительствах использовался для заготовки строительных материалов и главным образом кирпича и камня, чтобы перевезти их по более дешевому санному пути. Инженеры в это время готовили проекты и сметы и составляли отчеты за прошлый сезон.

Летом рабочий день начинался в 6 часов утра; в 9 часов делалася получасовой перерыв на завтрак, в 1 час дня давался перерыв на 1,5 часа на обед и отдых; в 6 часов вечера работы заканчивались. Продолжительность рабочего дня получалась 10 часов. В крепостные сооружения бетон набивался большими массами, укладываемыми без всякого перерыва. Поэтому бетонные работы производились несколько суток подряд днем и ночью. В этом случае рабочие выходили на работу по сменам через 8 часов.

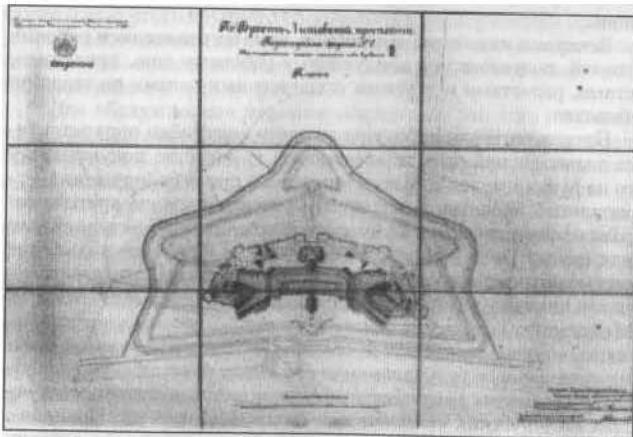
Производитель работ приезжал на постройку с утра по своему усмотрению и при налаженной организации работ, если не шла укладка бетона, имел возможность к четырем часам дня возвращаться домой обедать. Во время бетонных работ приходилось задерживаться и приходить на постройку ночью, хотя для поддержания порядка назначался дежурный офицер с другой постройки или из отставных офицеров, которому полагалось платить 5 рублей золотом за ночь.

Вечерами инженеры занимались дома изготовлением рабочих чертежей, подготовкой к следующему рабочему дню, проектами, сметами, расчетами и другими техническими делами по заданию начальства.

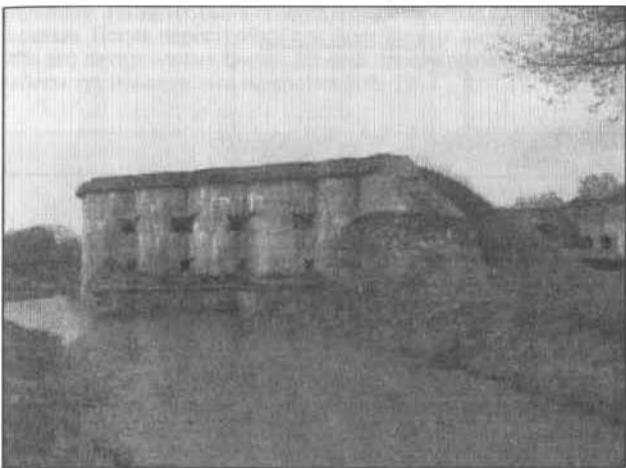
Производителям работ при ведении постройки предоставлялась значительная самостоятельность. В качестве документов у него на руках имелся только технический проект сооружения, утвержденный Главным инженерным управлением, да краткое сопровождение стоимости, а к смете из-за срочности приступали уже после начала работ. За разработку рабочих чертежей и решение всевозможных деталей конструкций отвечал производитель работ, причем никаких утверждений их не требовалось. Как отмечал В.М. Догадин, «*форты и другие фортификационные постройки по своей конструкции были довольно просты, и издаваемые Главным инженерным управлением инструкции достаточно подробно охватывали их устройство. Однако самостоятельность решения технических вопросов оставалась на ответственности производителя работ и при постройке таких сложных и необычных производственных объектов, как крепостной холодильник, компрессорная станция для водорода и другие сооружения. Такая*

постановка дела была допустима там, где производители работ обладали высокой квалификацией, как универсальные конструкторы, так и производственники-строители. И таковых в те времена готовила Военно-инженерная академия. Однако с быстрым развитием техники это положение должно было по необходимости измениться» [50, с. 61].

Форты новой линии получили литературные наименования. Для удобства форт VIII был переименован в форт литерный «Б», форт X — в литерный «Д». Форт №1 нового названия не получил, так как реконструкции не подвергался. Одновременно с разработкой проектов литературных фортов с 1911 г. в крепости началась реконструкция ряда старых фортов. Первым из них был перестроен форт V, работами на котором руководил старший производитель работ в Вольском отеле крепости капитан И.О.Белинский. В течение 1912 г. он усилил форт и пристроил к нему промежуточный двухэтажный капонир собственной конструкции. Полностью были перестроены не только подземные казематы и потерны, но и наружные выходы из потерн, траверсы, открытые артиллерийские позиции. Завершили реконструкцию активные обвалочные работы.

Крепость Брест-Литовск. Проект перестройки форта V 1912 г.
Фонды МК БК-Г.

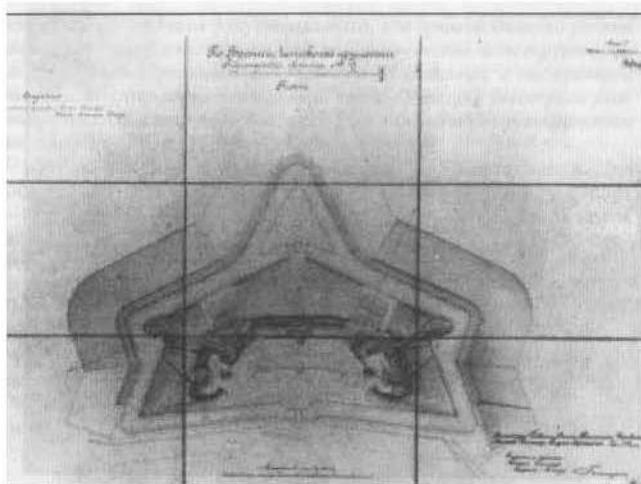

Крепость Брест-Литовск. Форт V. Горжевой капонир. Современное состояние

Вслед за фортом V началась реконструкция сразу нескольких укреплений. Работы на них были начаты практически одновременно, но завершились в разное время, в связи с неодинаковым объемом выполненных работ.

В форте IV была построена новая бетонная казарма, усиленная трехметровой обсыпкой. Из казармы во внутренний дворик форта вели потерна, соединявшаяся со средним казематированным траверсом. Кирпичные казематы и капониры не были перестроены, а лишь дополнительно усилены обсыпкой.

Форт VI (второе название «Лебедев») подобно форту V был полностью перестроен и усилен бетоном. Были разобраны старые полукапониры и построены новые, рассчитанные на более современные артиллерийские орудия, построены убежища, казематированные траверсы, заново обвалованы казематы и казарма, построена подземная железная дорога к скретному пороховому погребу.

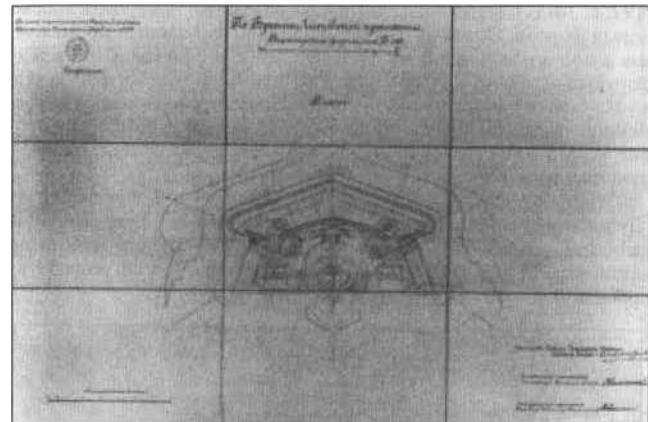

Крепость Брест-Литовск. Проект перестройки форта VI 1912 г. Фонды МК БК-Г

Реконструкцией форта VII («Лобачев») руководил старший производитель работ капитан Д.М.Карбышев. Под его руководством форт был усилен и полностью оборудован под новейшую крепостную артиллерию. На форте были построены новые убежища, склады для амуниции и боеприпасов, расширена сеть ходов сообщения, связавших между собой различные части форта. В капонирах оборудовались позиции для фланкирующей артиллериин, на валах были возведены бетонные убежища для крупнокалиберных противопушечных орудий. Форт «Лобачев» стал мощным сооружением, имевшим широкий сектор обстрела и надежную бетонную защиту от 425-мм снарядов. Все работы были произведены в 1912-1913 гг.

В форте №VIII (литерный «Б») ходом работ руководил капитан М.В.Миштовт. На этом укреплении перестройка коснулась старой казармы, размещенной посреди форта. Ее усилены бетоном и полностью покрыты маскирующей обсыпкой толщиной более четырех метров. Под валом, окружавшим форт, были устроены три потерны, выхваченные в сухой ров между валами форта; казематированные траверсы; убежища для людей и склады боеприпасов и

амуниции. На валах были оборудованы открытые артиллерийские позиции. После перестройки под форт первой линии была сохранена его пятиугольная форма, но валы исправлены и пересыпаны. Работы тут проводились на протяжении 1912 - нач. 1914 гг.

Крепость Брест-Литовск. Проект перестройки форта Б (VIII) 1912 г. Фонды МК БК-Г

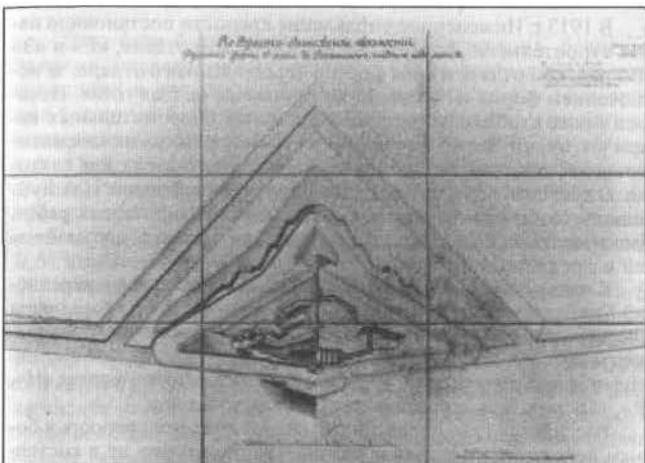
Недостроенный форт X, так же, как и форт VIII, реконструировался вглубь до начала мировой войны. Из-за того, что это укрепление не было окончено в 1901 г., оно практически строилось по-новому, но уже в бетонном варианте. Посредине форта была построена большая казематированная казарма, внутри вала разместили убежища и усиленные бетоном кирпичные казематы. В форте был построен большой треугольный капонир, фланкирующий промежутки между соседними фортами. Все укрепление было окружено рвом с водой. К северу, по направлению к железнодорожному полотну, местность понижалась, и поэтому форт плавненько вился над местностью. В горже укрепления был расположен земляной равелин, прикрывающий въезд в форт. К нему вела отдельная дорога - ответвление от форта IX.

Одновременно с реконструкцией старого кольца фортов в 1911 - 1913 гг. были составлены проекты новых фортов, к строительству которых в основном приступили летом 1913 г. Все они получили литературные номера - А, Б (модернизированный форт VIII), В, Г, Д (модернизированный форт X), Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О [197, с. 30-31]. Первоначально предполагалось построить восемь новых фортов. Однако позже для прикрытия опасных промежутков в проект были включены дополнительно форты «Л» (между фортами «И» и «К»), «М» (между «Д» и «Е»), а также форты «О» и «Н» (между фортами «К» и «А»). Новый пояс фортов с современной системой укрепления междууполья выносился на расстояние 6-7 км от центральной ограды и составлял главную крепостную позицию.

Первым фортом, построенным на новой линии, стал форт «Ж» (Дубинники) в 7 км от Цитадели. Проект этого форта выполнил капитан Белинский, приступивший к постройке укрепления по окончании реконструкции форта V. Одновременно он начал разработку проекта форта «З».

Крепость Брест-Литовск. Форт Ж. Фото 1915 г. с аэростата. Фонды МК БК-Г

Крепость Брест-Литовск. Проект форта Ж 1912 г. Фонды МК БК-Г.

Форт «Ж» представлял собой современное долговременное сооружение проекта Буйницкого. Мощнейшие железобетонные казематы, покрытые почти шестиметровым слоем земли, соединялись с центральным треугольным капониром с помощью галерей. Капонир фланкировал широкий ров-канал, наполненный водой. Перед каналом проходил бетонированный контрэрсаркт, оснащенный стрелковыми позициями и окруженный мощным покрытым гласисом валом. За валом возвышался 15-метровый вал, в котором находились казематы, убежища, потерны. В горжке форта располагалась двухэтажная казарма, оснащенная фланкирующими приспособлениями. Форт «Ж» был сложным в инженерном отношении сооружением, оснащенным системой вентиляции, артезианскими колодцами и санитарным оборудованием. Он мог противостоять любым существовавшим тогда типам артиллерии. Несколько позднее на нем были установлены закрытые гнезда для дальномеров и пулеметных установок. Горжевой ров защищался посредством двухметрового палисада, а вся местность вокруг форта была окружена проволочными заграждениями. Сообщение с крепостью осуществлялось при помощи почтовых голубей, позже в форте был установлен телефон.

В 1913 г. Инженерное управление крепости постановило начать строительство форта «А» в Кобринском отделе, «Е» и «З» в Волынском отделе и всех форта Тереспольского отдела, за исключением форта «Н», проект которого еще не был готов. Началось также строительство промежуточных оборонительных казарм «А-Б», «Б-В», «В-Г», «Ж-З» и «Н-О», нескольких казематированных тяжелых батарей в западном и юго-западном секторах. В крепость постоянно приезжал генерал-лейтенант Н.А.Буйницкий, который контролировал ход фортификационных работ. Практически все форты проектировались с учетом его замечаний и предложений.

К началу первой мировой войны большинство новых укреплений Брестской крепости были не достроены. Форт «А» был почти завершен, но требовались обваловка и установка оборудования. Форты «В», «Г», «М», «Н» вообще не были начаты. Остальные укрепления носили полудолговременный характер, хотя в фортах «И», «К», «О» началось строительство бетонных убежищ.

Российскому командованию было понятно, что крепость к боевым действиям не готова и противостоять штурму не в состоянии. Однако, принимая во внимание тот факт, что на большей части фортового пояса идут работы, было решено продолжить строительство крепости в ускоренном темпе, не имея достаточных средств. Одновременно с этим решением фактически вся полевая артиллерия и часть оборудования были вывезены из Бреста в крепость Ивангород, находившуюся под угрозой осады и нуждавшуюся в усилении.

К октябрю 1914 г. на большинстве форта основные работы были окончены, и новая крепостная позиция приобрела завершенный вид. Продолжались работы на промежуточных батареях и укреплениях, установка основного оборудования [199, с. 181-210].

Форт «А» (проект выполнил старший производитель работ подполковник П.П. Архипенко, строительством руководил капитан Б.Р.Добошинский) представлял собой мощное железобетонное сооружение с казематами, убежищами и казармами. Основной массив форта, состоящий из центральной казармы и соединившихся с ней подземных убежищ и пороховых погребов, был окружен сухим рвом. Во рву располагался мощный двойной кофр, фланкирующий ров с помощью шести орудий. Кофр был приспособлен к самостоятельной обороне, имел дальномерные и пулеметные гнезда, убежище и хранилище для продовольствия и боеприпасов. Кофр соединялся с центральным массивом форта с помощью центральной потерны.

Этот форт был оснащен системой вентиляции, броневыми дверями, отделяющими различные части форта друг от друга, колодцами и винтовыми лестницами. По вершине вала проходил бетонный бруствер для стрелков, на флангах которого располагались барбеты для фланкирующих орудий. В горже находился вал, соединявшийся с траверсами, между которыми находились открытые укрытия для лошадей и припасов. Въезд в форт прикрывался тремя стрелковыми полукапонирами. Форты «А» и «Б» соединялись дорогой, построенной в 1913 г. капитаном Д.М.Карбышевым.

Между фортами «А» и «Б» была построена казарма «А-Б». Все пять казарм, проектировавшихся в Брестской крепости, были однотипны. Основное помещение казармы, рассчитанное на гарнизон в 2-4 роты, было защищено шестиметровой обсыпкой. В средний казематированный траверс выходила потерна, а на валу располагался бронеколпак дальномера и стояли тяжелые орудия. Все оружие было защищено бруствером и маскировочными сетками. Вокруг казармы располагались открытые позиции для полевой артиллерии.

Форты «В» и «Г» были построены в северном секторе крепости по проектам капитанов Н.Н.Логанова и Б.Р.Добошинского. Форт «В» был подобен форту «А», а «Г» состоял из центрального массива и капонира.

Форт «Е» был спроектирован капитаном К.К.Сарандинаки и возводился до 1914 г. Он представлял собой характерный пятиугольник со скосченными фасадами, был окружен рвом с водой и с горжи защищен полисадом и проволочными заграждениями. С юга находился небольшой опорный пункт, соединенный с фортом при помощи рва и вала.

Форт «З» (д.Митыки), построенный капитаном В.К.Манохным, прикрывал железную дорогу на Киев и имел сектор обстрела от Буга до Ковельского тракта. Он имел прямоугольный в плане центральный массив, включавший казарму, подземные укрытия, защищенные 6-метровым слоем обсыпки, большой капонир, соединенный с казармой потерной. Особенностью этого форта было то, что потерна проходила не по центру, а сбоку, а капонир имел артиллерийские амбразуры только с одной стороны. Форт был рассчитан на современную противотурмовую артиллерию и крупнокалиберных орудий не имел. Укрепление окружал широкий, но не глубокий ров, перед которым находились междуфортовой вал и позиции для батарей, тянувшиеся более чем на 2 км на восток.

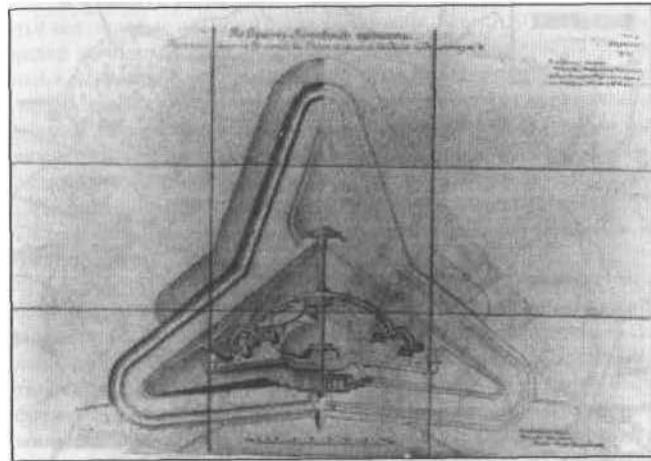
Форты Тереспольского отдела крепости строились наиболееспешно и продолжали укрепляться уже после возведения нового кольца фортов. Здесь были применены фортовые группы, среди которых наиболее мощная была у д. Жуки и включала в себя форт «И», три долговременных опорных пункта, межфортовой вал с рвом, пять батарей и десять убежищ. Вся группа имела протяженность 2 км в длину. Ее окружали сплошной пояс проволочных заграждений и ров. Кроме этого, в группу входил приспособленный к обороне фольварк Добратьинь, соединявшийся окопами со следующим фортом линии - «Л».

Строительство форта «И» сначала планировалось возле д. Муравец. Однако при взятии проб грунта выяснилось, что в этом месте залегает песок «пильун», поэтому форт перенесли на 1,5 км вперед, к д. Жуки. Проект этого форта выполнил старший производитель работ капитан Д.М. Карбышев.

В плане форт представлял треугольник. Главный вал, по всему периметру окружавший центральную часть форта, имел форму усеченного конуса. В центре укрепления находилась казарма с казематами, соединенная потерной со средним казематированным траверсом. Траверс также был приспособлен к обороне. В передних углах форта располагались бронебашни для скорострельных пушек. В горжевых углах центрального массива форта были установлены фланкирующие полукапониры. Один из них простреливал промежуток между фортом и р.Буг, другой контролировал вспомогательный ров, соединявший форт с опорным пунктом. К горжевым углам форта были пристроены овальные завершения, в которых располагались тяжелые батареи. С помощью потерн они сообщались с центром форта, а восточная скрытыми ходами сообщений была еще связана с двухэтажным промежуточным капониром на берегу Буга, простреливающим промежуток до форта «З».

Основу форта «Л» составляли бетонная казарма и капонир, фланкирующий ров. Это сооружение было оснащено бронеколпаками, пулеметными установками и другими новейшими для того времени средствами защиты.

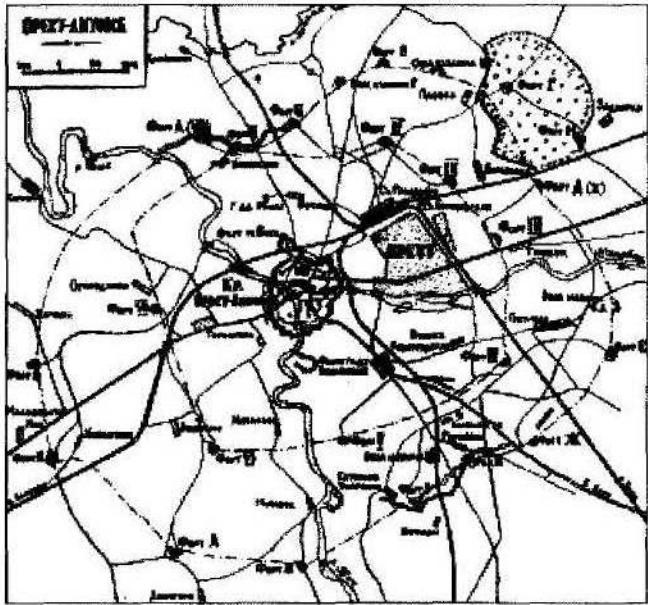
Форты «К» (д.Корощин) и «О» (д.Кобыльня) располагались всего в 2 км друг от друга и входили в фортовую группу, состоявшую из ряда земляных и казематированных укреплений. Форт «О» был наиболее мощным в Тереспольском отделе крепости, поскольку находился на важном юго-западном направлении. Вокруг него группировались так называемые «корощинские тяжелые батареи», расположенные в промежутках.

Крепость Брест-Литовск. Проект форта К 1912 г. Фонды МК БК-Г

Промежуточные форты «М» и «Н» не были построены. Первый должен был стать мощным сооружением, но к середине 1915 г. имел два небольших убежища, сохранив свой полудолговременный «полевой» характер. Второй начал строиться уже в 1915 г. и реального воплощения идеи инженеров-фортификаторов не получил.

К концу 1914 г. первая линия фортов была почти готова, но командование крепости, обеспокоенное положением дел на фронте, решило возвести вокруг крепости еще полевую линию обороны. Она должна была состоять из кольца отдельных позиций полевого характера, удаленных от центральной крепостной позиции на 10 и более километров. Эти позиции начали возводить весной 1915 г. В Кобринском отделе крепости строились позиции у деревень Скоки, Мощона, Старые Задворцы, в Волынском - у деревень Заки и Каменец-Журавецкая, в Тереспольском - у фольварка Добрьинь.

Крепость Брест-Литовск. Генеральный план крепости 1914 г.

Позиция у д. Скоки была самой обширной из всех. Общая протяженность ее оборонительной линии превышала 4 км. Позиция у д. Мощона, построенная под руководством капитана Б.Р. Добошинского, представляла собой небольшое полевое укрепление, имевшее три железобетонных убежища. Позиция у Старых Задворцев состояла из убежища, ряда полевых батарей и отдельно стоящей тяжелой батареи, обстреливающей железную дорогу на Москву. Позиция на песчаных холмах между деревнями Заки и Каменица состояла из трех батарей и двух убежищ. Наиболее мощная позиция находилась возле фольварка Добрынь и состояла из целого пояса земляных укреплений, батарей, препятствий, заграждений, окопов и убежищ.

К моменту, когда крепость оказалась под угрозой осады, почти все полевые позиции были закончены. Летом 1915 г. был проведен комплекс работ по установлению препятствий на подходах к передовой линии. Все дороги, ведущие в крепость с запада, северо-запада и юго-запада, были испорчены: перерыты канавами, перегорожены насыпями, затянуты проволочными заграждениями. Передовые позиции соединялись новыми линиями окопов с первой линией фортов, подступы к Добрыне и Добратьче активно минировались. Особенно укреплялись промежутки между форты в западном секторе, поскольку форт «Н» не был завершен.

К августу 1915 г. крепость, которая практически уже была осаждена, но окружения пока избежала, была наиболее подготовленной к боевым действиям крепостью Российской империи. Однако, имея развитую фортификационную систему, крепость практически не имела боеспособного гарнизона, способного вести боевые действия в условиях осады. Все боеспособные части и вооружение постоянно отправлялись на фронт. В крепости остались лишь склады, она стала местом формирования резервных дивизий для действующей армии.

В начале августа 1915 г. российские крепости Новогеоргиевск, Осовей и Ковно были захвачены противником. Во второй половине августа немецкие войска подошли к Гродно и начали штурм крепостных укреплений. К Бресту с трех направлений подходили три корпуса противника. Учитывая угрозу обхода Бреста австро-немецкими войсками, российское командование, во избежание окружения, приняло решение оставить крепость, взорвав укрепления. 8 августа 1915 г. началась эвакуация гарнизона и военного имущества. Укрепления было приказано взорвать. Приказ был выполнен с разной степенью старательности. Значительному разрушению подверглись литерные форты северо-восточного сектора, полностью уничтожен форт «Ж». Укрепления номерного пояса и Цитадели пострадали незначительно. Казаки и ополченцы уничтожили практически весь город Брест-Литовск, было разрушено около 80 % всех зданий. В ночь с 12 на 13 августа 1915 г., сломив сопротивление российских заслонов, австрийские войска заняли крепость и город.

Крепость Брест-Литовск. Тереспольские ворота. Открытка 1916 г. Из коллекции С.Пивоварчика.

Крепость Брест-Литовск. Снаряды к 8-дюймовой пушке обр. 1867 г., складированные в сараик (разрушенные). Открытка 1915 г. Из коллекции С.Пивоварчика

Август 1915 г. стал для российской армии месяцем колоссальных потерь. После сдачи крепостей Брест и Гродно моральный дух российской армии был спомлен. Осенью 1915 г. враждующие стороны, истощив свои силы, перешли к позиционной войне.

Строительство Брестской крепости являлось важным элементом общегосударственной политики укрепления империи на западных рубежах. Поэтому ей придавалось большое значение в военно-стратегических разработках российских властей и планах по фортификационному укреплению западного театра военных действий. Кроме этого, она должна была служить инструментом устрашения земель, считающихся у царизма «неблагонадежными». Отсюда и большие материальные затраты на поддержание ее в боевой готовности. На всем протяжении «российской» истории крепости здесь применялись самые современные военно-инженерные идеи и технические решения. Однако Брестская крепость, на строительство и модернизацию которой были затрачены колоссальные средства, боевого опыта первой мировой войны не получила и той роли, которая ей отводилась в военно-стратегических планах российского командования, не сыграла, или, как отмечал В.В.Яковлев, «в мирную войну все крепости роль сыграть, но не всегда в той степени, как это предполагалось в мирное время» [193, с. 380].

В последующие десятилетия сооружения крепости использовались занимавшими ее германскими и польскими войсками. Крепость, устаревшая в качестве стратегического объекта, служила для размещения польского гарнизона в 20 — 30-е гг. XX в. Оборонительная система оставалась прежней, однако польское командование изменило внутреннюю структуру крепости: были построены дома для офицерских семей, проложены новые дороги, возведены пристань вблизи Тереспольских ворот и несколько мостов через Буг и Мухавец. Свято-Николаевский храм был перестроен в гарнизонный костел. Крепость стала центром культурной жизни города. Перед самой войной в крепости были проведены даже археологические раскопки и открыт музей [220, с. 41-44]. В сентябре 1939 г. польский гарнизон брестской крепости на протяжении трех дней оказывал сопротивление немецким войскам Г.Гудериана [27].

«Второе дыхание» Брестская крепость получила в 1939 -1941 гг. В этот период начался последний этап оборонительного строительства в крепости - возведение 62 Брестского укрепленного района, который являлся одним из элементов военно-инженерного укрепления новой западной границы СССР. Согласно замыслу советских военных инженеров, отдельные фортификации старой

российской крепости можно было использовать как основу опорных пунктов обороны УРа и для размещения складов амуниции и боеприпасов. Архивные и полевые исследования показали, что для этих целей использовались линейные форты «А», «З», номерные I, V, форт «Граф Берг», оборонительная казарма «А-Б», а также Тереспольское, Волынское и Кобринское предмостные укрепления. Вокруг фортов Брестской крепости было построено около 30 долговременных огневых точек, большинство из которых не имели еще вооружения и систем обеспечения и предназначались для 18 отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Цитадель и некоторые другие постройки Брестской крепости служили для размещения советских войск и к оборонительным действиям не предполагались. Однако 22 июня 1941 г. фортификационные сооружения Брестской крепости стали последним рубежом обороны для советских солдат, первыми встретивших немецко-фашистские войска, вторгшиеся на территорию Советского Союза.

Гродненская крепость (1886 - 1915)

Традиции гродненской фортификации были заложены в эпоху средневековья. Уже само летописное название города «Городен» может свидетельствовать о том, что город возник как окружённое укреплениями место.

Размещение поселения на мысу у впадения реки Городничанки в Неман, высокие крутые берега последнего, глубокие овраги составили благоприятные топографические условия для развития военно-инженерного искусства. Гродно возник на этнокультурном пограничье, и политические события, которые происходили в этом регионе, влияли на формирование оборонительных элементов города. Они прошли эволюцию от простейших деревоземляных конструкций до мощных фортификационных сооружений. Каждый период в истории города отразился на его укреплениях, которые соответствовали времени и традициям. Сначала земляной вал и деревянные стены детинца (которые уже в XII в. заменены на каменные - уникальное явление) и окольного города времен Полоцкого княжества. Потом были готический замок периода Великого княжества Литовского, ренессансная и барочная архитектура с оборонительными чертами времен Речи Посполитой, редуты и люнеты Северной войны и восстания под руководством Т.Костюшко. Не было исключением и время, когда Гродно был в составе Российской империи.

Первый план возведения в Гродно укреплений, которые соответствовали бы современной военной стратегии и тактике, появился сразу после окончательного присоединения к Российской империи белорусских земель в результате третьего раздела Речи Посполитой. В Центральной Европе произошло изменение геополитической ситуации, и была установлена новая граница империи с западными соседями. Теперь российско-прусская граница проходила по Неману до Гродно и далее по прямой на юг до г. Немирова. Российские власти приступили к работам, связанным с инженерным обеспечением новой границы империи. Необходимо отметить, что к концу XVIII в. старые гродненские укрепления фактически уже не существовали. А город, который стал пограничным, конечно же, требовал современной фортификации.

В 1796 г. была создана специальная комиссия под руководством шефа Корпуса инженеров генерал-майора П.Сухтелена. На западную границу для изучения ситуации был направлен инженер-капитан К.Опперман. Результатом его работы стала инструкция «Обеспечение новой границы с Пруссией и Австрией». Он предложил на протяжении 1200 км построить девять крепостей, в том числе и в Гродно [231, с. 20].

После франко-австрийской войны российским властям стало понятно, что конфликт между Францией и Россией неизбежен, и с 1810 г. Россия начала интенсивно готовиться к войне. В состав комиссии по подготовке к боевым действиям был включен генерал-инженер К.Опперман, который срочно вернулся к плану создания крепостей на западе, в том числе и в Гродно. Однако окончательное решение было иным: новые крепости были построены в Динабурге и Бобруйске с передмостовым укреплением в Борисове. Таким образом, была проигнорирована активная оборона, и в вероятном конфликте инициатива была отдана противнику [231, с. 20].

Как должна была выглядеть новая российская крепость в Гродно, дают представление архивные графические материалы. В соответствии с недатированным «Планом г. Гродно с проектами укрепления оного», оборонительные сооружения должны были охватить весь город. В состав планируемого крепостного комплекса входили капониры, люнеты, валы с равелинами, стрелковые рвы, батареи на Старом и Новом замках. Для затопления местности во время опасности на Городничанке планировалось построить четыре плотины. На левом берегу планировалась возведение передмостового укрепления - «тет-де-пон», основу которого составили мощные сооружения Францисканского монастыря. Этот план подписан рос-

сийскими военными инженерами — полковником Баумером и капитаном Деном [149].

Два других плана датируются 1807 и 1810 гг. На первом стоит подпись генерала Сухтелена и название - «План города Гродны с назначением вновь проектируемой крепости». От плана без даты отличается большей площадью, которая включена в систему укреплений [150]. План 1810 г. имеет легенду по-немецки - «Plan eines Befestigungs - Entwurf auf die Stadt Grodno in Lithauen» («План укрепления - проект для города Гродно в Литве»), две надписи карандашом — «са 1810» и фамилию вероятного автора «Verfasst von dem Major von Keck» («составлен майором Кеком») [227]. Возможно, план был составлен одним из немецких инженеров, который перешел на российскую службу из разгромленной прусской армии. В военно-инженерном отношении это был отлично составленный проект. Он хорошо учитывал топографию не только города, но и окрестностей и состоял из трех элементов - цитадели на правом берегу Городничанки, замкнутого многогранника куртин с бастионами вокруг города с предметьями, четырех внешних выдвинутых укреплений, из которых наиболее совершенным был «тет-де-пон» на занеманском предметье (форштадте).

После войны 1812 г. на Гродно обратили внимание уже в конце 20-х гг., после того как императором стал Николай I. В 1827 г. была создана Комиссия для выяснения стратегического значения укреплений, которые уже существовали, и разработке новых. В Комиссии сразу же началась дискуссия, где строить новую крепость — в Бресте или Гродно. Проектные работы проводились сразу по двум городам, но в 1830 - 1842 гг. была построена крепость Брест-Литовск.

Однако национально-освободительное восстание 1831 г. на территориях, включающих современные Польшу, Литву и Белоруссию, заставило царские власти опять вернуться к плану создания если не крепости, то, по крайней мере, укрепления центральной части города. При этом предполагалось широко использовать монументальные комплексы католических монастырей - Доминиканского, Бернардинского, Бригидского. Об этом свидетельствует «Увеличенный план города Гродно с наложением проекта укрепления оного», который был «сочинен» 29 ноября 1831 г. поручиком Лобачевским [151]. Как и все предыдущие, этот проект не был реализован.

Мысль об укреплении Гродно возникла опять на совещании у императора Александра II, которое состоялось в 1873 г. [140, л. 1]. На совещании была признана важность укрепления оборонительной линии на Немане, поскольку все более очевидным становился

вероятный противник - Германия, с которой придется столкнуться в борьбе за свои интересы.

В последующие годы по распоряжению Главного штаба проводились полевые работы: рекогносцировки, топографические съемки, картографирование. На основе этого военным министром Д. Миллютиным в 1879 г. был составлен доклад об укреплении Ковно, Гродно и Осовца. Доклад был утвержден императором, и поступило указание приступить к исполнению. В соответствии с этим документом Гродненской укрепленной позиции отводилась следующая стратегическая задача (стиль и орфография документа сохранены): «...с объявлением войны и вступлением неприятельской армии в наши пределы, прочное занятие нами Гродненской позиции в связи с Кошней и с линией Бобр - Царев - Буг представляет неприятелю значительное затруднение при дальнейшем его движении как к Неману, так и в тыл Царства Польского, в обход находящихся там наших войск.

Если же неприятелю удаешься отеснить наши войска, действующие в поле, с одной стороны за линию Немана и далее, а с другой стороны за Буг, то уже связь наших войск в Северо-Западном крае с войсками Царства Польского не может происходить через Гродну, и в таком случае удержание нами этого пункта и находящихся в нем переправ могло бы иметь целью затруднить дальнейшее движение противника и доставить нам возможность при переходе в общее наступление и удалении неприятельских войск обратно за Неман, тотчас же восстановить связь Царства Польского с Империей и пользоваться безостановочным движением по Варшавско-Петербургской железной дороге. Но в таком случае, т.е. когда Гродно должна быть предоставлена исключительно собственными силами, потребовалось бы для удержания этого пункта соорудить там долговременные укрепления сильно вооруженные и обеспеченные всеми потребностями, необходимыми для упорного и продолжительного сопротивления.

Имея однако ввиду значительность потребных на то расходов и возможность при благоприятном для нас обороне войны, обратным занятием Гродны весьма скоро восстановить как переправы через Неман, так и сообщения по Петербургско-Варшавской железной дороге, нельзя не считать излишним затрату как материальных средств, так и войск на удержание за нами Гродненской позиции даже по отступлении нашей кр.Щара тем более, что Гродно не может служить исходным пунктом для решительного наступления, так как от неё нет прямого пути к какому-не-будь важному предмету действий в Пруссии и самая местность к

западу от Гродны мало пригодна для операций большими массами. На основании изложенных соображений требуется, чтобы укрепления у Гродны способны были сопротивляться нападению пяти полевых войск и полевой артиллерией на вышеопределенный начальный период войны, после которого в случае постигших нас неудач, укрепления эти должны быть очищены от гарнизона и орудия вывезены, а частью приведены в негодность.

Соответственно с таким назначением должны быть возведены и самыя укрепления у Гродны. При крепком занятии нами Ковны и Осовца неприятелю не представиться возможность подвести к Гродно осадную артиллерию в скромном времени после открытия военных действий, нападения же на Гродну большими неприятельскими силами, но без орудий осадного парка, можно допустить и в начальный период кампании, в особенности со стороны со стороны левого берега Немана, когда армия наша удерживает за собой правый берег этой реки. С северной же стороны, Гродно должна быть обеспечена лишь от нечаянного нападения небольших неприятельских отрядов, могущих подойти внезапно по переходу через Неман выше или ниже этого пункта.

Переход же на правый берег Немана значительной части неприятельских армий и удаление нашей к востоку от этой линии неминуемо поведет к полному обложению Гродненского гарнизона, а потому, при таком обороте военных действий гарнизон этот, или должен оставить занимаемый им пункт и следовать за армией, или должен быть значительно усилен и обороняться до последней крайности» [140, л. 2-2 об.].

Для выполнения задачи был разработан план постройки укрепленной позиции, которая состояла из пяти форточ на 64 орудия и 10 рот пехоты. Однако тогда этот план не был реализован.

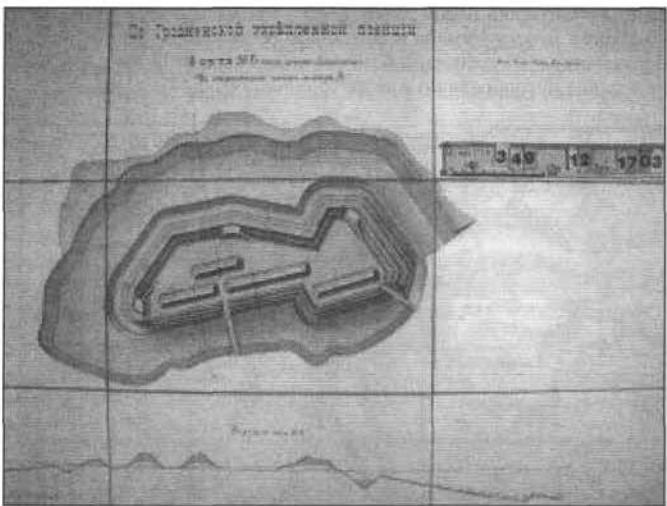
К плану вернулись в 1887 г., после утверждения «Соображений о планах ведения войны», составленных начальником Главного штаба Н.Н. Обручевым. Его предложения сводились к тому, что необходимо удерживать противника на одном театре боевых действий и готовиться к решительному наступлению на другом. Правому флангу, где находилась Гродно, отводилась задача сдерживать противника — германские войска [57, с. 96].

Строительство форточ началось в 1887 г. и на протяжении двух лет было завершено. В 1889 г. было признано, что пять форточ мало, и принято решение о строительстве еще двух. Форт №1 располагался на правом берегу Немана в урочище Пышки, форты №2-5 составили так называемую южную позицию и были вытянуты вдоль

занеманского форштадта. Форты №6 - 7 возводились в 1889 - 1891 на правом берегу Немана и составили северную позицию. Общая протяженность укрепленной позиции составляла 14 км и она имела в плане дугообразную конфигурацию [140, л. 4].

Гродненская укрепленная позиция 1886 - 90 гг. Земляные форты южного отдела. РГВИА.

Гродненская укрепленная позиция. Земляной форт № 1890 г. План. РГВИА

Все форты были земляные и имели следующие недостатки «скверно применены к местности», недостаточно маскированы насаждениями, не было фланговой обороны наружных рвов (карониров), траверсы хоть и позволяли расположить за ними блиндажи, но только легкого типа. В целом гродненские укрепления имели характер передмостной позиции временного характера. Войсками они практически не использовались (за исключением форта 2 и 5, которые находились рядом с летними лагерями частей гродненского гарнизона) и в начале XX в. фактически были заброшены. В докладе Штаба Вильенского военного округа в 1907 г. в отношении гродненских укреплений отмечалось: «...существующие форты Гродненской позиции в настоящее время утратили своё значение и не только не способны служить в качестве опорных пунктов, основой будущей позиции, но и не могут быть в должной мере усовершенствованы. Последнее исключительно по причине недостаточной примененности их к местности (в отношении маскировки) и по слишком близкому их расположению к мостам».

Приходится согласиться, что Гродненской укрепленной позиции, строго говоря, не существует, а есть место, на котором может быть устроена позиция и на котором форты играют роль только местных предметов, удобных для обороны. Последствием сказанного является то, что проектированные планом мобилизации укрепления, возведимые во время последней, места которых выбраны при условии, что существующие форты должны служить основой позиции, не отвечают современной обстановке, ни задачам возлагаемым на Гродну, что в свою очередь низводит существующий мобилизационный план до обычного теоретического проекта, осуществление которого во время войны не только затруднительно, но и не желательно» [140, л. 10 об.].

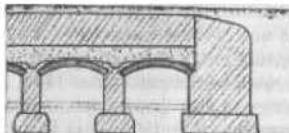
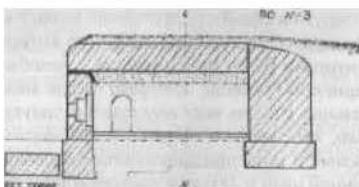
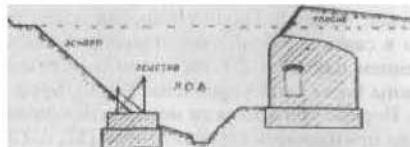
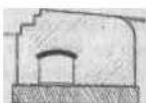
Стратегическое значение Гродно возросло после российско-японской войны в связи с разработкой новых мобилизационных планов. С введением плана 1912 г. на линии развертывания русских войск должны были быть укреплены Ковно, Брест-Литовск, Осовец, Гродно. Первые три крепости модернизировались, последнюю фактически приходилось строить заново [57, с. 104].

Необходимость строительства новой крепости в Гродно была высказана еще в 1907 г. в упомянутом нами докладе Штаба Вильенского военного округа в связи с подготовкой нового мобилизационного плана. В докладе отмечены условия, при которых проект новой укрепленной позиции будет успешным: «... чтобы этот проект укрепления позиции под Гродной, который будет вновь выработан, не постигла печальная участь всех ему предшествующих — быть мертворожденным, необходимо получить предварительно указания: 1) какие денежные и материальные средства могут быть ассигнованы для указанной цели и 2) какие именно войска будут назначены с объявлением мобилизации для производства работ по устройству позиции, и какие войска будут назначены для ее занятия».

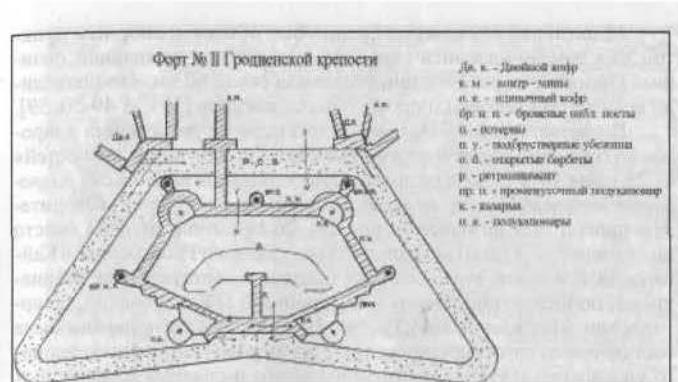
Только по разрешении этих вопросов может быть приступлено к проектированию позиции, которая, в зависимости от предназначенных для нее средств, может быть устроена в пределах от простой передмостной позиции до круговой оборонительной позиции стратегического характера» [140, л. 11 об.].

Первый проект новых фортификационных сооружений около Гродно был составлен в 1908-1909 [141]. И на этот раз проект предусматривал с целью «полного обеспечения мостов и целей наступательных» возведение «новой оборонительной позиции, вынесенной на передовые командные высоты впереди форта... и составляет отдельные позиции полевого характера — люнеты, редуты, кольцевые око-

ны, блиндажи» [142, л. 2]. Однако в соответствии с новым мобилизационным планом 1910г. уже предусматривалось введение долговременной оборонительной позиции, основой которой стали бетонные форты.

Крепость Гродно. Форт II. Схематический план, профили по бетонному брустверу с подбрюстверной галереей, по рву и по казарме. Рис. Д. Лютик по: Яковлев В.В., Хмельков С.А. Современное состояние долговременной фортификации. Отдел первый. Долговременная фортификация к началу и во время мировой войны

Крепость Гродно. Форт II. Схематический план, профили по бетонному брустверу с подбрюстверной галереей, по рву и по казарме. Рис. Д. Лютик по: Яковлев В.В., Хмельков С.А. Современное состояние долговременной фортификации. Отдел первый. Долговременная фортификация к началу и во время мировой войны

Крепость Гродно. Форт II. Стрелковый бруствер. Современное состояние. Фото С.Пивоварчика

12 октября 1912 г., когда Гродно был объявлен опорным пунктом для армии, начались строительные работы на главной позиции. Протяженность позиций составила около 60 км, что подводило ее под тип крепости широкого расположения [191, с. 49-50, 59].

В соответствии с «Положением о порядке разрешения вопросов по созданию новых и переустройству существующих крепостей» от 25 июля 1911 г. была создана «Изыскательная партия для разработки первоначального проекта крепости на месте». Руководителем партии был назначен начальник 26 пехотной дивизии (место дислокации - Гродно) генерал-лейтенант Михаил Никифорович Кай-городов. В помощь ему были направлены соответствующие специалисты по инженерному делу - полковник Д.П. Колесовский, по артиллерии - полковник П.И. Тризна. Инженерная часть партии была составлена из прикомандированных офицеров Главного инженерного управления (ГИУ), Генерального штаба и полевых инженерных войск. Работы по составлению проекта крепости Гродно начались 3 ноября 1911 г., а 7 января 1912 г. первоначальный вариант был уже представлен в ГИУ. В своем рапорте на имя генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба Ю.Н. Данилова генерал М.Н. Кай городов просил не расформировывать Изыскательную партию, «поскольку в создаваемой крепости Гродно предстоит составить в несколько раз большие число проектов, по сравнению со всякой расширяющей или перестраиваемой крепостью, где многое уже существует, а типы сооружений давно подробно разработаны и многие из них уже осуществлены на деле» [143, л. 2, 13].

По первоначальному проекту Гродненская крепость должна была состоять из 16 фортов, соответствующих типовым фортам, разработанным военными инженерами К.И. Величко, Н.А. Буйницким и В.В. Малковым-Паниным, 18 литерных опорных пунктов на полутору, 38 номерных опорных пунктов на взвод пехоты. После обсуждения в план были внесены изменения, и он был рассмотрен 2 июня 1912 г. в Инженерном комитете Главного инженерного управления [143, л. 52].

В новом проекте количество фортов уменьшилось до 13, номерных опорных пунктов до 23, а литерных увеличилось до 19. Кроме фортов и опорных пунктов, предполагалось строительство открытых батарей для орудий крупного калибра, отдельных укрытий для пехоты, пороховых погребов, аэродрома, плотины, дороги и ряда других вспомогательных сооружений, фактически возводились форговые группы. Была определена граница крепостного района. Она проходила примерно в 10 км от проектируемой линии фортов и включала значительную территорию.

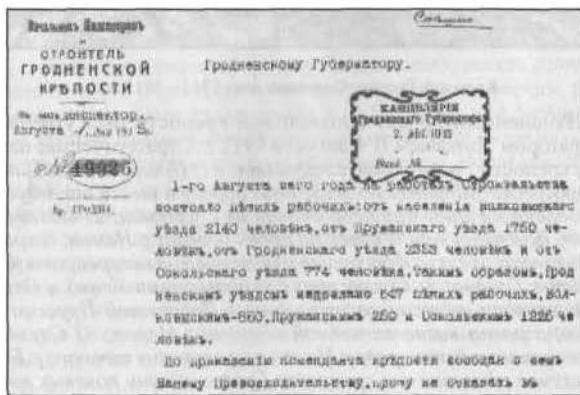
Крепость Гродно. Фортовой пояс 1912-1915 гг.

Измененный проект Гродненской крепости был утвержден императором Николаем II 4 августа 1912 г. Стратегическое назначение крепости Гродно было следующее: «1) Преграждать Санкт-Петербургско-Варшавскую железную дорогу и шоссе от Августо-ва и Словца на Лиду при пересечении их с р. Неман; 2) Облегчить свободу действий наших войск на обоих берегах р. Неман, сохранив в наших руках железнодорожные и обыкновенные переправы через р. Неман в Гродно; 3) Совместно с укреплениями Ковно и Ошты содействовать нашему наступлению в Восточной Пруссии или южнее, а равно наступательной обороне р. Неман; 4) Служить опорой наших войск переди р. Неман и по верхнему течению р. Бобр; 5) В случае удаления от крепости Гродна наших полевых войск, сохранять во всяком случае переправы через р. Неман и Гродненский железнодорожный узел в наших руках» [144, л. 6].

В предписании ГИКА от 1 сентября 1912 г. Стройителю Гродненской крепости (так называлась должность руководителя всех строительных работ, на которую 2 июля 1912 г. был назначен Дмитрий Павлович Колосовский с одновременным присвоением звания генерал-майора) указывалось на необходимость распределения кредитов по проектированию и строительству объектов крепости: «3) Представить теперь же план распределения кредитов на 4-летие 1912—1915 гг., руководствуясь соображением стоимости инженерных работ и заготовок, имея в виду: а) что в счет исчисленной на работы по созданию Гродненской крепости суммы в размере 15 950 000 руб. уже ассигновано в 1912 г. - 204 000 руб. и предназначено к ассигнованию: в 1913 г. - 3 746 000 руб.; в 1914 г. - 5 000 000 руб. и 1915 г. - 7 000 000 руб.» [144, я. 1 об.]. Необходимо отметить, что выделенных денег было недостаточно. Так, например, цена строительства только одного форта № 4 окапо д. Стрельчики составила 2 300 000 руб. по ценам 1913 г. [138, с. 50]. Окончательное завершение крепости планировалось в 1917 г.

Гродно было объявлено крепостью 23 августа 1913 г., хотя работы на главной крепостной позиции были на начальной стадии, и настоящего гарнизона и вооружения крепость еще не имела. Однако генерал-лейтенант М.Н.Кайгородов был уже назначен комендантом крепости.

Для возведения крепости были созданы 14 строительных участков, начальниками которых (производителями работ) стали инженерные офицеры Изыскательской партии. Кроме военных строителей, на участках широко применялся труд вольнонаемных рабочих, гражданских подрядчиков, местных крестьян [85, л. 36]. Все это способствовало довольно быстрому строительству форгов и опорных пунктов, но к началу первой мировой войны ни один из них не был завершен - в распоряжении строителей были неполных два сезона.

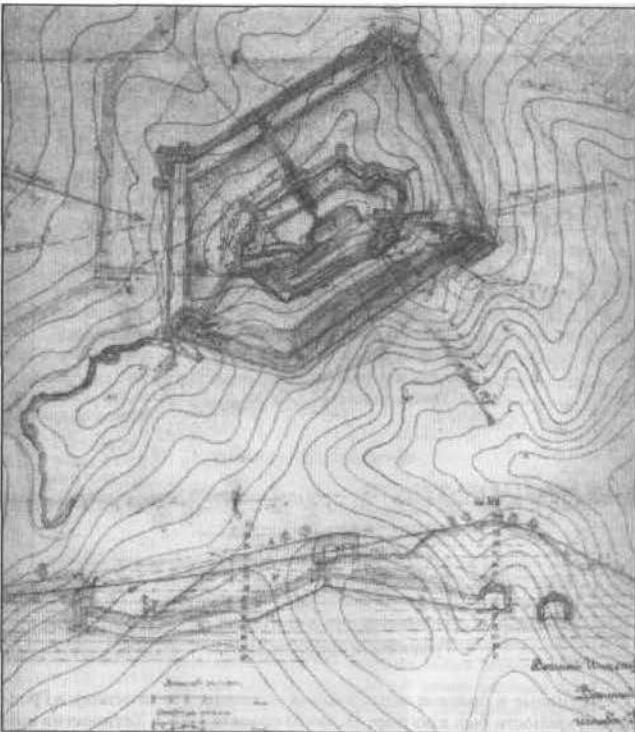

Сообщение 1-енерала Д. П. Колосовского о количестве рабочих в крепости Гродно на 1.08. 1915 г. НИАБГ

Просьба генерала Д.П. Колосовского о замене рабочих на строительстве Гродненской крепости. НИАБГ

Архивные и полевые исследования показали, что за основу в Гродненской крепости был взят форт Величко проекта 1909 г. Технология возведения форта была такова, что практически с самого начала работ форт был готов к обороне. На первой стадии строительства - как полевой редут (котлован для бруствера в качестве стрелкового окопа), затем - как вре-

менное укрепление (готовый бетонный стрелковый бруствер и ров с зачатками контрминых галерей и потерн, которые можно было использовать как безопасные от бомбардировки убежища). В самую последнюю очередь приступали к строительству промежуточных и горжевых полукапониров, горжевых казарм, облицовке эскарпа и контэрскарпа. Объект становился долговременным оборонительным опорным пунктом - фортом.

Крепость Гродно. Проект постройки форта № IV 1913 г. РГВИА

К началу войны ни один из фортов Гродненской крепости не был готов и на 50%. На большинстве гродненских фортов были возведены лишь стрелковые брустверы и подбрюстевые галереи. Брустверы сооружались «секционным» методом и нигде закончены не были. Не успели построить ни кофров (на некоторых фортах прослежены начальные работы по их сооружению), ни полукапониров, ни тем более потерн, контрминых галерей и горжевых казарм. Кроме больших фортов, были построены и несколько так называемых «малых фортов» в составе 1, 3, 4, 5 фортовых групп.

3 июля 1914 г. в крепости было объявлено военное положение, а с 1 августа - осадное [145, л. 11]. Однако работы по строительству и усилению позиций не останавливались почти до эвакуации 20 августа 1915 г. Перед отступлением российских войск из Гродно поступил приказ взорвать все укрепления крепостной позиции, что и было сделано с разной степенью старательности и успешности. Не успели уничтожить только форт IV (около д. Стрельчики) [146, л. 14-19 об.; 207, с-115-117].

Крепость Гродно. Разрушенный форт. Открытка 1916 г.
Из коллекции Ф. Ворошильского

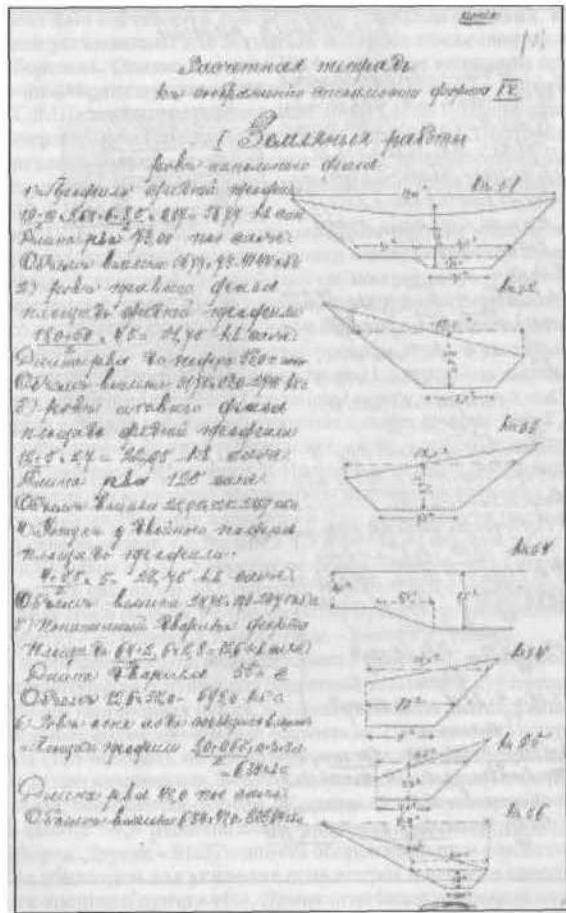

Крепость Гродно. Разрушенный форт. Фото 1915 г.
Из коллекции Ф. Ворошильского

Проведенные исследования позволяют восстановить этапы создания и использования наиболее интересного объекта гродненской крепости - форта IV.

По первоначальному проекту Гродненской крепости, представленному в Главное инженерное управление 7 января 1912 г., форт возле д. Стрельчики должен был получить номер XVI. По окончательно же утвержденному плану в августе 1912 г. этот форт стал четвертым в общей нумерации, поскольку количество фортов уменьшилось до 13 и изменился порядок нумерации.

Проект форта IV был утвержден по журналу в комитете Главного инженерного управления от 14-го января 1913 г. за №4 (секретно), при этом принята к сведению первоначальная смета строительства в 1 042 000 рублей. Автором проекта был военный инженер штабс-капитан Георгий Леонидович Шмагайлов.

Крепость Гродно. Расчетная тетрадь строительства форта IV. РГВИА

Крепость Гродно. Расчетная тетрадь строительства форта IV. РГВИА

Проект был составлен в соответствии с новыми нормами, которые были установлены для бетонных построек после опытов на острове Березань. Однако в начале 1914 г. военные инженеры крепостного инженерного управления подполковник Корыгин и штабс-капитан П.Л.Шмагайлов пересоставили проект, и он был представлен на утверждение в Главное инженерное управление. Постройку предполагалось произвести из асфальтований, предусмотренных п. 17 плана распределения кредитов по работам и годам на четырехлетие 1912-1915 гг.

Форт IV располагался на юго-западном фронте крепости в центре группы, находящейся у д. Стрельники между Осовецким шоссе и Сувалковской железной дорогой (сейчас не существует). Высота 94,8, занимаемая фортом, имела важное значение для обороны юго-западного и южного фронтов, так как с вершины открывался вид в тыл и большую часть подступов к этим фронтам, город и часть тыла восточного фронта. Форт IV был вынесен на 11,5 версты от мостов и соединялся с центром крепости Осовецким шоссе.

Справа от форта находились опорные пункты групп № 6, 7, 8; в тылу - укрепление фронга р. Припять, слева - опорные пункты № 9, 10, 11, линерный «И» и форт V. На север и запад от форта местность открывая, на юго-запад расположен ряд господствующих над местностью высот. Позиции артиллерии противника могли расположиться на северо-западе у д. Рогачи в 4,5 верстах от форта и на юго-западе у д. Кулевцы в 3,5 - 5 верстах от форта. Охват форта батареями противника составлял 142 градуса. Вероятнейшее направление постепенной атаки на форт IV (по удобству путей подвоза и условий местности) - из района д. Хворостыны - высота Дубница.

На вооружение форта, в соответствии с проектом, требовалось:
1) 6 противотурмовых пушек для барбетной установки; 2) 8 пулеметов;
3) 6 57-мм капонирных пушек для фланкирования рвов. Гарнизон
форта в военное время должен был состоять из 271 человека: попуты-
пеухи (125 человек), 48 артиллеристов при противотурмовых
пушках и 24 при капонирных, 24 пулеметчика и 50 саперов и минеров.

Высота, занимаемая фортом IV, состояла из двух вершин. На главной высоте 94,8 располагалась основная фортификационная позиция, редонд форта. Другая - 91,3 7 — занята оборонительным гласисом с бетонным убежищем для усиления огня вперед и влево, в сторону линейного опорного пункта «И». Линия огня везде следовала изгибам местности. Рвы планировались только на напольном и боковых фасадах, горж имела открытую оборону. Линия огня возвышалась над местным горизонтом на 1-2 сажени.

Согласно предложенному плану, казематированные постройки форта должны были состоять из: 1) галерей-убежища для дежурной части шириной и высотой 9 футов, расположенной по обе стороны центрального сквозника; 2) подбрустверной галереи сообщения шириной 5 футов и двух тупиков с отхожими местами при них; 3) двух погребков для патронов противотурмовых пушек, расположенных под барбетами в плачевых углах; 4) галерей-убежища для гарнизона, на боковых фасах, шириной и высотой 9 футов; 5) двух казематированных траверсов со сквозниками в горже. Все постройки, перечисленные в пунктах 1-3, были реально построены в 1913 году. В пояснительной записке к проекту почему-то ничего не говорится про кофры, хотя на эскизном плане имеется правый двойной и левый одиночный. Общее начертание планируемого форта — пятиугольник [141, л. 47].

Для отдыха гарнизона и сохранения его сил до конца осады и благоприятные местные условия заставили «прибегнуть к пещерным постройкам».

В проекте указывалось, что: «закрытое сообщение гарнизона, расположенного в подбрустверных галереях с тылом форта возможно только по пещерным потернам, так как в противном случае пришлось бы разрыть всю гору. Расширением и повышением участков пещерных потерн получается пещерное убежище — казарма, дающая возможность гарнизону спокойно отдохнуть. Над сводом казармы 8-9 саженей песчаного с камнем и гравием грунта; конструкция казармы близко подходит к типу Владивостокских погребов. Казарма имеет сообщение: 1) с горжевым казематированным входом в форт, 2) с убежищем для дежурной части, 3) с двумя горжевыми казематированными траверсами. Пользуясь десятисаженным массивом горы как траверсом, в горже расположен казематированный вход в форт и при нем артезианский колодец, кухня, отхожее место, электрическая станция.

Напольный и боковые фасы охвачены рвами с эскарповой железнодорожной решеткой. Глубина рвов от гребня гласила до подошвы контрэскарпа на напольном фасе 4 сажени, на боковых от 3 до 4 саженей, в зависимости от уклона местности. Ширина рвов б саженей. Контрэскарп бетонный. Рвы flankируются из кофров за контрэскарпом.

Горжа рва не имеет и охвачена железной решеткой и проволочной сеткой. Весь форт охвачен одни рядом проволочной сети на деревесных насадках, грутовым препятствием, сетью на железных кольях» [141, л. 29-29 об.].

Крепость Гродно. Броневой наблюдательный пост Голенкина
Для наблюдения предназначались три броневых поста, по одному на каждом фасе.

Фото С.Пивоварчика

Подбрустверные галереи, убежища и кофры предполагалось отапливать чугунными печами, пещерные помещения - гретьм воздухом совместно с вентиляцией. В казематированном входе в форт планировался артезианский колодец с насосом, откуда вода разводилась во все помещения. Освещение и вентиляция всех помещений - электрические.

Стоимость работ первой и второй очереди по постройке форта исчислялась по данному проекту в 2 215 000 рублей.

В первую очередь предполагалось произвести «все работы за исключением:

- 1) части дальних планировок,
- 2) эскарповой железнодорожной решетки,
- 3) контрэскарпов боковых фасов,
- 4) устройства электрических лифтов,
- 5) пещерной казармы,
- 6) пещерных потерн.

Всего на сумму 1 568 000 рублей.

Для постройки форта на работы первой очереди имеются ассигнования в сумме 1 568 000 рублей. На работы второй очереди по новым нормам - 647 000 рублей» [141, л. 30].

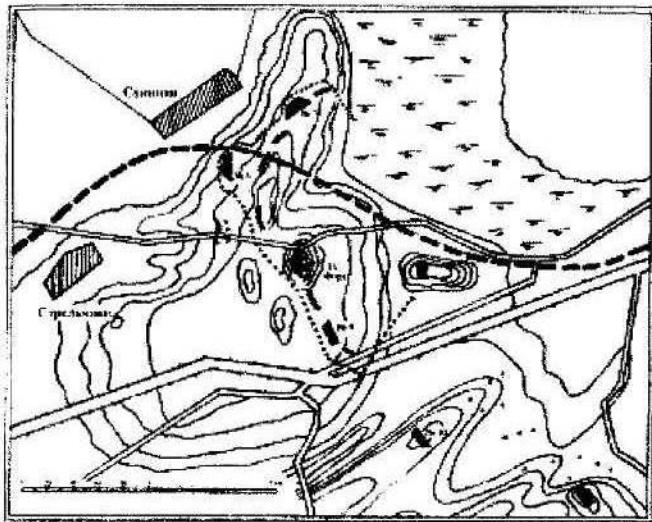
В записке Совещательного технического комитета от 11 марта 1914 г. за подписью генерал-майора В.В.Малкова-Панина отмечалось, что вновь представленный проект отличается от утвержденного Инженерным комитетом в январе 1913 г. «главным образом только направлением рва левого фаса, который подан вперед и прикрывает собой находящуюся на левом фланге форта пехотную позицию» [138, л. 33].

При рассмотрении было решено внести в этот проект следующие изменения:

1) устроить на левом фланге дополнительную линию искусственных препятствий; 2) подвинуть вперед барбеты на фланках, чтобы выходы из сквозников были свободными; 3) ров правого фаса продолжить в тыл форта; 4) в горже дать продольную оборону линии искусственных препятствий, для чего горжевую постройку подать назад и устроить при ней капонир на 4 орудия.

Также было решено не делать участок левой пехотной позиции, обращенной в сторону форта. Проектированную фронтальную оборону рва левого фаса смежной позиции заменить казематированной, для чего довести ров до нормальной глубины и устроить одиничный кофр. Центральную потерну от дежурной части к контрэскарпу разрешить устроить тоннельным способом, а вопрос о пещерном убежище и центральной потерне в тылу форта отложить до выяснения удобства и экономичности тоннельного способа работ. Лестничных клеток в горжевых казематированных траверсах не делать. Вследствие необходимости возвести во вторую очередь второй левый одиничный кофр и углубить ров общая стоимость форта должна быть возрасти до 2 300 000 рублей. Представленный проект был утвержден, за исключением «центральной потерны в горже и горжевой постройки, проекты которых по выяснении возможности тоннельных работ, должны быть представлены вновь на утверждение» [138, л. 37].

Для строительства крепостных сооружений были созданы 14 участков. Кроме четвертого форта, в район участка IV вошли номерные опорные пункты 6, 7, 8, 10, литерный «И», временная группа у деревни Рогачи, оборонительные гласисы, погреба, ветка шоссе. Производителем работ на этом участке был назначен автор проекта военный инженер штабс-капитан Г.Л.Шмагайлов [139, л. 309].

Крепость Гродно. Схема фортовой группы IV

Изучив местность на участке, штабс-капитан предложил еще устройство плотины и запруды на безымянном ручье, который протекал на правом фланге участка. Плотину предполагалось сделать из земли, получаемой на опорных пунктах 7 и 8 при планировке отрогов, закрывающих обстрел с этих пунктов. Техническое решение предполагалось следующее — со стороны воды поверх земляной насыпи укладывается водонепроницаемая перемычка (гюфяк) из глины толщиной до метра. Поверхность перемычки вымачивалась камнем на мху против размывания откоса. Поверхность плотины имела ширину 3 метра, что было достаточно для проезда. Как считал штабс-капитан, «запруда эта имеет большое оборонительное значение, т.к. обеспечивает от атаки открытой силой почти весь правый фланг группы и обеспечивает от оквата с тыла передовой опорный пункт 8». Стоимость плотины с водопроявником была около 4,5 тысячи рублей, но устройством плотины одновременно достигались планировка местности перед опорными пунктами

тами 7 и 8 и хорошее обеспечение защиты от штурма правого фланга группы. Постройку плотины предполагалось сделать до весны 1914 г., пользуясь низким уровнем грунтовых вод и сравнительной дешевизной рабочих рук [139, л. 290-297].

На начало 1914 г. на четвертом участке работали 16 штатных служащих и 96 вольнонаемных. Согласно отчету за 1913 г. работы велись по форту IV, опорным пунктом литерному «И», 1, 8, пороховому погребу. При этом ассигновано на строительство форта было 436744 руб. 32 коп., использовано - 427597 руб. 12 коп., опорный пункт «И» соответственно 463 руб. 90 коп. и 371 руб. 90 коп., опорный пункт 7 - 23000 руб. и 14568 руб. 42 коп., опорный пункт 8 - 22390 руб. 66 коп. и 14049 руб. и пороховой погреб у форта - сумма ассигнований не указана, а использовано было 27540 руб. 91 коп. [139, л. 161].

Создание форта проходило в несколько этапов. Сначала его размечали на местности, завозили материалы и оборудование, строили для них навесы и временные сараи. Неподалеку от места работ собирали бараки из деревянных щитов и казармы для сезонных рабочих. Для каждого строительного участка строили деревянный дом (5 комнат с кухней и ванной) для производителя работ; различные хозяйствственные постройки (конюшня). Затем на месте будущего форта начинали копать траншею для подбрустверной галереи, одновременно оборудовался источник воды, строились временный бетонный завод и электрическая станция. Затем начинались бетонные работы. Работы проводились день и ночь, при помощи трех смен гражданских рабочих, как местных, так и специально приехавших по вербовке из различных регионов Российской империи. Руководили работами военные инженеры. На работах широко применялись различные механизмы. По словам одного из участников строительства форта, вся работа на строительстве была похожа на завод, где функционирование всех его составляющих было досконально скоординировано, а всем движением управляла одна сильная рука [206, с. 67-68].

На участках старались соблюдать строгую дисциплину. За порядком и за соблюдением секретности при производстве работ следили чины Гродненской крепостной жандармской команды (начальник Гродненской крепостной жандармской команды - ротмистр А.Ф.Графтио). Следует отметить, что на участке случались различные происшествия - от несчастных случаев при производстве работ до избиения местным населением служащих участков. Так, например, в д.Стрельчики летом 1914 г. были жестоко избиты табельщик участка Матиевич и садовник Садовников. Инцидент произошел на свадьбе машиниста участка Коновалова. Крестьяне деревни, будучи недо-

вольными налагаемыми штрафами, окружили дом, в котором гуляла свадьба, и стали колами избивать Матиевича. Когда он упал и притворился мертвым, крестьяне с криками «*Одну фортовую собаку убили, жаль, что нет Рачинского* (второго табельщика), *бей остальных!*» погнались за садовником и другими служащими. Крестьяне, думая, что убили Матиевича, договорились утверждать, что тот хотел поджечь деревню. Жандармский унтер-офицер, который проводил расследование, написал в рапорте: «*Крестьяне деревень Санники и Стрельчики отличаясь крайней ленностью и пьянством, грозили убить служащих четвертого участка за штрафы и аресты за кражу имущества и материалов на участке. Пристав Вильк не реагировал на жалобы служащих, составил один раз протокол, по которому волостной суд вынесил 50 копеек штрафа*» [139, л. 266].

Архивные материалы и полевые исследования показывают, что в Гродно, как и при строительстве некоторых других крепостей (Владивосток, Новогеоргиевск), были реализованы идеи профессоров Н.А.Буйницкого и А.В.фон Шварца о постепенном возведении фортов и придании им боевой силы на начальном этапе строительства [9, с. 106-107]. В Гродно, как и во Владивостоке, в первую очередь возводились брустверы, выкалывались рвы и насыпались валы, а до строительства кофров и казематированных казарм дело не дошло вообще. В данном случае в первую очередь обращали внимание на элементы форта, которые обеспечивали его устойчивость в ближнем бою. Именно такая ситуация наблюдается на форте IV Гродненской крепости.

Сохранились воспоминания Яна Ястржембского, который в качестве слушателя Николаевской инженерной академии прибыл в Гродно в 1914 г. на инженерно-строительную практику. Тут его засстили война и эвакуация гарнизона. Во время прохождения практики ему пришлось работать на нескольких фортах крепости, в том числе и на четвертом. Вот как он описывает состояние работ на четвертом форте во время объявления крепости на военном положении 13 июля 1914 г.: «*Форт №IV принадлежал к фортам, если можно так сказать, репрезентативным. Всегда, когда кто-нибудь из высшей власти приезжал в Гродно, чтобы ознакомиться с ходом крепостных работ, прежде всего показывали ему форт IV. Посетил его даже царь (царь Николай II посетил этот форт во время своего пребывания в Гродно 2 ноября (по старому стилю) 1914 г.*» [84, л. 34, 96].

Меня было решено использовать как сапера, доверив планировку и строительство препятствий на склонах возвышенности, на которой находился форт, а также оборудование линии огня.

Необходимо отметить, что эта линия по всей длине включала бетонный стрелковый бруствер. Он одновременно являлся сводом расположенного ниже убежища, которое на этом форте было закончено. Устанавливали в бетоне стальные щиты российского типа между мешками с землей, которые служили для маскировки и поддержки щитов. Также в дальнейшем выполняли земляные работы -насыпал валы на флангах и горже форта и углублял фронтальный и фланговый рвы. Горжевого рва не было, как и не было обороны рвов. Разворачивать бетонные работы на этом форте опасались по причине очень выдвинутого положения (11 км от переправ). Поэтому было решено по центру фронтального рва построить блиндаж: из так называемого «полевого бетона», это значит из камней с цементным заполнением. Блиндаж не был связан с фортами подземным сообщением. Для фланкировки рвов должны были служить открытые стрелковые позиции. С целью усиления и увеличения мощности препятствий в некоторых местах перед четвертым фортом («на мертвых полях»), а также и перед соседним опорным пунктом (№ 8), я заложил трижды мин и фугасов с камнями. Центральное управление минами находилось в форте, при необходимости мины можно было взрывать по очереди, рядами. Я использовал электрические взрыватели системы Дрейера. Работы мои врачи офицера-сапера не были ограничены только четвертым фортом. Этот форт являлся главным опорным пунктом целой группы объектов, куда входили опорные пункты «И», №7,8,9, 10 и полевые позиции на междуполье. Характер всех работ был всегда один и тот же» [206, с. 70-72].

Крепость Гродно. Полевые укрепления. Открытка 1916 г. Из коллекции Ф. Ворошильского

Бои за крепость Гродно начались в августе 1915 г. Необходимо отметить, что в ночь на 6 августа 1915 г. в штаб 10-й армии и коменданту крепости поступила телефонограмма главнокомандующего Северо-Западным фронтом, в которой говорилось: «...крепость Гродно считать укрепленной позицией на фронте Неман - Гродно - Брест, причем приказано приступить немедленно к эвакуации крепостных запасов и имущества» [147, л. 23]. Фактически с этого времени крепость Гродно была низведена до обычной фронтовой «укрепленной позиции» и теоретически как крепость перестала существовать.

Крепость Гродно. Российские войска направляются на крепостные позиции. Открытка 1915 г. Из коллекции С. Пивоварчика

В связи с осложнившейся обстановкой на фронте части 10-й армии, прикрывавшие крепость, были сдвинуты северо-восточнее Гродно. Согласно распоряжения главнокомандующего Северо-Западным фронтом в 12 часов ночи 10 августа крепость Гродно перешла в подчинение 1-й армии, которой командовал генерал А.И.Литвинов. 12 августа в адрес коменданта крепости и командующих корпусов из штаба армии поступила телеграмма с приказанием «в случае очищения левого берега Немана произвести уничтожение всех оборонительных сооружений левобережного крепостного обвода» [147, л. 50-57]. Левобережный обвод включал в себя 9 больших фортов, 4 маленьких форта и большинство опорных пунктов. Одновременно было приказано «Гродно оборонять упорно!».

16 августа в непосредственное подчинение коменданта крепости М.Н.Кайгородова были переданы два корпуса 1 армии. Сводный Осовецкий корпус в составе двух пехотных дивизий (57 и 111) и 1-й армейский корпус также в составе двух пехотных дивизий (22 и 24). На флангах Гродно прикрывали части еще четырех корпусов под командованием генералов Артемьева, Баланина, Евреннова и Короткевича. В этот же день последовал приказ обоим корпусам оставить занимаемые позиции и занять оборону на крепостном обводе. Оборону от д. Тричи до форта IV (включая полевые опорные пункты) заняла 24-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Полянского в составе 4,5 тыс. штыков и приданных дивизии 118, 119, 120, 239-й дружин государственного ополчения. Соседями справа и слева были 57 и 22-я пехотные дивизии [89, с. 217].

17 августа началось наступление немцев на фронте 1-го армейского корпуса. В ходе жестокого боя сторожевое охранение русских отступило. На следующий день утром, развернув одну дивизию в направлении деревень Рогачи, Беляны, Кустинцы, немцы в трехчасовом бою завладели рогачевскими позициями. Как оказалось, они были ключевыми в обороне четвертого форта. Немцы приобрели исключительно выгодный рубеж для артиллерийского обстрела всего тыла крепостного обвода на данном направлении. Российское командование недооценивало значение позиций под Рогачами. Командующий 1-м армейским корпусом генерал-лейтенант А.А.Душкевич отмечал: «Фланкирование соседних долговременных участков с занятием немцами высот у Рогачей не представлялось мне особенным опасным, так как укрепления групп 3 и 4 имеют сильные бетонированные постройки, и немцы в свою очередь поддаются под сосредоточенный огонь батарей западного фронта крепости» [147, л. 216].

Немцы без промедления установили тяжелые артиллерийские батареи у деревни Хворостяны, возле железнодорожной станции Беляны (на дороге Гродно - Сувалки), на Рогачевских позициях и под непрерывным обстрелом повели наступление на 88,95 и 96 полки, оборонявшие IV форт и подступы к пятому. После каждой отбитой атаки артобстрел усиливался. 19 августа после полудня немцы овладели опорным пунктом №8, а затем и опорными пунктами №6 и №7. В результате контратаки 88-го полка и батальона 94-го полков опорный пункт №6 был отбит. Однако это был временный успех.

Гарнизон IV форта, состоявший из двух рот ополченцев, понес невосполнимые потери. В 4 часа дня он насчитывал около 50 человек, были выведены из строя все пулеметы. Направленные на усиление гарнизона две роты были расстреляны артиллерией немцев. К фор-

ту пробились не более 60 человек. В 5 часов 30 минут немцы предприняли новый штурм IV форта, но были отбиты. После обстрела позиций шрапNELЬЮ и фугасами, число защитников сократилось до 30 солдат во главе с командиром батальона 95 полка капитаном Нар-кевичем. Было решено взорвать форт и отойти к городу. Капитан-инженер Десницкий, который руководил работами по укреплению форта в последние месяцы (штабс-капитан Г.Л.Шмагайлов был назначен помощником Строителя крепости), вспоминал об этих событиях следующее: «На форте 4 подорвать ничего не могли, т.к. шнурья были у подрывников отняты нижними чинами. Пороховой погреб не подорван, потому что был занят немцами раньше, чем мы вышли из форта. Общие выводы после 2 дней обстрела форта с технической точки зрения таковы: от снарядов бетон не пробивался. Воронка получалась диаметром около 0,30 саженя и глубиной до 2 дюймов. Всего за второй день по бетону было до 500 попаданий» [148, л. 46]. По утверждению инженера, в помещениях форта находились до 150 раненых солдат, которых не смогли отправить в тыл. Среди защитников форта началась паника, солдаты бросали и

Крепость Гродно. Захваченный германскими войсками форт IV.
Из коллекции С.Пивоварчика

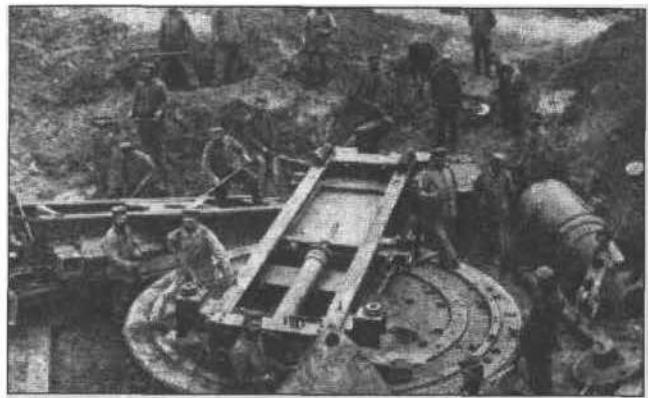
123

топтали ногами свое оружие. Немцы поднялись на последний штурм и форт был захвачен целый. Из форта вырвались лишь 7 человек, среди которых были капитаны Наркевич и Десницкий.

Военный инженер Я. Ястржембский, руководивший в это же время организацией уничтожения VIII и IX фортов, так характеризовал ситуацию на четвертом форте: «2 сентября (по новому стилю) немцы начали бомбардировать форт IV. В форте находились ополченцы. Как позже я узнал со слов одного из очевидцев событий, немцы просто залывали форт снарядами разного калибра, однако не более 210 мм. Снаряды попадали в бетонное убежище, не причиняя ему никакого вреда. Находившиеся в нем ополченцы даже не чувствовали ударов снарядов. В то же время на линии огня нельзя было удержаться. Только наблюдатель в броневом колоколе (броневой пост конструкции военного инженера Ф.И.Галенкина, разработанный в 1910 г. — С.П.) спас форт от внезапной атаки. Однако через некоторое время этот наблюдатель через незакрытую щель был убит. Благодаря тому, что двери, а точней, лазу пола, открывались вовнутрь поста, тело убитого забаррикадировало вход, и лаз нельзя было открыть. Поэтому форт потерял единственную возможность предупреждения нападения.

Четвертый форт также было приказано взорвать. Подготовку с этой целью проводил капитан С (Я. Ястржембский не называет фамилии — С.П.). После получения приказа на подрыв форта, капитан С. под сильным огнем немецкой артиллерии прибыл в форт с целью сообщить командиру о своей задаче и выводе ополченцев из убежища. Однако он встретил категорический отказ выполнить приказ. Никто не хотел выходить из безопасного места на территорию, интенсивно обстреливаемую артиллерией противника: «Лучше попасть в плен, чем нарываться на неминуемую смерть».

Произошло то, чего противники фортификации так опасались. Бетон якобы убил чувство долга и породил трусость. Не рассуждая долго над этим тезисом, можно сказать следующее — бетон в данном случае был могилой для людей уже морально мертвых. Всякие угрозы капитана С. не помогли. Он был вынужден выйти из форта с намерением взорвать его вместе с людьми. План, однако, этот не удался, поскольку «героям»-защитникам удалось перерезать все шнуры к взрывателям. В ночь со 2 на 3 сентября гарнизон форта был взят в плен, а форт стоит целый до сегодняшних дней [207, с. 118]. Взорвав форты (были взорваны все, за исключением четвертого, а также 14 опорных пунктов, 6 пороховых погребов, 48 комплектов водокачек и различные механические установки на крепостном обводе [147, л. 251 -252]), российские войска отошли от Гродно.

Крепость Гродно. Захваченные германскими войсками крепостные артиллерийские позиции. Открытка 1915 г. Из коллекции Ф.Ворошильского

Крепость Гродно. Захваченные германскими войсками крепостные артиллерийские позиции. Открытка 1915 г. Из коллекции Ф.Ворошильского

Открытка в честь взятия крепости
Гродно германскими войсками в
1915 г. Из коллекции
Ф. Ворошильского

В очерке «Wie Grodno deutsch wurde» («Как Гродно стал немецким городом» - опубликован в 1916 г.) утверждалось, что четвертый форт был взят 3-м Ландверным (гольштейнским) пехотным полком в 3 часа 30 минут 1 сентября. Следующее укрепление «форт № 1 (известное как «малый форт») — тоже был взят, 3 офицера, 679 солдат убитых и 3 пулемета были итогом этого дня» [238, с.30-34]. Про пленных ничего в очерке не говорилось.

Этими событиями история гродненской фортификации не закончилась. В докладе комиссии по обследованию крепостей Гродно и Осовец по положению на 16 октября 1939 г. (он был составлен для Военного Совета советской 11 армии) отмечалось, что остатки крепости приспособлены поляками к обороне. Комиссия рекомендовала также

продолжить работы по приготовлению крепости к обороне путем до усиления [180, л. 1-4]. В этом же документе приводится общее количество объектов Гродненской крепости, которые удалось выявить комиссией - 118. Среди них как сооружения первой мировой войны, так и построенные поляками и, возможно, немцами - площадки для зенитных орудий, одно- и четырехамбразурные ДОТы, бетонные блокады, бетонные резервуары для воды. Рекомендации были учтены при разработке проекта военно-инженерного укрепления новой советско-германской границы. В 1940-1941 гг. в Западном особом военном округе строились четыре укрепленных района, в том числе - 68-й Гродненский, в состав которого должны были войти сооружения Гродненской крепости (тыловая линия). С гродненскими фортами связаны и трагические события Великой Отечественной войны - уничтожение нацистами мирных жителей в форте II и попытка удержания советскими войсками в июле 1944 г. плацдарма в районе форта I.

Таким образом, в развитии гродненской фортификации в XIX - 1-й пол. XX в. можно выделить четыре этапа - разработанные, но не реализованные проекты первой трети XIX в.; создание укрепленной позиции временного характера в конце 80-х - начале 90 гг. XIX в.; строительство (не законченное) новой современной фортификационной крепости широкого размещения в 1912 - 1915 гг.; а также попытки приспособления польским и советским военным руководством остатков фортификационных сооружений в новой военно-политической ситуации 20-х - начала 40-х гг. XX в. Первые три этапа соответствовали общей политике России в XIX — нач. XX вв., военной стратегии и тактике того времени, уровню развития российской и европейской военно-инженерной науки. Исторически получилось так, что решение о строительстве крепости в Гродно было принято российскими властями незадолго до начала первой мировой войны и развали Государства. Поэтому Гродненская крепость стала последней крепостью Российской империи.

ГЛАВА III

БССР В СИСТЕМЕ ФОРТИФИКАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ СССР (1928 - 1941)

Фортifikационное строительство в Белорусском военном округе (1928 - 1939)

После заключения Рижского договора 1921 г. белорусские земли были разделены между Советским Союзом и Польшей, которые в стратегических планах рассматривались как противники в вероятном конфликте. На территории Белорусской Советской Социалистической Республики был создан военный округ, название и границы которого менялись в зависимости от военно-политической ситуации: Минский, Западный, Белорусский, Белорусский особый, Западный фронт, Западный особый.

Фортifikационное укрепление территории и охрана границы была одной из важных задач каждого государства. В разные времена пограничные укрепления, не меняя своего содержания, принимали различные формы. Первая мировая война показала, что крепости в прежнем понимании с их круговыми и малой глубины позициями как фортификационная форма потеряли свое значение. Из опыта первой мировой и гражданской войн вытекало, что лучшей формой военно-инженерной подготовки пограничной полосы является система укрепленных районов (УРов), которые прикрывают важнейшие операционные направления, ведущие в глубину страны. В 20-е гг. в печати многих стран среди заинтересованных кругов прошло широкое обсуждение этой новой фортификационной формы. В результате во многих европейских странах в 20-е - 30-е гг. ХХ в. были приняты решения о введении на своих границах системы укрепленных районов. Наиболее известные - во Франции так называемая «Линия Мажино», в Финляндии - «Линия Маннергейма», в Греции - «Линия Метаксаса». Строили свои пограничные укрепления нового типа Бельгия, Голландия, Германия, Югославия, Чехословакия, Польша [224]. Под укрепленными районами понимали рубежи, подготовленные с широким использованием инженерных и технических средств борьбы, прикрывающие важные в политическом, стратегическом и экономическом отношении районы и направления, в них выводящие [189, с. 249].

Проблема фортификационного укрепления границ СССР была тесно связана с проблемой «начального периода войны». Из опыта

первой мировой войны считалось, что этот период будет охватывать промежуток времени от объявления войны до завершения развертывания и начала решающих операций главных сил враждующих сторон. В 20-е - 30-е гг. советские военные теоретики и военачальники (М.Н.Тухачевский, Б.М.Шапошников, А.И.Егоров, А.А.Свечин, Я.А.Шиловский и ряд других) в своих работах рассматривали различные аспекты начального этапа войны. Они пришли к выводу, что главное в начальном периоде - надежно задержать агрессора в приграничных районах, чтобы иметь время провести мобилизацию и развернуть войска. Для этого предлагалась целая система мероприятий военного и организационного характера, наиболее важное из них масштабное строительство по линии государственной границы укрепленных районов [57, с. 225].

В штабе Красной Армии к разработке проблем фортификации границ советских республик приступили в начале 20-х гг., фактически сразу после окончания гражданской войны. Появился ряд теоретических разработок, которые стремились определить концептуальную направленность военно-инженерного обеспечения СССР в случае войны. В 1920 и 1922 гг. вышли труды военного инженера Г.Г.Невского «Вопросы заблаговременной подготовки страны в инженерном отношении» и «Опыт исследования современных форм заблаговременного укрепления». В соответствии с теорией Невского, оборона страны предполагалась в три взаимосвязанных эшелона: 1) передовой рубеж - 30 - 50 км, который объединял до 16 малых узлов; 2) «крепость» в составе 30 маленьких узлов на площади до 200 км; 3) на площади до 300 км и с гарнизоном до 2000 человек укрепления объединялись в укрепленные районы. Г.Невский в своих разработках придерживался генеральной линии, что все водимые для нужд армии долговременные фортификационные сооружения (или большинство из них) должны максимально приспособливаться в мирное время для нужд народного хозяйства. Это сделало бы процесс строительства и эксплуатации более дешевым и позволило бы надежно замаскировать фортификационный объект.

Система укрепленных районов, которые были направлены на круговую оборону и охватывали большой регион диаметром 80 - 100 км с гарнизоном до 100 тыс. человек, была разработана начальником Военно-инженерной академии Ф.И.Голенкиным. На расстоянии 100 - 200 км от главной планировалось строительство другой оборонительной линии, которая страховала первую в случае возможного прорыва. Идеи Ф.Голенкина и Г.Невского не получили практической реализации, однако они теоретически обо-

сновывали необходимость глубокоэшелонированной обороны страны [55, с. 125-127].

В 1926 г. с теорией строительства укрепленных районов выступил советский военный теоретик и историк А.А.Свечин. В своей капитальной работе «Эволюция военного искусства» он рассматривал УРы не только в качестве «зaborа», но и в качестве «ворот», которые позволяют в случае успешных тактических действий перейти от обороны к контраступление [15б, с. 787-789].

Известный советский военный инженер-фортификатор С.А.Хмельков, изучая боевое испольование укрепленных районов в годы гражданской войны, а также имея свой личный опыт обороны крепости Осовец, внес предложения по организации и устройству укрепленных районов. В монографии «Узлы сопротивления современных долговременных позиций» (1926) он рассмотрел схемы расположения передовой позиции, полос главного сопротивления и тыловой позиции, оборудованных долговременными и полевыми узлами сопротивления, промежуточными опорными пунктами. Для рассмотрения теоретических и практических рекомендаций профессора С.А.Хмелькова в 1927 г. под руководством начальника Оперативного управления Красной Армии было проведено совещание начальников инженеров округов и представителей центральных управлений. Участвовавшие в обсуждении вопроса постановили: основой фортификационной подготовки границ государства к войне считать не крепость, а укрепленный район с основным фортификационно-тактическим элементом - батальонным районом обороны (батрайон) [55, с. 249].

В 1931 г. С.А.Хмельков уточнил значение и задачи укрепленного района. Он несколько изменил первоначальный проект устройства позиций и полос, увеличил их размеры, усилил внутреннее фортификационное оборудование. Все это было им изложено в первой части капитального труда «Основы и формы долговременной фортификации». Из всех предложений советских фортификаторов по укрепленным районам схема С.А.Хмелькова наиболее полно отвечала взглядам военных деятелей на новую инженерную форму укрепления границ. Схема укрепленного района отличалась законченностью, доведенной до полной ясности, особенно в фортификационном отношении. Она явилась первой теоретической разработкой, которая наиболее полно охватывала вопросы устройства нового элемента фортификационной подготовки местности. Именно благодаря этим разработкам в СССР с конца 20-х гг. осуществлялось возведение укрепленных районов.

В 1937 г. был издан новый труд С. А. Хмелькова [178]. В работе даны формулы для расчёта сопротивляемости стен и покрытий артиллерийским снарядам, приведены перечни необходимого оборудования и рекомендации по его размещению, предложены оптимальные размеры боевых казематов. К этому времени в СССР выработалась система взглядов на конструкцию сухопутных фортификационных сооружений. С 1938 г. происходит переход к строительству дотов по типовым проектам и отказ от чрезмерной экономии. Основным типом долговременных фортификационных сооружений становятся пулемётные и орудийные попукаканыры (сооружения флангового огня). С этого времени началось и более широкое применение брони, хотя по количеству броневых элементов советские долговременные сооружения сильно уступали западноевропейским аналогам.

Внес свой вклад в разработку военно-инженерной обороны границ и Д.М.Карбышев. Он участвовал в подготовке планов долговременной фортификации в приграничной полосе, поднял вопрос о создании в ней труднопреодолимых для агрессора зон и рубежей, предложил разработанный им проект типовой долговременной огневой точки (ДОТа) [105, с. 199]. Много внимания уделил Д.М.Карбышев опыту создания укрепленных районов в иностранных государствах, вероятных противниках СССР [65].

Фортификационное строительство в Белорусском военном округе было составной частью благовременной инженерной подготовки театра военных действий. Эта подготовка была связана с планами будущей войны, начало которой считалось в то время неизбежным. Еще в начале 20-х годов Штаб РККА разработал первый вариант плана ведения войны. Весной 1926 г. он был утвержден председателем Революционного Военного Совета СССР К.Е.Воропыловым. В соответствии с ним главным театром войны считался Западный, в границах которого выделялись шесть театров военных действий. Среди них - первый и второй польский [57, с. 247].

В 1928 г. в Штабе РККА был создан труд «Будущая война», в котором делалась попытка достаточно полно изложить основные черты будущей войны на западном направлении. В качестве основных противников рассматривались Польша и Румыния, учитывалась возможность присоединения к ним и других государств. В вопросе о вероятной продолжительности такой войны делался вывод о том, что Красная Армия в первый период войны не имеет превосходства сил, обеспечивающего молниеносное сокрушение сразу всех сил противников. Поэтому необходимо было считаться не только с возможностью, но и с неизбежностью операций с переменным

успехом, временным отказом от развития своего сокрушительного удара, направленного в жизненный центр страны. При этом допускалась возможность быстрой победы над Эстонией и Латвией в том случае, если они примут участие в войне. Обосновывалось это, главным образом, небольшой глубиной их территории и слабостью вооруженных сил. Против основного противника — Польши — такой вариант действий признавался несущественным. Положение Польши могло значительно улучшиться при условии получения широкой военной и экономической помощи со стороны Англии и Франции. Предполагалось, что общая продолжительность войны составит от полутора до трех лет при условии ее интенсивного ведения.

Вероятность относительно быстрой (б месяцев) победы над Польшей допускалась в случае создания решительного превосходства действующих против этой страны сил Красной Армии. Быстрое окончание войны также было возможно «при наличии крупных социально-политических потрясений» в государствах противостоящей коалиции. Однако авторы книги считали, что «*в 1928 - 1929 гг. и, пожалуй, на ближайшее пятилетие мы не будем располагать ни в военном, ни в политическом отношении достаточными предпосылками для обеспечения такой стратегии молниеносного сокрушения*». На основе оценки соотношения сил и прогнозируемого хода войны делался вывод: «*Строительство Красной Армии и подготовка к войне экономики СССР должны исходить из перспективы длительной войны. Советский Союз должен быть подготовлен к ведению продолжительной войны еще и ввиду того, что не исключена возможность при разгроме вооруженных сил наших западных соседей столкнуться с вооруженными силами некоторых западноевропейских великих держав*» [76].

В начале 30-х г. был разработан мобилизационный план «МП-31». В соответствии с этим планом, кроме Западного, рассматривались и другие театры военных действий, но главным по-прежнему оставался Западный [57, с. 248]. Это значит, что территория Беларуси рассматривалась как одна из главных арен предстоящих военных действий.

Одной из ключевых проблем планирования начального периода для советских военных было прикрытие мобилизации и обеспечение оперативного развертывания главных сил. Главным недостатком в системе развертывания РККА являлась ограниченная пропускная способность транспортной сети (прежде всего железнодорожной), приводившая к значительному увеличению сроков сосредоточения войск в приграничных районах [69, с. 33-34].

В соответствии с мнением штаба, чтобы удержать в своих руках до окончания оперативного развертывания целый ряд важных районов, было необходимо «*заблаговременно их укрепить средствами долговременной фортификации и содержанием в мирное время тех войсковых частей, которые должны принять на себя оборону этих районов*» [119, л. 39].

В начале 1927 г. начальник Штаба РККА М.Н.Тухачевский предложил строительство широкой сети укрепрайонов в возможно короткие сроки, иначе под угрозой оказывалась весь план войны [69, с. 34]. В это же время были проведены рекогносцировки в округах, и осенью началось строительство отдельных огневых точек в Карельском УРе. Началась организационная работа по подготовке оборонного строительства в Белорусском и Украинском военных округах.

Общее руководство оборонительными работами было возложено на специально созданный для этого Комитет по инженерной подготовке театров военных действий. Положение о Комитете было утверждено 2 ноября 1927 г. наркомом обороны. Председателем Комитета являлся начальник Штаба РККА, а членами: начальник управления снабжения (УС) РККА, начальник 1-го (оперативного) управления Штаба РККА, начальник 2-го управления Штаба РККА, инспектор инженеров РККА, инспектор артиллерии РККА, инспектор связи РККА, начальник Военно-строительного управления (ВСУ) УС РККА, начальник Артиллерийского управления (АУ) УС РККА, начальник Военно-химического управления (ВХУ) РККА, заместитель начальника Политического управления (ПУР) РККА.

Руководство строительством, разработка проектов сооружений, организационных к технологическим вопросам строительства были возложены на Военно-строительное управление Управления снабжения РККА (отдел строительства капитальных оборонительных сооружений) [119, л. 21-36].

В перспективном плане на 1927-1928 гг. предусматривалось начало работ по строительству Карельского укрепрайона (КаУР), прикрывавшего Ленинград со стороны Финляндии; Попоцкого района (ПоУР), который защищал важнейший железнодорожный узел на стыке между Польшей и Латвией и преправы через Западную Двину у Попоцка; Мозырского района (МоУР), запиравшего восточные выходы из Полесья и прикрывавшего пути на Гомель и Жлобин; Киевского района (КиУР) - как важнейшего политического центра на Украине и прикрывавшего переправы через Днепр в северной части правобережной Украины.

В документе отмечалось, что основанием для такого выбора было то, что «*первые три района находятся в такой близости от границы, что могут быть атакованы раньше, чем мы сможем подвезти к ним необходимые для их обороны силы*», а в удаленном от границы Киевском районе «*условия польского сосредоточения имеют такие преимущества перед нами, что боевые действия могут быть перенесены в район Киева раньше, чем мы там соберем достаточное количество сил*» [119, л. 39]. В мобилизационный период предполагалось также возведение Псковского и Лепельского Уров, с гарнизонами, сформированными в мирное время. Таким образом, на территории БВО планировались к постройке два из четырех Уров (Полоцкий и Мозырский).

В тезисах доклада ВСУ «О типе укрепрайона», который был представлен на заседании Комитета по инженерной подготовке театра военных действий в ноябре 1927 г. значение УРа определялось следующим образом: противник не может пройти мимо него, т. к. рискует потерять время на обход и получить удар от частей, опирающихся на УР, а атака УР требует много времени, так как невозможна без развертывания тяжелой артиллерии и сосредоточения крупных сил [119, л. 39].

Вследствие этого фронт УРа не должен допускать тактического окружения противником, должен быть достаточно широким, чтобы не простреливаться артиллериейским огнем с обоих флангов. Поэтому протяженность УРа по фронту должна была составить 35 - 50 км.

Для обороны укрепленного района необходим сильный пулеметный и артиллерийский огонь, рассредоточенный по фронту и в глубину. Средства долговременной фортификации должны были усиливать сопротивляемость огневых средств, дать им надежное прикрытие от огня тяжелой артиллерии противника. Вместе с другими мерами - расчистка обстрела, подготовка путей сообщения, сети наблюдательных пунктов (НП), сети связи - это могло обеспечивать длительную оборону.

Основной формой организации обороны укрепрайона было принято считать отдельные батальонные районы, находящиеся между собой в огневой связи. Главные огневые точки (ОТ), наблюдательные пункты и фланкирующие (расчитанные на фланговый огонь) орудия имеют бетонное или броневое покрытие. Для гарнизона заранее должны были возводиться необходимые убежища против огня тяжелой артиллерии и газов, а линии связи надежно скрыты (кабелированы). В мирное время необходимо производить расчистку сектора обстрела и готовить пути подвоза.

Площадь батареона для полевых войск составляла минимально 1x1 км, максимально 2x2 км. Долговременный батареон занимается одним стрелковым батальоном. Предполагалась возможность доведения его до 2,5x2,5 км, а на второстепенных направлениях до 3x3 км. Ротные районы при этих условиях могут иметь глубину по фронту 1 - 1,5 км.

Расположение огневых точек по фронту и в глубину должно обеспечиваться поддержкой друг друга огнем, а в случае разрушения одной - дальним огнем. Поэтому интервал не должен был превышать 800 м, а дистанция не более 500-600 м. Для одного батареона предполагалось возводить 18-20 точек, из них на переднем крае 7 - 8. Из расчета 3,5 пулемета на огневую точку это должно было дать по переднему краю огонь 10-12 пулеметов на 1 км, что обеспечивало плотность огня 6-7 пуль в минуту на погонный метр фронта. Это составляло довольно высокую плотность огня. Промежутки между батареонами должны обеспечиваться артиллерийским огнем, при этом они могут быть доведены до 2,5 - 3 км. На более широких интервалах на них надо возводить огневые точки, а в военное время — полевые укрепления.

Уровский гарнизон должен был состоять из полевых частей, специальных пулеметных и артиллерийских частей, подразделений саперов и связистов. Полевые части должны были в мирное время знакомиться со своим УР и проводить в нем тактические учения, а в военное - дополнить оборону своими огневыми средствами и проводить контратаки и контрудары.

Требования к пулеметным огневым точкам были следующие: круговой обстрел, защита против одного-двух попаданий 152-мм снаряда, газобужище на половину гарнизона. Отдельные точки могли иметь узкий сектор обстрела и выполнятся в виде полукалонионов.

Защита наблюдательных пунктов должна быть такой же как и в огневых точках, а также предусматривалась возможность наблюдения в бинокль и стереогорубку.

В отделе строительства оборонительных сооружений Военно-строительного управления РККА были разработаны положения и инструкции, в соответствии с которыми должны были производиться фортификационные работы. В первую очередь это такие документы, как «Основные положения об укрепленных районах» [113;119], «Общие эспланадные правила» [124], «Инструкция по оборонительным работам» [121], «Краткие технические указания по заглавовременной подготовке укрепленных районов» [117, л. 1-14], «Временная инструкция по приготовлению бетона для оборо-

нительных работ» [120], «Краткая инструкция по возведению оборонительных построек» [123, л. 530-560], «Инструкция по маскировке огневых точек» [122].

Кроме Военно-строительного управления, разработкой различных элементов вооружения и оборудования для УРОв занимались Артиллерийское управление, Военно-техническое управление, Военно-химическое управление.

Для руководства строительством отдельного укрепрайона формировалось Управление начальника военно-строительных работ (УНВСР). Согласно штатному расписанию в него входили 32 человека. Строительство делилось на участки и сектора. Возглавлял участок производитель работ, который одновременно являлся и начальником. Участок был самостоятельной единицей и соответствовал батальонному району. В сезон на участке планировалось возведение десяти сооружений.

Для хранения и снабжения участков стройматериалами и оборудованием устраивались склады. Центральные склады, а также, по возможности, секторные и участковые располагались на железнодорожных станциях или вблизи от них. При их отсутствии предлагалось прокладывать узкоколейки. Строяться узкоколейки должны были заблаговременно, в средней полосе — до наступления морозов, чтобы обеспечить завоз материалов к началу строительного сезона. Основная часть перевозок выполнялась гужевым транспортом, для чего нанимали местных крестьян с подводами. Строительный сезон приходился на лето и начало осени, окончание бетонных работ планировалось до наступления холодов. Необходимо отметить, что на практике технологические процессы часто нарушались, что приводило к снижению качества производимых работ.

Все работы на участке состояли из четырех этапов: подготовительный - рекогносировка, отчуждения, заготовка материалов, постройка складов и жилищ для рабочих, доставка материалов на участки и к местам работ; начальный - устройство бетонных заводов, рывье котлованов, подготовка арматуры, устройство каркасов; исполнительный - набивка железобетонных сооружений; отделочный - распалубка, обсыпка, дренаж, внутренняя отделка, монтаж боевого оборудования [121, л. 3].

Впоследствии было принято деление на циклы соответственно отдельным технологическим процессам, что давало возможность более рационально организовать работу. Такая структура строительных работ сохранилась на строительстве советских УРОв до Великой Отечественной войны.

Стоимость железобетонных ОТ оценивалась в 30 - 40 тыс. рублей, стоимость НП в 15 тыс. рублей, а стоимость батраиона с оборудованными ОТ и НП, а также тремя газобежищами для гарнизона - в 1 млн. рублей. Стоимость возведения всех УРОв оценивалась в этом случае в 40 млн. рублей, из которых 10 млн. планировалось потратить на Полоцкий и 9 млн. на Мозырский УРы в БВО. Кроме того, еще 400 тыс. требовалось на Лепельский УР, возводимый в мобилизационный период [119, л. 17, 44].

Однако в предложенном Штабом РККА пятилетнем плане строительства РККА на возведение всех УРОв было предусмотрено всего 17 млн. руб. Штаб РККА считал минимальный объем строительства огневых точек в количестве 7-8 на батраион для создания огневого барьера перед передним краем. В этом случае стоимость батраиона по расчету ВСУ уменьшалась до 180 - 400 тыс. рублей, однако и это не спасало положения - денег на строительство УРОв не хватало. Необходимо было или строить один УР по полной программе, или отказываться от этой программы вообще.

В ноябре 1927 г. вопрос финансирования строительства укрепрайонов рассмотрел Комитет по инженерной подготовке театров военных действий под председательством С.С.Каменева, но денег не нашел. Программа строительства укрепрайонов на европейском театре военных действий была доложена 11 января 1928 г. на заседании РВС Начальником Оперативного управления Штаба В.К.Триандафиловым. Он предложил приступить к постройке Карельского, Полоцкого, Мозырского и Киевского укрепрайонов. Выступившие в прениях члены РВС поддержали укрепление Карельского перешейка ввиду большого значения, которое играет Ленинград. А вот строительство трех других УРОв поддержал только С.С.Каменев: «Как со стороны экономической и политической точки зрения необходим Карельский укрепрайон (важное значение Ленинграда), так с оперативной точки зрения, особенно при наших затруднениях и в мобилизации и в сосредоточении, совершенно необходимы Полоцкий, Мозырский и Киевский укрепрайоны» [69, с. 35]. Остальные выступившие высказывали убеждение, что строительство УРОв потребует слишком больших материальных средств, тогда как укрепрайоны не являются эффективным средством борьбы.

М.Н.Тухачевский, оказавшись, несмотря на позицию Каменева, в одиночестве, настаивал на принятии всего плана строительства укрепрайонов в СССР. В результате этих споров высший военный орган постановил приступить к постройке Карельского укрепрайона с расчетом закончить все работы по этому району в двухго-

дичный срок, план и программу постройки Полоцкого, Мозырского и Киевского укрепрайонов представить на рассмотрение и утверждение наркома К.Е.Ворошилова. Однако, Распорядительное заседание Совета Труда и Обороны постановило, что подготовкой приграничных театров военных действий в Западном крае следует заняться немедленно. Это решение 19 апреля 1928 г. было утверждено Политбюро ЦК ВКП(б).

Из запрошенных новым начальником Штаба РККА Б.М.Шапошниковым в июне 1928 г. 40 млн. рублей на строительство укрепрайонов выделялось только 24 млн., по 6 млн. на каждый из УРОв. В связи с этим было сокращено возвведение части военно-инженерных сооружений. В конце 1929 г. начальник Штаба обратился к наркому с просьбой выделить еще 35 млн. рублей на строительство четырех укрепрайонов, но получил только 1 млн. на Карельский УР [124, л. 1].

Несмотря на недостаточное финансирование, с начала 1931 г. одним из приоритетов деятельности Революционного Военного Совета Союза ССР и Народного комиссариата по военным и морским делам стало создание пяти укрепленных районов на западной границе СССР. В апреле 1931 г. комиссия под руководством В.В.Куйбышева установила порядок выделения военному ведомству дополнительных ассигнований на оборонное строительство, обеспечения его рабочей силой, питанием и стройматериалами из резерва. В феврале 1932 г. было принято решение о дополнительном строительстве укрепрайонов, в том числе Минского на территории Белорусского военного округа [69, с. 174].

Необходимо отметить, что, кроме финансовых проблем, существовали трудности инженерно-технического характера - не были проведены опытные испытания огневых точек, не были еще разработаны и испытаны пулеметные станки, система охлаждения пулеметов, заслонки и герметизация амбразур, фильтровентиляционная система. Не была окончательно разработана теоретическая схема укрепленного района.

При строительстве первых укрепленных районов проявились характерные черты, присущие оборонительному строительству в СССР в целом. Недостаточность финансирования вынуждала экономить, как казалось, на второстепенных элементах. Строительство начиналось при отсутствии окончательного оперативного инженерного решения по укрепрайону и без утвержденного генерального плана. Долговременные сооружения проектировались при отсутствии окончательных решений по вооружению, фильтровентиля-

ционному и другому техническому оборудованию. Перископы, фильтры, вентиляторы (кроме опытных образцов) устанавливались в сооружениях с опозданием до нескольких лет. Генерал П.Г.Григоренко (участвовал в строительстве Минского УРа в 1933 г.) вспоминал, что при проектировании типовых оборонительных сооружений не была предусмотрена фильтро-вентиляционная система. Но когда железобетон уже был уложен во всех западных УРах, вспомнили об этой системе. Обратились к проектировщикам, и те быстро нашли выход: предложили построить рядом со входами в сооружение колодец для установки в нем фильтров. На вполне реальное замечание практиков, что незащищенные бетоном фильтры будут выведены из строя в первые же минуты после начала артиллерийского обстрела противника, проектировщики ответили, что, по теории вероятности, в заглубленные и расположенные на необстреливаемой прямым огнем стороне сооружения, фильтры могут быть поражены лишь как исключение. Военным инженерам и строителям пришлось самим искать возможность доработки огневых сооружений [46]. Распространенным явлением был срыв промышленностью поставок оборудования и материалов.

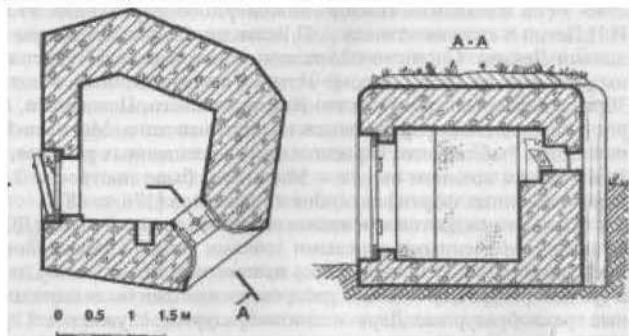
Несмотря на недостатки, партийное руководство СССР признало строительство укреплений на Государственной границе СССР в 1929 - 1937 гг. большим достижением. За успешное строительство УРОв начальник Военно-инженерного управления РККА Н.Н.Петин и его заместитель А.П.Баландин были награждены орденами Ленина. Согласно советским источникам, в 13 укрепленных районах до 1938 г. (кроме четырех вышеупомянутых, в начале 30-х гг. началось строительство Кингисеппского, Псковского, Коростенского, Новоград-Волынского, Летичевского, Могилев-Ямпольского, Рыбницкого, Тираспольского укрепленных районов, а в Белорусском военном округе - Минского) было построено 3196 долговременных фортификационных объектов [176, с. 48].

Основными долговременными огневыми сооружениями (ДОС) (или долговременными огневыми точками - ДОТ) укрепрайонов постройки 1928 - 1938 гг. являлись пулеметные ДОТы (одно-, двух- и трехамбразурные). Самыми распространенными были одноэтажные трехамбразурные. Двух- и одноамбразурные служили для прикрытия тыла линейных огневых точек с угрожаемых направлений [108-115].

Одноэтажные ДОТы относились к классу «М» (малый), поскольку они не имели никаких вспомогательных помещений и не были рассчитаны на размещение гарнизона. Гарнизон располагал-

ся в землянках неподалеку от сооружения. В ДОТах типа «М» были только боевые казематы, прямо в которых размещалось оборудование наблюдения и жизнеобеспечения. Иногда место командира и наблюдателя отгораживалось бетонной стенкой, образовывая командно-наблюдательный пост площадью около 1 х 2 м. Как правило, трехамбразурная точка имела два боевых каземата. В них размещались пулеметы, предназначенные для действия на наиболее важных тактических направлениях. Одно- и двухамбразурные ДОТы имели по одному боевому каземату. Двух- и трехамбразурные ДОТы обязательно имели противохимический тамбур. Выходы из долговременного сооружения располагались в тыловой части.

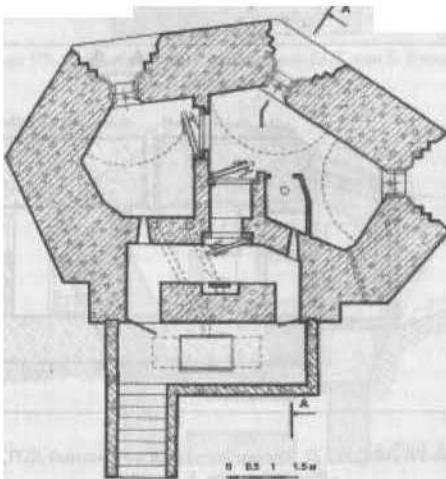
Толщина железобетонных стен ДОТа типа «М» достигала 130 - 150 см, а крыши - 90 - 110 см. Это защищало от фугасных снарядов дивизионных гаубиц калибра 105 - 155-мм, а более тяжелой артиллерии потенциальный противник на западном направлении - Польша - до начала 30-х годов не имел вообще и лишь к 1936 г. приобрел 12 чехословацких 220-мм мортир. Иногда на крышах пулеметных ДОТов устанавливали металлический каркас для маскировочной сети. На некоторые ДОТы наносился камуфляж - черные и зеленые пятна. Гарнизон такой огневой точки по штату составлял 10 - 12 человек.

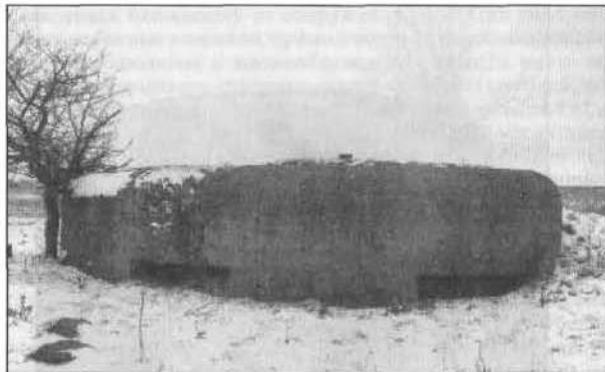
Минский УР. ДОТ № 01. Тип МС («Маскета» или «Москит»).
Рис. И.Волкова, Е.Хитряка

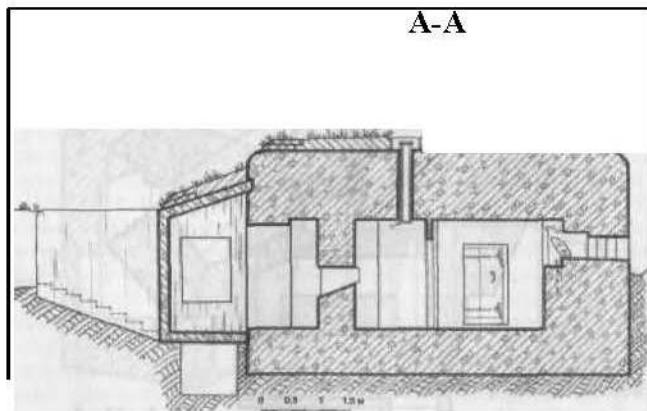
Минский УР. ДОТ № 01. Тип МС. Фото И.Волкова, Е.Хитряка

Минский УР. ДОТ, тип М2. Рис. И.Волкова, Е.Хитряка

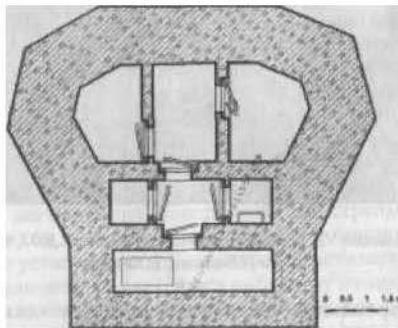

Минский УР. ДОТ, тип М2. Фото И. Волкова, Е. Хитряка

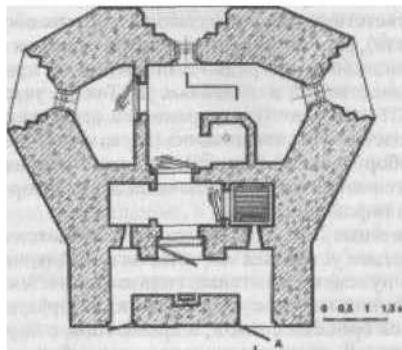

Минский УР. ДФС № 128. Трехамбразурный пулеметный ДОТ, тип М2.
Рис. И. Волкова, Е. Хитряка

Двухэтажные ДОТы относились к классу «Б» (большой). Они имели дополнительный подземный уровень, в который было вынесено оборудование жизнеобеспечения, также там было оборудовано газоубежище для гарнизона ДОТа. Верхний этаж практически не отличался по компоновке от линейного трехамбразурного ДОТа типа «М». Обычно в ДОТах класса «Б» располагались ротные и батальонные КП.

Минский УР. Трехамбразурный пулеметный ДОТ, тип Б. Нижний этаж
Рис. И. Волкова, Е. Хитряка

Минский УР. Трехамбразурный пулеметный ДОТ, тип Б. Верхний этаж.
Рис. И. Волкова, Е. Хитряка

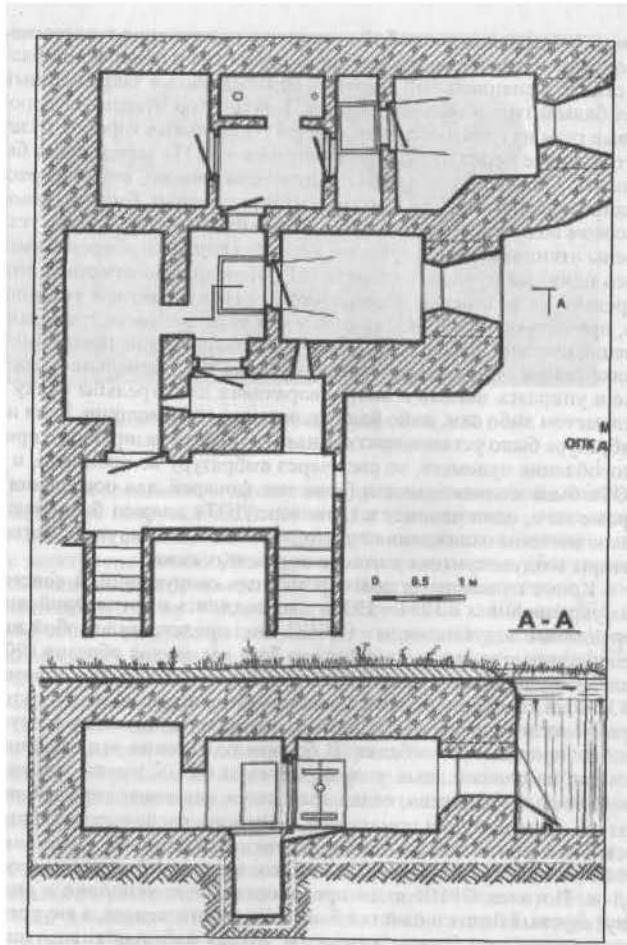
Минский УР. Трехамбразурный пулеметный ДОТ, тип Б.
Фото И. Волкова, Е. Хитряка

Долговременная огневая точка представляла собой сложное инженерное сооружение. В ней имелись водопровод - от внешней сети или собственные колодцы или скважины и низковольтное электроснабжение. Долговременные сооружения оборудовались связью - телефоном (типа УНА-И для линейных точек, и дополнительно к нему УНА-Ф для совмещенных с НП или КП, а также соответствующие коммутаторы и другое оборудование проводной связи), радиостанцией типа БЛК с блоком питания (на НП и КП — полагалось две радиостанции, но на практике из-за нехватки радиостанций в линейных ДОТах не устанавливались, а на НП и КП - по одной), внутренними перегородками трубами. Для наблюдения устанавливались перископы. Фильтро-вентиляционное оборудование было представлено газовым фильтропоглотителем с вентилятором и еще один вентилятор устанавливается для отсоса пороховых газов.

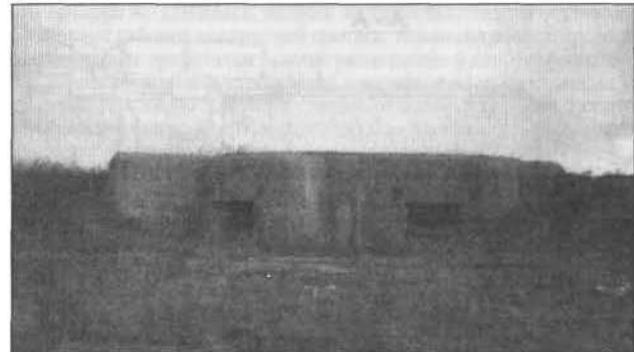
Пулеметные ДОТы были вооружены «Максимами». Казематная пулеметная установка состояла из амбразурного короба, специального пулеметного станка, пильзосборного мешка и сливного бака для воды из кожуха пулемета. Амбразурный короб мог закрываться бронезаслонкой, а кроме того, с внутренней стороны - специальным газонепроницаемым гибким чехлом-обтиратором с герметичными манжетами для ствола и смотровым стек-

лом, что позволяло вести бой в условиях применения химического оружия. Стреляные гильзы через отверстие в поворотной балке станка и специальные патрубок сбрасывались в закрепленный под балкой пильзосборный мешок. Вентилятор отсасывал пороховые газы из пильзосборных ящиков и ствольных коробок пулеметов, иначе через несколько минут боя в ДОТе нечем было бы дышать. Охлаждались пулеметы централизованно, водой из расходного бака по трубам и шлангам, а из сливных баков ручным насосом вода закачивалась в расходный бак. У станков были устроены откидные сиденья. Кроме того, для ближней обороны имелись один-два ручных пулемета [61]. Необходимо отметить, что стрельба из полностью укомплектованной пулеметной установки, применявшейся в ДОТАх советских укрепрайонов, требовала специфических навыков. Пулемет устанавливался на поворотной балке станка неподвижно. Наводчик, сидя на специальном сиденье и упираясь ногами в пол, поворачивал для стрельбы балку с пулеметом либо сам, либо балку поворачивал помощник. Если на амбразуре было установлено комплектное герметизирующее приспособление пулемета, то свет через амбразуру не проникал, и в ДОТе была полная темнота (если нет фонарей для освещения). Кроме того, один человек в гарнизоне ДОТа должен был качать насос системы охлаждения пулеметов, а еще два - крутить вентиляторы воздухопритока и отсоса пороховых газов.

Кроме пулеметных долговременных сооружений, в советских укрепрайонах в 1934 - 1938 гг. возводились и артиллерийские (орудийные полуказематы - ОРПК). Они представляли собой железобетонные огневые точки на два 76,2-мм орудия образца 1902 года, размещенных в специальных капонирных лафетах образца 1932 года со сферическими масками-обтираторами. Амбразуры прикрывали броневыми заслонками, которые поднимались и опускались при помощи лебедки. В боевом положении эти заслонки лежали на специальных упорах. Обычно ОРПК имели, помимо двух боевых казематов, отдельный отсек для командира-наблюдателя, аппаратную и помещение, в котором располагались батарея фильтров и элементы фильтровентиляционной установки (ФВУ). Толщина амбразурных стен составляла 1,5 м, а покрытий 1,1 м. Потолок ОРПК имел противооткольное усиление в виде двутавровых балок и пластин 6-мм котельного железа, а внутренние поверхности боевых казематов, отсека наблюдателя и тыльных стен - одежду из гофрированного железа. Расчет каждого орудия составлял 5 - 6 человек.

Минский УР. ДФС № 134. Орудийный полукапонир для 2-х 76,2 мм орудий образца 1902 г. Рис. И. Волкова, Е. Хитряка

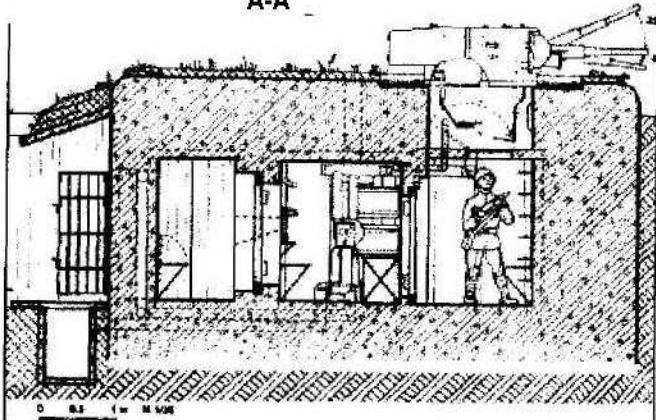

Минский УР. Орудийный полукапонир. Фото. И. Волкова, Е. Хитряка

ОРПК, как и большинство пулеметных линейных ДОТов, были одноэтажными и не предназначались для постоянного размещения в них гарнизона. Для этого в непосредственной близости от сооружения оборудовались землянки. Снаряды для пушек также хранили рядом с ОРПК в отдельных погребах. На длительную оборону эти сооружения рассчитаны не были. Однако в ОРПК предусматривались отопление, система вентиляции и отсоса пороховых газов, противохимическая защита, освещение.

Необходимо отметить, что схема строительства ДОТов в советских укрепрайонах постоянно развивалась в связи с моторизацией армий вероятного противника. Поэтому появились ДОТы с башнями от танков Т-18, Т-24, Т-26, предназначенные для борьбы с легкой бронетанковой техникой. Первоначально огневые точки противотанковой обороны устраивались вообще без применения бетона. Корпус танка целиком закапывали в землю, иногда усиливая деревянным каркасом. Но такая схема была признана неэффективной, и башни Т-26 устанавливались уже на специальные сооружения из бетона класса М [174].

А-А

Минский УР. ДФС № 75. ДОТ ПГО с башней танка Т-26.
Рис. И. Волкова, Е. Хитрика

Эти сооружения включали в себя каземат для оборудования жизнеобеспечения и связи, каземат для хранения боеприпасов. Бетонная коробка унифицировалась с линейными пулеметными ДОТами типа М, хотя и имела некоторые особенности. Собственно на верхней плите массива устанавливалась подбашенная коробка с поворотным механизмом башни. Поворот башни осуществлялся вручную. Вооружение аналогично танку Т-26 - 45-мм пушка и спаренный с нею пулемет ДТ. Башня танка не подвергалась никаким переделкам. Вентиляция всего сооружения (отсос пороховых газов) производилась при помощи ручного вентилятора. Противохимический тамбур в сооружении отсутствовал. Вероятно, в случае атаки с применением отправляющих веществ расчет ДОТа должен был защищаться «по-танковому» - надевать противогазы и индивидуальную химзащиту.

Другой этап военно-инженерного укрепления западных границ СССР совпал с процессами, которые затронули общество в целом и армию в частности - массовыми репрессиями против командного состава Красной Армии. В 1937 г., уже после уничтожения группы советских военачальников во главе с А.Н. Тухачевским, по приказу наркома обороны К.Е. Ворошилова была создана комиссия под руковод-

ством комкора К.П. Лодласа, задачей которой был анализ состояния укрепленных районов на западной границе. Комиссия констатировала многочисленные недостатки: плохое размещение и слабую боеготовность фортификационных объектов, несовершенные вооружение и оборудование, плохую подготовку личного состава и пр. [127]. Все это было признано актом вредительства и предательства, в результате чего были репрессированы многие командиры, инженеры и строители укрепрайонов в Киевском и Белорусском военных округах. Так, например, в Мозырском УРе было арестовано все руководство. Жертвами репрессий стали также Н.И. Петин и П.А. Баландин, недавно награжденные за оборонное строительство. Результатом «ликвидации последствий вредительства на военных стройках» стал некомплект инженерно-технических работников на конец 1937 г. в полторы тысячи человек. Репрессии на длительный срок парализовали организационные структуры оборонительного строительства и привели к срыву выполнения планов военно-инженерного укрепления границы [186, с. 10].

Несмотря на значительные потери среди теоретиков и практиков фортификационного строительства, с 1938 г. в некоторых укрепленных районах стали устанавливать новое вооружение и оборудование. Однако вскоре была утверждена новая система укрепленного района, которая учитывала политическую ситуацию в Европе и экономические возможности страны. В 1938-1939 гг. на западной границе СССР началось строительство еще восьми укрепленных районов - Островского, Себежского, Изяславского, Шепетовского, Старо-Константиновского, Остропольского, Каменец-Подольского, и в БВО - Слуцкого [176, с. 49]. Главной стратегической задачей новых районов было прикрытие разрывов между уже существующими. План строительства в 1938 г. был выполнен на 45,5 %, а в 1939 г. - на 59,2 %. За два года в этих УРах было построено 1028 долговременных фортификационных сооружений, но ни одно из них не получило вооружения и оборудования. Одновременно происходило усиление уже построенных укрепрайонов путем строительства новых батальонных районов с новыми, более совершенными, в основном артиллерийскими ДОТами.

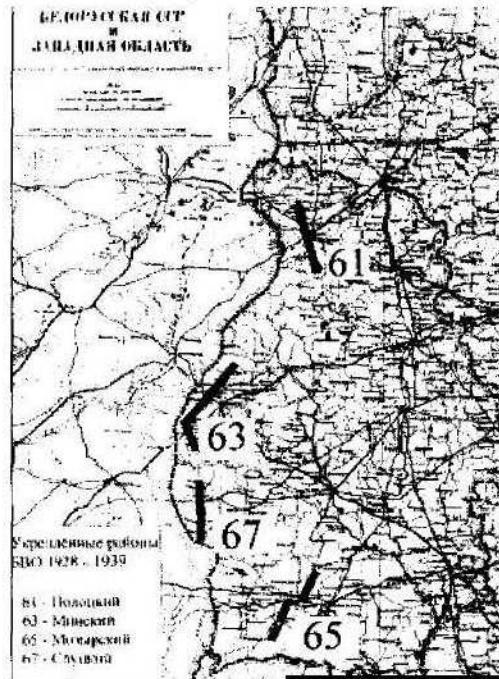
С началом второй мировой войны и после подписания пакта Риббентропа-Молотова изменилась западная граница СССР в Белоруссии и Украине. В 1940 г. территория СССР расширилась за счет аннексированных прибалтийских стран, румынских Бессарабии и Буковины, а после советско-финской войны - части Карелии. За короткое время границы Советского Союза были расширены на несколько сотен километров на запад, в результате чего система обороны западной границы оказалась в глубоком тылу. В связи с этим Главный Военный Совет Красной Армии 15 ноября 1939 г.

принял решение прекратить строительство УРОв на старой границе. Командование Красной Армии долго решало, что с ними делать. Наконец было принято решение - фортификационные сооружения законсервировать, снять с них вооружение, боеприпасы и оборудование и передать на склады в боевой готовности, чтобы можно было использовать при необходимости [176, с. 48-49].

Комиссия Генерального штаба, проверив в сентябре 1940 г. Минский укрепленный район установила, что «оборудование изъятое из сооружений и находящееся на складах, за подразделениями не закреплено и не укомплектовано. При передислокации пулеметов оставшееся оборудование никому не передано. Часть оставленного в сооружениях оборудования ржавеет и портится. Охрана сооружений и находящегося в них оборудования почти отсутствует» [61]. Аналогичная ситуация была практически во всех укрепрайонах СССР [157, с. 3-6; 168, с. 72-77]. Это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны они оказались слабо подготовленными к боевым действиям и, несмотря на сопротивление частей Красной Армии, не могли выполнить своего стратегического назначения.

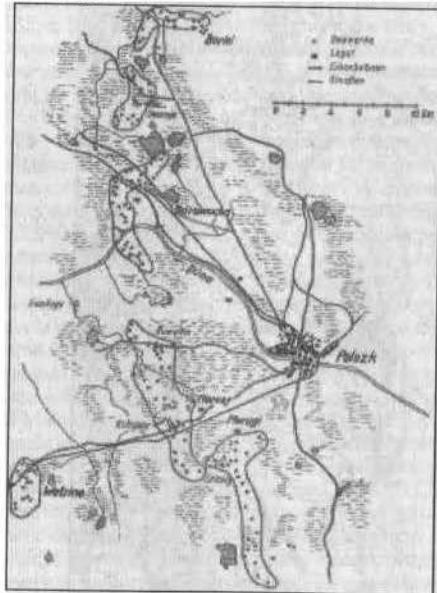
Укрепленные районы, построенные в Советском Союзе в период 1928- 1939гг, в современной научно-популярной литературе носят обобщающее название «Линия Сталина». История возникновения этого термина следующая. 9 января 1936 в газете «Сегодня», которая издавалась в Риге, вышла статья под названием «Сталин строит линию Мажино в СССР». В ней говорилось о том, что И.Сталин, выступая на сессии Верховного Совета СССР, представил программу перевооружения Красной Армии. В ней говорилось о строительстве на протяжении трех тысяч километров линии укреплений на западной и восточной границах СССР «подобной известной Линии Мажино» [209, с. 377]. Со временем в про-пагандистской литературе западных стран за советскими фортификационными сооружениями на границе до 1941 г. закрепился термин «Линия Сталина» по аналогии с «Линией Мажино», «Линией Зигфрида», «Линией Маннергейма», «Линией Метаксаса» [195, с. 202-220]. Этот термин вошел на Западе в научную, популярную и публицистическую литературу еще до второй мировой войны, широко использовался в фашистской Германии в пропагандистских целях[203, с. 51; 225, с. 153-165]. Необходимо отметить, что работы над советскими пограничными укреплениями не были большой тайной, и в прибалтийских странах о них говорили давно. Об этом же свидетельствуют и рапорта отдела разведки польского Генерального штаба, в которых зафиксировано строительство Полоцкого и Минского УРОв [196]. В современной историографии дефиницию «Линия Сталина» первым стал широконаписывать В.Суворов(В. Резун) [161]. Книги этого автора в постсоветской историографии признаются как фаль-

ификация исторических событий [56; 106]. Теперь этот термин активно используется в различного рода литературе - от научных статей до газетных публикаций как в постсоветских странах, так и на Западе [60; 157; 200; 228; 229; 237]. В официальных советских документах и литературе, касающихся военно-инженерного строительства в СССР, это название не употреблялось, а значит, и не было официальным. По нашему мнению, использование термина «Линия Сталина» в современных условиях не соответствует исторической правде, т.к. носит не научный, а пропагандистский характер. На территории Беларусь к так называемой «Линии Сталина» относятся четыре укрепленных района, возводимых в СССР в 1928 -1939 гг. - Полоцкий, Мозырский, Минский и Слуцкий.

Укрепленные районы Белорусского военного округа 1928 - 1939 гг.

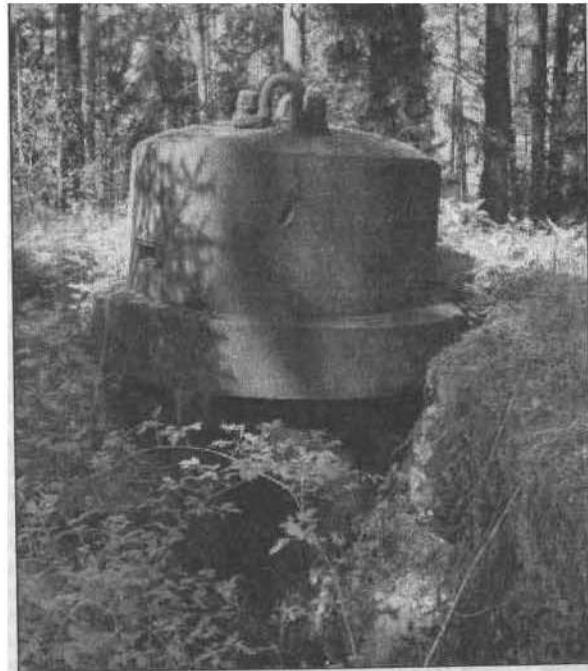
Полоцкий укрепленный район начали строить на западной границе СССР одним из первых. Его оперативно-тактическое назначение состояло в прикрытии важнейшего железнодорожного узла Полоцк (на границе с Польшей и Латвией) и переграты через Западную Двину. Проектировочные работы по Полоцкому УРу были начаты в 1927 г. [118]. Первый вариант предусматривал передний край укрепрайона в удалении 2-3 км от Полоцка и по южной окраине города. Этот вариант был утвержден М. Тухачевским, но в конце 1927 г. УР получил свое развитие по линии р. Дрисса и из Званое на северном фланге, а на южном фланге образовывал предмостную позицию у деревень Экимань и Черноручье. Общая протяженность по этому варианту составила 48 км. В 1928 г. по проектам Военно-строительного управления были построены первые четыре долговременных

«Denkschrift über die Russische Landesbefestigung» сооружений. В 1931 г. было развернуто мас-

штабное строительство и возведено 133, а в 1932 г. - еще 16 сооружений. В окончательном виде оборонительная полоса состояла из 11 батальонных районов и 2 ротных [128]. Протяженность УРа по фронту составляла около 60 км, а глубина на разных направлениях от 2 до 5 км.

Оборонительные сооружения были представлены в основном фронтальными пулеметными точками типов «Б» и «М», пулеметными капонирами и полуказематами, пулеметными противотанковыми огневыми точками, а также командно-наблюдательными пунктами (не входящими в огневую систему) и убежищами.

Полоцкий УР. НП. Броневой пост. Современное состояние.
Фото А. Вала, С. Пивоварчика

Полоцкий УР. Взорванный ДОТ. Фото А. Вата, С. Пивоварчика

Орудийных капониров или полукапониров на 76-мм пушки в УРе не было. Сопротивляемость сооружений была от 203-мм снарядов на главных направлениях и от 152-мм - на остальных. Всего до 1938 г. (до начала работ по усилению) было построено 263 пулеметных ДОТа (включая совмещенные с КП и НП) на 452 станковых пулеметах и 10 противотанковых огневых точек на десять 45-мм пушек в башнях танков Т-26.

В 1938 г. в СССР начались работы по усилению и развитию существующих и строительству новых УРов. Для развития Полоцкого укрепленного района было приказано провести рекогносцировочные работы по строительству двух узлов обороны на правом фланге и четыре отдельных опорных пунктов впереди обвода УРа (общей стоимостью с вооружением 32 070 000 руб.). В 1938-1939 гг. здесь было забетонировано 38 долговременных сооружений, однако они не были вооружены и снабжены оборудованием в связи с изменявшейся военно-политической обстановкой [130, л. 14]. В докладе Отдела укрепленных районов Генштаба Красной Армии летом 1940 г. отмечалось, что «в связи с изменением государственных границ СССР существующие укрепленные районы оказались в

глубоком тылу. Надобность содержать их в готовности, как первоначальные УР отпада. Огромные усилия Генерального штаба гарнизона этих укрепрайонов расформированы или сокращены до минимума. Окончательного решения по содержанию этих укрепрайонов нет. Укрепленные районы строительства 1938-1939 гг. в данное время не являются законченными как по своей системе, так и по готовности сооружений. Сооружения законсервированы в недостроенном виде и как полноценные использованы быть не могут. Дальнейшее содержание укрепленных районов строительства 1938-1939 гг. в таком виде, как они есть (открытые бетонные коробки), нецелесообразно и вредно отражается на прочности бетона» [130, л. 13-14].

Строительство осуществлялось силами привозных рабочих из внутренних областей Союза с привлечением местного транспорта. Бетонирование сооружений производилось только саперными частями. Всего с 1928 по 1933 г. на строительство было израсходовано 7 855 700 руб [127, л. 47-94].

Гарнизон УРа в 1936-1939 гг. составляла 50-я стрелковая дивизия и 174 артиллерийский полк. По военному времени предусматривалось развертывание 5-ти пулеметных батальонов, в соответствии с чем УР в мирное время был разделен на 5 участков.

После того как западная граница СССР была передвинута на запад и прошла по рекам Нарев, Буг, Сан, Полоцкий УР (в составе 9-го, 10-го, 11-го отдельных пулеметных батальонов) был расформирован, личный состав обращался на укомплектование Гродненского УРа, а долговременные огневые сооружения подлежали консервации [129]. Директивой НКО от 5 октября 1940 г. был сформирован 61 Полоцко-Себежский укрепленный район [135, л. 24]. Однако в июне 1941 г. эти укрепленные районы встретили немецко-фашистские войска по отдельности, так как Себежский УР был включен в состав Прибалтийского особого военного округа.

Оперативно-тактическое назначение Мозырского УРа состояло в том, чтобы запереть восточные выходы из Полесья и перекрыть пути на Гомель и Жлобин.

Вызывает удивление место выбора для строительства этого укрепленного района. Советские военные стратеги считали, что виду неблагоприятных топографических и климатических условий Полесья и отсутствия дорог развития крупных операций тут не будет,

а южная часть района будет являться лишь второстепенным театром военных действий. Однако строительство мощной укрепленной линии началось в числе первых. В случае войны с Польшей этот УР стал бы надежной защитой маневренной группировки советских войск, которая могла действовать во фланг белорусского или украинского направления в зависимости от сложившейся обстановки.

Основное строительство Мозырского УРа началось в 1931 г. и закончилось в 1932 г [127, л. 97]. В 1931 году было уложено 8520 м куб. бетона (по плану 8500 м куб.) с расходом денежных средств на сумму 1 833 360 рублей. В 1932 г. уложили 14 350 м куб. бетона с затратами в 3 340 555 рублей. Общая стоимость всего УР с 1931 по 1936 г. включительно - 10 700 000 руб [127, л. 98]. В окончательном виде оборонительная полоса состояла из 7 батальонных районов и 6 отдельных ротных районов.

Мозырский УР состоял из двух секторов - северного и южного. Северный сектор был построен на основе плана, изложенного в директиве Начальника Штаба РККА от 13 октября 1930 г. с передним краем по р.Птич и состоял из двух батрайонов и двух отдельных ротных районов. Южный сектор возводился на основе директивы Начальника Штаба РККА от 8 декабря 1931 г. с последующими изменениями командующего Белорусским военным округом И.Уборевича от 19 января 1932 г. с передним краем по р.Уборть. Южный фас южного сектора был построен у д.Волавск. Протяженность УРа по фронту составляла 120 км, глубина на разных направлениях 1 - 4,5 км, удаление от госграницы составляло 80 км [127, л. 96].

Огневую мощь укрепленного района составляли 141 долговременная огневая точка (в основном пулеметные) различных типов: «Б» и «М» фронтального действия (80), «М» флангового действия (9), кругового действия с бронеколпаками (6), совмещенные и не совмещенные с огневыми точками КНП и АНП, два убежища. Большинство точек были защищены от 152-мм снарядов, остальные - от 203-мм и от 122-мм снарядов.

Управление коменданта Мозырского укрепрайона существовало с 1930 г. под названием Управления Припятского сектора ПВО, Руководство строительством осуществлялось 34-м Управлением начальника работ (УНР-34, УНВСР-34), Начальник УВСР являлся одновременно и командиром всех войск, занимавшихся

как строительством Мозырского УРа, так и обслуживанием уже построенных оборонительных сооружений, т.е. комендантом УРа. Комендантами в разные годы были Ф.А.Померанцев, Супрун, Степанов, Рубин, начальниками инженеров - К.А.Розе, Зимин, Отто [134].

Гарнизон УРа мирного времени до 1936 г. составляли 18-й отдельный пулеметный батальон, 4-я отдельная пулеметная рота, 7-я артбригада, 153-я отдельная рота связи и 93-й отдельный территориальный саперный батальон. По мобилизации в течении 3-4 дней дополнительны должны были развертываться два пульбата, артбригада развертывалась в два артополка, а рота связи развертывалась в батальон связи. После реорганизации УР в 1936 г., его гарнизон составляла 52-я стрелковая дивизия (дивизия УР). В 1938 г. строительные части были направлены на возведение Слуцкого УРа, а в 1940 г. и боевые и строительные части переведены в Брестский укрепленный район на новой границе.

Решение по строительству Минского укрепленного района было принято Постановлением СТО СССР от 15 февраля 1932 г. Приступить к строительным работам следовало в 1932 г. Командующим войсками БВО И.П.Уборевичем в марте 1932 г. было представлено оперативно-тактическое решение МиУРа. Решением Народного Комиссара Обороны от 11 апреля 1932 г. был утвержден обвод УРа по линии Околово, Плещеницы, Жуковка, Заславль, Койданово, Станьково в составе 6 батальонных районов по 19 сооружений, 4 батрайона по 15 сооружений и 7 отдельных ротных районов по 5 сооружений, а всего 209 сооружений [127, л. 1]. Так же был утвержден план строительства Минского УРа на 1932 г. и 1933 г. с указанием обвода, сопротивляемости батрайонов и долговременных сооружений, объема ассигнований (общая сумма 12 733 000 руб.) и срока производства бетонных работ с мая 1932 г. по апрель 1933 г. На 140 км фронта УРа приходилось 209 сооружений, т.е. в среднем 1,5 сооружения на 1 км фронта.

В мае 1932 г. комиссия в составе И.П.Уборевича, Л.Н.Аронштама, Н.Н.Петрина, Обысова изменила утвержденный народным комиссаром обороны и проработанный на местности план строительства МиУРа, а именно: вместо 209 сооружений предложено возвести 259 сооружений за счет перемены мест, изменения типов, уменьшения толщ. бетоне и снижения сопротивляемости (добавлено 40 - 50 сооружений типа М-4).

Представленный И.П.Уборевичем план строительства на 209 сооружений с генеральной картой УР на 259 сооружений был утвержден народным комиссаром обороны 29 мая 1932 г.

В ходе строительства в течение 1932-1933 гг, распоряжением Уборевича было добавлено еще 35 долговременных сооружений, что дало в конечном счете 294 сооружения. Кроме того, 4 сооружения были упразднены, а 36 передвинуты на расстояние до 2-3 км. В среднем это давало 2,1 сооружения на 1 км фронта, увеличивало глубину УРа и на более чем 40 % повышало плотность огня [127, л. 2].

Однако эти изменения были сделаны ценой снижения противляемости отдельных сооружений, привели к распылению сил и средств, и создали производственные затруднения во время работ.

Посадкой долговременных сооружений руководили коменданты УРа — Я.П.Гайлит, Ф.А.Померанцев, начальник штаба УРа Егорьевич, техническое руководство и контроль осуществляли начальник инженеров Загорулько. Для производства работ в 1932 г. было развернуто 8 строительных участков.

Типовые проекты долговременных сооружений и оборудования разрабатывало и давало ИУ РККА. Проектирование отдельных сооружений велось на основании типовых проектов в Управлении начальника инженеров укрепрайона, под руководством Начальника инженеров и его помощника по технической части. Проекты утверждались непосредственно комендантом УРа.

Бетонные работы были окончены основным в 1934 г., однако работы по оборудованию сооружений столкнулись с серьезными трудностями (несвоевременная поставка оборудования и вооружения, низкое качество оборудования, низкая квалификация лиц, производивших монтаж и содержание оборудования) и практически не были завершены за все время существования УРа.

В окончательном виде Минский укрепленный район состоял из 10 батальонных районов и 7 отдельных ротных районов. Его огневая система по окончании постройки первой очереди включала 242 пулеметные ОТ на 1-3 амбразуры (в том числе и совместные с КП/КНП), 16 пушечных полукалониров на две 76-мм пушки, 1 пушечный капонир на четыре такие же пушки и 9 противотанковых ОТ с башнями танков Т-26 [127, л. 16]. Всего 644 станковых пулемета, 36 - 76-мм пушек и 9 - 45-мм пушек.

Минский УР. Схема батальонного района С. Рис. И. Волкова, Е. Хитряка

Глубина УРа на важнейших направлениях составляла: Окопском 1-2 км, Тайгинском 1,5-3 км, Бобульском 2 - 5,5 км, Заславльском 2 - 4,5 км, Гораньском 1,5 - 4,5 км, Койдановском 2 - 3 км [127, л. 2]. В 1936 г. в Генеральном штабе РККА разрабатывался план второй очереди Минского УРа, но реализован он не был.

До 1936 г. гарнизон УР мирного времени составляли 71-й, 83-й и 85-й пулеметные батальоны. После реорганизации УР в 1936 г. гарнизон составляли 13-й пулеметный батальон и пулеметные батальоны трех полков 13-й стрелковой дивизии. Кроме того, некоторые участки УРа занимались пулеметными дивизионами трех погранотря-

дов. В состав УРа также входили саперные подразделения, связи, артполк, вооруженный, в основном, орудиями устаревших систем.

Летом 1937 г. в ходе проверки УРОв западных округов в МиУРе работала комиссия комкора К.П. Подласа. Были установлены серьезные недостатки в боеготовности УРа. Комиссией были даны предложения по усилению УРа, гидротехническому и дорожному строительству, полевой обороне, изменению организации войск УРа и другим вопросам [127, л. 42-45]. Весной 1938 г. были арестованы командир 13-й стрелковой дивизии Вишнеревский и комендант МиУРа Померанцев, репрессиям подверглись другие офицеры.

Работы по доусиленнию Минского УР были начаты согласно директиве Генерального штаба РККА от 25 июня 1938 г. В первую очередь проходило артиллерийское доусиление УРа, в ходе которого возводились артиллерийские полукапониры нового типа на главной полосе обороны. Кроме этого, была проведена рекогносцировка батарей для контрбатарейной борьбы на четыре орудия калибром 107, 122 или 152-мм каждая, возведены убежища для расчетов и погребки для боезапаса. В 1939 г. предполагалось развить Околовский район в узел обороны (УО), возвести один УО на правом фланге, один УО на левом фланге в районе Могильго с отдельным опорным пунктом на р.Уса для прикрытия направления на г.Узду (общая стоимость планируемых работ с вооружением 35 570 000) [1276, л. 121-122]. В это время были возведены долговременные объекты в районе деревень Саковичи, Попоневичи, Лунинко-Могильно. Работы на Крайинском рубеже, а в районе деревень Прусиново, Юльяновичи, Ляховичи находились на начальной стадии строительства. Также велись работы по оборудованию узлов связи в Юрковичах, Городке, лес Максимилово и переоборудованию в долговременный узла связи Боровая. Всего было построено 34 оборонительных сооружения, которые, как и в Полоцком УРе, не были вооружены и оборудованы [130, л. 14].

После ввода войск в Западную Белоруссию работы в Минском УРе были прекращены. На основании приказа Военного Совета Белорусского фронта от 19 октября 1939 г. была создана комиссия, определившая перечень объектов новой (в районе деревень Саковичи, Попоневичи, Лунинко, Могильно) и старой постройки, и порядок их консервации. Остальные недостроенные объекты и строительные площадки были разобраны [!26]. На момент работы комиссии гарнизон УРа составляли 5 пулеметных батальонов.

Последним на советско-польской границе в БВО стали возводить Слуцкий укрепленный район. Приказ о начале работ по его

возведению был дан уже упоминавшейся выше директивой от 25 июня 1938 г. Оперативно-тактическое назначение данного УРа было следующее: а) быть опорой для упорной обороны советских войск при наступлении, на Слуцком направлении превосходящих сил противника; б) служить исходным рубежом для наступления советских войск в направления Столбцы и Барановичи; в) прочно обеспечить маневр советских сил из района Осиповичи, Слуцк во фланг и тыл противнику в случае его наступления на Минск или Мозырь; г) прочно прикрыть сорредоточение советских войск в районе Слуцк, Осиповичи, Бобруйск.

К постройке намечались б узлов обороны общей стоимостью с вооружением-79 180000 руб. [127, л. 123]. Главная полоса обороны УРа проходила по линии Великая Раевка, Тимковичи, Семежево.

К осени 1939 г., в 5 узлах обороны были возведены 153 сооружения из количества 262 запланированных к постройке на 1938—1939 гг. [130, л. 14]. После вступления Красной Армии на территорию Польши возведенные сооружения были консервированы, а строительные участки переведены на строительство Брестского укрепленного района. В октябре 1940 г. на линии старой государственной границы был сформирован 63 Минско-Слуцкий укрепленный район. Однако, как и в случае с Полоцко-Себежским УРом, в войну они вступили по отдельности.

В целом, согласно справке Отдела УРОв Генштаба РККА, в декабре 1940 г. в Западном особом военном округе в трех укрепленных районах на старой границе имелось 856 долговременных фортификационных сооружения (275 в Полоцко-Себежском, 440 - Минско-Слуцком, 141 - Мозырском), охрану и обслуживание которых осуществляли четыре отдельных батальона [116, л. 148].

Архивные документы свидетельствуют, что состояние укрепленных районов на старой границе являлось предметом серьезной озабоченности военных и партийных властей БССР. Проверка состояния боевой готовности укрепленных районов в ЗапОВО представителями Генерального штаба Красной Армии в декабре 1940 г. показала, что состояние сооружений по-прежнему неудовлетворительное. Комиссия Генштаба констатировала: «*Металлические части оборудования не везде смазаны, имеют ржавчину. Во многих сооружениях грязно, сырь, валяются отдельные детали оборудования. Броневые и тяжелые герметические двери в отдельных сооружениях Полоцкого и Мозырского укрепрайонов открываются с большим трудом. В амбразурах бронеколпаков сломаны пружины бронезаслонок. Воздуховоды минных сооружений Мозырского УР*

покрыты ржавчиной, электросиловые установки размонтированы и находятся на складе, сложное хозяйство фактически никто не обслуживает» [183, л. 66]. В документе констатировались плохие условия складирования вооружения, оборудования и имущества старых укрепрайонов, отсутствие учета табельного вооружения, неудовлетворительная охрана сооружений в ПоУРе и МиУРе, в результате чего имели место случаи вскрытия сооружений и хищения имущества. Было также отмечено, что Директива Штаба ЗапОВО от 24 сентября 1940 г., требовавшая от комендантov привести сооружения и оборудование в полный порядок к 1 ноября 1940 г., а лиц, допустивших безобразия, привлечь к ответственности, осталась невыполненной. Руководство ЗапОВО издало приказ из 21 пункта, в которых определялись меры по приведению Полоцк-Себежского, Минско-Слуцкого и Мозырского УРОв в надлежащий порядок к 15 февраля 1941 г. [183, л. 68-72].

Не обошло своим вниманием укрепленные районы и партийное руководство республики. Об это свидетельствует докладная записка «Об оборонительных мероприятиях в пограничной полосе Белорусского особого военного округа», которую подготовил в марте 1940 г. первый секретарь ЦК КП(б)П.К.Пономаренко на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина. В этом документе характеризовалось состояние укрепленных районов на линии старой границы, давалась оценка отношению к ним командования Красной Армии, а также высказывались предложения по укреплению новой пограничной полосы: «Изучение состояния старых укреплений на границе с бывшей Польшей и положение дела с подготовкой к строительству оборонительных сооружений в новой неукрепленной пограничной полосе привели меня к некоторым выводам, о которых считаю своим долгом сообщить Вам.

Старые укрепленные районы представляли собой нить-цепочку капитальных укреплений, не дополненных никакой системой искусственных препятствий по глубине и по фронту. Завалы, надолбы, эскарны, заболачивание, проволочные заграждения и другие искусственные препятствия нигде не были применены. Укрытия и пункты управления имелись в чрезвычайно редких случаях. Все капитальные укрепления не были как следует закончены. В них всегда чего-то не хватало.

Долговременные огневые точки строились по шаблону - против 6-дюймовых или против 8-дюймовых пушек. ДОТов лее легкого типа, способных противостоять артиллерии мелких калибров и пулеметному огню, не строили. В результате даже в тех местнос-

тях, где противник не мог из-за леса или болот применить тяжелую и даже среднюю артиллерию, а мог только оперировать с артиллерией небольших калибров и пулеметным огнем, все равно ДОТы строились по одному шаблону против 6- или 8-дюймовых пушек.

Капитальные укрепления имеют огневое, механическое, вентиляционное, электрическое и радио оборудование. Между тем гарнизоны ДОТов не были достаточно укомплектованы, обучены и натренированы.

Таким образом, приходится признать, что старые укрепрайоны представляли собой вовсе не районы, а линию не вполне законченных долговременных огневых точек, не связанных в систему обороны по глубине дополнительными более мелкими сооружениями и искусственными препятствиями.

Командующий, штаб и командиры мирись с этим, считая, что полное окончание ДОТов - снабжение их материальной частью - техникой, а также создание системы искусственных заграждений, дополняющих ДОТы и создающих непрерывность линии обороны и ее глубину, будет произведено в так называемый мобилизационный период и в период развертывания.

Некоторые благодушно настроенные командиры и военные инженеры эту мысль выражали так: «Как только министры начнут ссориться, так мы и начнем укреплять, а потом, пока произойдет мобилизация и развертывание, мы все и сделаем».

Мысль, конечно, совершенно нелепая, исходящая из неправильных представлений о неизменности во времени мобилизационного периода для всех войн и совершенно не учитывающая возможность более или менее внезапного нападения или нападения, опережающего готовность оборонительной полосы.

В округе не существует генерального плана системы укрепления пограничной полосы, как его, между прочим, не существовало никогда. И сейчас вопрос создания оборонительной системы принимается упрощенно, в виде топ же нити капитальных укреплений по границе без какой-либо системы искусственных препятствий и вспомогательных сооружений по глубине и фронту» [77, л. 112-114].

К началу Великой Отечественной войны состояние укрепленных районов на старой границе кардинально не изменилось, и значительной роли в остановке наступающих немецко-фашистских войск они не сыграли.

Таким образом, осуществляя военно-инженерную подготовку границ государства, советские военные инженеры исходили из того анализа внешнеполитических условий, который давало высшее

руководство страны. Неправильная оценка международной ситуации в конце 20-х гг., которую руководители СССР рассматривали как непосредственный канун войны, привела к тому, что инженерное оборудование сухопутных границ, осуществленное к середине 30-х гг., устарело и не соответствовало резко возросшим требованиям обороны. Большой вред обеспечению инженерной обороны СССР в целом и фортификационному строительству, в частности, нанесли массовые репрессии по отношению к кадрам военно-строительного комплекса. На длительный период репрессии парализовали организационные структуры оборонительного строительства, привели к срыву выполнения планов военно-инженерного укрепления границы. Кадры, пришедшие в ходе реорганизации военно-строительного комплекса на смену репрессированным, из-за отсутствия опыта и моральных издержек не смогли включиться в необходимый темп работ.

В сложной обстановке межвоенных лет советскими учеными разрабатывалась теория инженерного искусства, подготовки территории государства к отражению агрессии. В 20-е и 30-е гг. появилось значительное количество трудов, посвященных вопросам развития фортификации. Необходимо отметить, что практически все советские фортификаторы получили инженерное образование еще в царское время и имели богатый практический опыт первой мировой и гражданской войн (К.И. Величко), Ф.И. Голенкин, С.А. Хмельков, Н.И. Коханов, Н.И. Унгерман, Г.Г. Невский, Н.Н. Петин, Д.М. Карбышев, В.В. Яковлев). В результате деятельности ученых и практиков, на основе изучения опыта прошедших войн и направлений дальнейшего развития военной техники, зарубежного опыта были разработаны принципиально новые формы укрепления границ и территории государства. Основой этих новых решений явился отказ от устаревшей в условиях ведения массовых войн системы отдельных приграничных крепостей и переход к системе укреплений в виде заблаговременно оборудованных в инженерном отношении оборонительных рубежей - укрепленных районов. Это был коренной перелом в развитии фортификации. Наряду с разработкой теории фортификационного искусства были разработаны новые типы и конструкции долговременных и полевых фортооружений.

К практическому возведению укрепленных районов на территории европейской части СССР приступили в 1928 -1929 гг. В марте 1929 г. начальник Штаба РККА Б.Шапошников утвердил основные положения по инженерной подготовке УР. Но практическое строительство фортообъектов началось еще в 1928 г. (Карельский и Полоцкий УРы). Всего с 1928 г. по 1939 г. на западных границах

СССР было возведен 21 укрепленный район в трех военных округах общей протяженностью фронта более тысячи километров.

Белорусские земли, в силу своего геополитического положения, опять оказались в качестве «выдвинутого театра военных действий», причем как та часть, которая оказалась в СССР, так и та, которая была в Польше. Обе страны рассматривались как вероятные противники, поэтому руководства стран прилагали максимум усилий по подготовке театров военных действий и принимали соответствующие меры. Белорусский военный округ считался важным стратегическим рубежом не только обороны, но и наступательных действий. Поэтому фортификационное строительство в БССР на границе с Польшей (также активно укреплявшей свою восточную границу в фортификационном отношении[211; 223]) началось в числе первых и прошло два этапа. Первый этап - возведение трех укрепленных районов (Полоцкий, Минский, Мозырский) в 1928 - 1937 гг. Все они прикрывали важные стратегические направления, а в случае наступления могли служить опорой для удара по направлениям на Вильню, Гродно, Брест, Люблин, Варшаву.

Второй этап датируется 1938-1939 гг. Советское военное руководство, проанализировав положение с укрепленными районами на западной границе, пришло к выводу о необходимости дополнительного строительства с целью прикрыть образовавшиеся промежутки между уже построенным УРами. В результате в БВО началось строительство Слуцкого укрепленного района и до усиление старых УРов, путем возведения новых опорных пунктов, которое завершено не было. В ходе военно-политических действий советского руководства накануне и после начала второй мировой войны границы СССР были отодвинуты на 300 - 400 км. Осенью 1939 г. фортификационные работы на старой границе было свернуты, поставки вооружения и оборудования для построенных сооружений прекратились. Строительные, инженерные и технические части зимой 1940 г. начали переводить на новую советско-германскую границу, где начался новый этап фортификационного строительства.

Укрепленные районы в ЗапОВО на новой советско-германской границе (1939 — 1941)

В результате политических и военных действий советских властей в 1939-1940 гг. Государственная граница СССР была отодвинута на запад. Согласно секретному протоколу сферы влияния меж-

ду Германией и СССР проходили по рекам Буг, Нарев, Висла, Сан. На практике это вылилось в то, что большая часть восточных территорий Второй Речи Посполитой вошла в состав СССР как новые административные единицы БССР - Брестская и Белостокская области. В стратегическом плане это обстоятельство имело позитивное значение для Советского Союза, так как позволяло снизить угрозу ряду важнейших промышленных и административных центров страны, выиграть пространство и время для отражения агрессии и ответного удара. Но вместе с тем перенос границы вызвал немало осложнений, связанных с необходимостью перестройки всей группировки войск первого стратегического эшелона, прочного укрепления новых границ, оперативного оборудования приобретенных территорий, переработки всех оперативных планов.

Советское военное планирование боевых действий против Германии началось в октябре 1939 г. До июня 1941 г. были разработаны пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии в войне с Германией. Документ под условным названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940-1941 гг.» начал разрабатываться сразу после установления советско-германской границы согласно договору от 28 сентября 1939 г. [15 с 151-152; 56, с. 11-32; 75, с. 580-595].

На территории БССР размещался Западный особый военный округ (с началом боевых действий - Западный фронт) под командованием генерала армии Д.Г.Павлова, включавший в себя к 1 июня 1941 г. 3-ю, 4-ю, 10-ю, 13-ю армии и окружные соединения - всего 44 дивизии, в том числе 12 танковых, 6 механизированных, 2 кавалерийские, а также 8 укрепленных районов [58, с. 20-26].

3-я армия (генерал-лейтенант В.И.Кузнецов) дислоцировалась на правом фланге фронта на линии Гродно, Августов, Граево. Ей предстояло прочно прикрыть Гродно и направление на Лиду - Волковыск и совместно с 11-й армией «срезать» сувалковский выступ на территории Германии.

Самая мощная армия Западного округа - 10-я (генерал-майор К.Д.Голубев) - находилась на так называемом «Белостокском выступе», который в мирное время с трех сторон был окружен вражеской территорией. Для обороны выступ не годился, так как его легко можно было ликвидировать фланговыми ударами. Но зато он хорошо подходит для внезапного удара во фланг и тыл германским войскам. Поэтому в «Белостокском выступе» была размещена «сверхударная армия». После полного укомплектования 10-я армия должна была

иметь более 250 тысяч солдат и офицеров, около 4000 тысяч орудий и минометов, 698 бронеавтомобилей и 2350 танков. Кроме основного состава, армия должна была получить дополнительно 10 - 12 тяжелых артиллерийских полков, части НКВД и многие другие подразделения.

На левом фланге, прикрывая Брестско-минское направление, располагалась 4 армия под командованием генерал-майора А.А.Коробкова. 13-я армия находилась в стадии формирования в районе Могилева - Слуцка. После окончания формирования, она должна была выдвигнуться в район Бельска и занять территорию между 10-й и 4-й армиями. Все сухопутные армии поддерживались смешанными авиационными дивизиями. В соответствии со стратегическим планом Генерального штаба Красной Армии, Западный фронт, с переходом в наступление армий Юго-Западного фронта (Киевский особый военный округ), должен был ударом левого крыла в направлении на Варшаву и Седлице разбить варшавскую группировку противника и овладеть Варшавой, затем разбить лублинско-радомскую группировку, выйти на р. Висла, а подвижными частями захватить г. Радом [75, с. 586-587].

Таким образом, Белостокская и Брестская области БССР, которые являлись пограничными, были практически «нашиты» советскими войсками. Разумеется, для размещения такой огромной военной инфраструктуры и подготовки театра боевых действий необходимо было провести большие работы: построить новые фортификационные сооружения, аэродромы, убежища, склады, казармы, мосты, дороги, «перешить» старое железнодорожное полотно. В официальных советских документах того времени все эти мероприятия назывались «работы на объектах спецстроительства», «работы на оборонном строительстве». Этим работам партийными, советскими и военными властями придавалось огромное значение и для их выполнения было задействовано большое количество трудовых и материальных ресурсов.

Наиболее значительными «объектами спецстроительства» на территории западных областей БССР было возведение укрепленных районов вдоль новой Государственной границы и строительство аэродромов.

Осенью 1939 г. в Генеральном штабе Красной Армии и приграничных округах приступили к разработке плана прикрытия новой линии Государственной границы. Было принято решение о строительстве еще 23 УРОв на новой границе. «Белостокский выступ» в Западном особом военном округе (ЗапОВО) должны были прикрывать четыре укрепленных района - 62 Брестский, 64 Замбровский, 66 Осовецкий и 68 Гродненский.

Укрепленные районы Западного особого военного округа 1940 - 1941 гг.

Планировалось построить 37 узлов обороны с 2130 объектами долговременной фортификации. Командование округа предложило два варианта возведения УРОв - непосредственно по линии новой границы и на расстоянии 25 - 50 км от нее,

С учетом условий местности первый вариант имел ряд преимуществ. Опорные пункты УРОв располагались по высоткам восточной стороны рек Буг, Нарев, Бобр. Однако с оперативно-тактической точки зрения это решение было неудачным. Точно копируя начертания границы, оборонительные позиции закрепили весьма невыгодную для обороны группировку советских войск в Западной Белоруссии, осо-

бенно в районе «Белостокского выступа». Полоса обороны укрепленных районов почти не имела предполя, а строительство укреплений должно было производиться и производилось непосредственно в поле зрения немецких наземных наблюдательных постов и пунктов.

Более удачным представлялся второй вариант, согласно которому позиции УРОв предполагалось разместить на удалении 25 - 50 км от Государственной границы. Это позволило бы вести сооружение опорных пунктов скрыто от противника, а при внезапном нападении успеть разместить войска в построенных долговременных и полевых сооружениях.

Несмотря на то что этот вариант поддерживал Генштаб, был принят первый. Проект строительства укрепленных районов был утвержден И.В.Сталиным по докладу К.Е.Ворошилова и Б.М.Шапошникова. Директивы на строительство УРОв военным советам Западного и Киевского особых военных округов были отданы наркому обороны 26 июня 1940 г. Этим округам приказывалось в 1940 г. начать строительство ряда укрепленных районов [155, с. 5].

После боевых действий на Карельском перешейке у военного руководства укрепилось убеждение, что в начальных боевых операциях укрепленные районы будут играть большую роль. Поэтому для ускорения их строительства зимой 1939-1940 гг. были проведены рекогносцировочные работы по определению мест строительства долговременных оборонительных сооружений. По воспоминаниям Л.М.Сандалова, эти работы в намечаемом для строительства Брестском УРе осуществлялись при глубоком снежном покрове и наспех. Поэтому результаты зимних рекогносцировок оказались неудовлетворительными, и весной 1940 г. всю работу пришлось переделывать заново [155, с. 10]. Никаких работ зимой по строительству УРа не проводилось, войска занимались размещением личного состава и бытовым строительством.

Вторичная рекогносцировка с целью определения мест долговременных отневых точек в Брестском УРе была проведена командующим 4-й армией генерал-лейтенантом В.И.Чуйковым совместно с комендантом укрепленного района. Тогда же командующий армией установил дивизиям рубеж строительства батальонных районов. По воспоминаниям Н.А.Чернушика, который работал шофером в 71 Управлении начальника строительства Гродненского укрепленного района, он с ноября 1939 г. возил снаряды с танков башни. Их устанавливали на границе на подготовленные бетонные основания. Вся работа проводилась ночью и без света. Всю зиму 1939-1940 г. он возил цемент, арматуру и всякое оборудование для фор-

тификационных сооружений со станции Чеховщизна на свой участок (имяние Свяцк Гурских в нескольких километрах от Сопоцкина) [35, л. 7].

В марте 1940 г. первым секретарем ЦК КП(б)Р П.К. Пономаренко была подготовлена докладная записка на имя И.В. Сталина об оборонительных мероприятиях в пограничной полосе Белорусского особого военного округа. В этой записке партийный руководитель БССР высказал свои предложения по строительству оборонительных сооружений в новой неукрепленной пограничной полосе: «*Л. Надо составить генеральный план системы оборонительных сооружений пограничной, включающей не только линию капитальных долговременных огневых точек, но и искусственные препятствия, более мелкие огневые точки, командные пункты, систему связи и сообщений, что в совокупности и создаст систему обороны в глубину и по фронту. Этот план должен быть составлен с участием ответственных представителей Генерального штаба. Они, эти представители, должны увязать план не только с планом прикрытия, но и с оперативным планом или хотя бы его наметками и операционными направлениями. Конечно, исходя из характера сложившихся взаимоотношений с соседом, учитывая наличие пакта о ненападении, эта работа не должна иметь элементов демонстративных и производить впечатление лихорадочнойспешности, тем не менее работа эта должна вестись непрерывно, систематически, с большим упорством и использованием всех местных ресурсов.*

2. Пограничная полоса должна быть разбита на укрепленные районы уже сейчас. Должны быть назначены коменданты укрепленных районов с небольшим штатом, хотя там и нет сейчас ни каких сооружений. Это будет небольшая группа, знающая местность вдоль и поперек. Комендант будет вмешиваться и добиваться устранения тех или иных недостатков, причем это будет делаться на основе точного знания местных условий.

3. Современные особенно мощные ДОТы представляют сложный механизм. У них система артогня, электричество, аккумуляторы, вентиляция, радио, газоотсос и т.д., поэтому должно быть обращено особое внимание на подготовку гарнизонов этих ДОТов. На первое время там буквально нужны инженеры. Технический состав ДОТов целесообразно было бы готовить в школах, как, например в школах флота готовят младших командиров.

4. Наконец, необходимо решить вопрос о Барановичском укрепрайоне (укрепления, построенные поляками на восточной гра-

нице Польши в 30-е гг. - СП.). Там есть из хорошей немецкой стали броневые купола-башни, узкоколейки и другое имущество, их необходимо снять, перевезти и использовать» [77, л. 115-117]. Мы не знаем, ни дошла ли докладная записка до адресата, ни официальная реакция на нее. Но нельзя не отметить, что меры, предложенные партийным руководителем, были довольно дальными и, как показали дальнейшие события, некоторые были реализованы (например, составление генерального плана оборонительных сооружений, использование местных ресурсов) на практике.

Опыт начавшейся в Европе второй мировой войны заставил внести существенные корректировки в систему укрепления границы и военно-инженерной подготовки театра военных действий в целом. В октябре 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор инженерных войск А.Ф. Хренов представил по этому вопросу доклад начальнику Генерального штаба. Предложения Главного военно-инженерного управления были отражены в директиве НКО военным советам приграничных округов от 20 февраля 1941 г. [7, с. 185]. В ней говорилось, что при строительстве УР требуется увеличение их глубины до 30 - 50 км в зависимости от наличия и глубины предполья, а также увеличения толщины железобетонных сооружений и усиления плотности артиллерийско-пулеметного огня. В директиве указывалось, что назначение укрепленных районов - надежно прикрывать важнейшие операционные направления или районы, а также создавать опорные рубежи для действий полевых войск в обороне и наступательных операциях. Оборона УР должна строиться на уничтожении противника огнем перед передним краем главной полосы обороны и контрударами полевых войск в случае его вклинивания на советскую территорию. Укрепленные районы имеют свои специальные гарнизоны, численность которых определяется для каждого в отдельности. Полевые войска могут занять их лишь по специальному приказу командования фронта в количестве, определяемом командованием фронта. Впереди данных районов предлагалось строить предполье, состоящее из ряда оборонительных полос полевого типа. Основой УРа стали узлы обороны (УО), которые должны иметь надежную круговую систему противотанковых и противопехотных заграждений, возводимых на важнейших направлениях в мирное время, а на остальных - в мобилизационный период.

В соответствии с требованиями этой директивы Военным Советам округов были отданы приказы о продолжении уже начатого в 1940 г. строительства укрепленных районов, а также возведе-

нии нескольких новых оборонительных полос вдоль западной границы. В феврале - марте 1941 г. правительство утвердило основной и годовой планы оборонительного строительства. На фортификационное строительство было выделено 1 млрд. 181,4 млн. руб. [186, с. 13]. Из этой суммы Прибалтийскому особому военному округу предназначалось примерно 50 %, Западному особому военному округу - 25 % и Киевскому особому военному округу - около 9 % [7, с. 186]. Из 4642 фортооружений по всем рубежам СССР в Прибалтийском, Западном, Киевском, Ленинградском, Одесском военных округах предстояло возвести 4464 долговременных оборонительных сооружения [186, с. 13].

Для строительства укрепленных районов на западной границе СССР планировалось использовать значительное количество живой силы, строительной техники и различных материалов. Угроза нападения Германии требовала большого объема строительства. С этой целью было создано Управление оборонительного строительства Красной Армии. Непосредственное руководство работами на местах возлагалось на Военные Советы округов. Была введена должность помощника командующего военного округа по укрепленным районам, на которую в ЗапОВО был назначен генерал-майор И.П. Михайлин. Коменданты укрепрайонов были освобождены от руководства строительными работами в своей полосе. Эти обязанности возлагались на начальника УНС (Управление начальника строительства). Распоряжением наркома обороны были созданы 25 Управлений начальника строительства (4 в полосе ЗапОВО), 140 стройучастков (22 в Западной Белоруссии), сформированы 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автомобильных батальонов. С апреля 1941 г. к строительству были привлечены 160 саперных батальонов стрелковых корпусов и дивизий, в том числе 41 саперный батальон из внутренних военных округов.

Для успешного выполнения плана в Западном округе дополнительно были сформированы 15 рот. В помощь им в мае 1941 г. из других округов прибыло 13 строительных и саперных батальонов, 4 автомобильных батальона. Кроме того, из состава войск округа к строительным работам было привлечено 35 саперных батальонов. В ходе строительства саперные батальоны корпусов строили узлы сопротивления УРОв, батальоны дивизий создавали противотанковые и противопехотные препятствия, а стрелковые батальоны занимались оборудованием районов обороны. На эти работы за несколько месяцев перед войной было привлечено по одному батальону - дивизиону от каждого стрелкового или ар-

тиллерийского полка, почти весь 33-й отдельный инженерный полк окружного подчинения.

Дополнительно к имеющимся на местах кадрам в ЗапОВО был направлен 181 инженер-строитель, окончивший высшие учебные заведения. В целях усиления технического контроля за качеством работ в округ выехали четыре специалиста кафедры фортификации и технологии материалов Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. В июне 1941 г. для инспекционной проверки фортификационного строительства на новой границе в Гродно прибыл крупнейший советский фортификатор генерал-лейтенант Д.М. Карбышев. Кроме военных, к оборонительному строительству в западных военных округах привлекалось большое количество гражданского населения. Весной 1941 г. в строительстве УРОв в Прибалтийском, Западном и Киевском особых военных округах ежедневно принимали участие почти 136 тыс. человек (в ЗапОВО - около 35 тыс.) [176, с. 50].

Основу каждого УРа составляли узлы обороны и опорные пункты из долговременных железобетонных огневых точек (ДОТ) и деревоземляных инженерных сооружений (ДЗОТ). Генеральным планом оборонительного строительства предусматривалось в 1940-1941 гг. завершить строительство и оборудование первой полосы узлов обороны и опорных пунктов укрепрайонов. В последующие годы (вплоть до 1945 г.) намечалось построить вторые полосы и окончательно оборудовать законсервированные укрепрайоны второй линии (на старой границе), находившейся в 200 - 320 км от первой - Полоцкий, Минский, Слуцкий и Мозырский [158, с. 27-28].

Из четырех УРОв, запланированных в ЗапОВО, Гродненский должен был быть наиболее мощным. По фронту в 80 км от р. Неман восточнее г. Солоткин и до г. Гоненца планировалось построить 606 ДОТов [29, с. 41].

Глубина обороны должна была составить 5 - 6 км и оперативно этот УР подчинялся командованию 3-й армии, штаб которой размещался в Гродно. Тут же находилось и Управление начальника строительства № 71 (УНС 71, начальник - полковник Соколов), которое руководило строительством 68 УРа. Для непосредственного строительства на местах были сформированы 6 строительных участков. К УНС 71 были прикреплены Августовский, Гродненский, Домбровский, Кнышинский, Скидельский, Соколовский и Солоткинский районы, местные власти которых должны были мобилизовать все ресурсы для оборонительного строительства [40, л. 124].

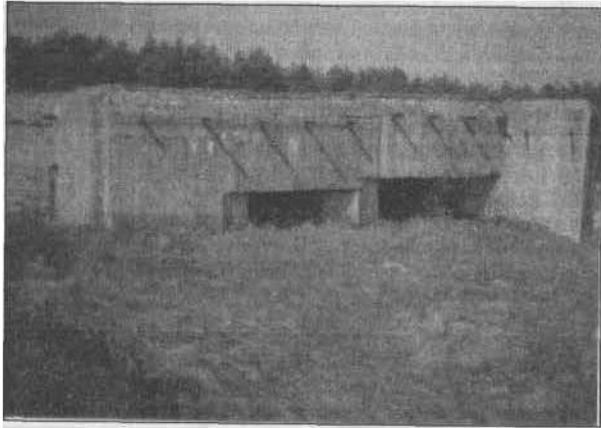
Летом 1940 г. в соответствии с приказом наркома обороны и командующего ЗапОВО от 6 июля началось строительство узлов обороны Гродненского укрепленного района (ГУР). Оперативно-тактическим назначением ГУРа было прочное прикрытие со стороны Восточной Пруссии района Гродно, обеспечивая совместно с полевыми войсками направление Гродно - Волковыск и Гродно - Белосток. В соответствии с рекогносцировкой планировалось возведение трех узлов обороны и двух отдельных опорных пунктов [132, л. 1]. В пояснительной записке к Генеральной схеме полосы предполья Гродненского укрепрайона отмечалось, что госграница перед фронтом УРа имеет крайне изогнутое очертание, чем объясняется неодинаковая глубина предполья на различных участках УРа. Так, перед фронтом узла обороны №1 (Головенчицы - Марковцы) она достигает 3 - 6 км (реально - 1 - 1,5 км. - СП.), на узле обороны №2 (Богатыри - Липек) - менее 1 км от границы и перед фронтом узла обороны №3 (Старая Каменная - Тирречки) и на Штабинском направлении глубина полосы предполья достигала 20 км. Отмечалось, что линия самой границы выгодным в тактическом отношении рубежом для обороны не является, за исключение очень немногих участков. В большинстве - это условная линия, проходящая через леса, перелески, мелкие речки и каналы. На своем протяжении она дважды пересекает систему Августовского канала, причем шлюзы, обеспечивающие спуск воды из Августовского озера в восточную часть канала, проходящую перед передним краем УРа, находятся в руках немцев, что делает затруднительным полноценное использование канала для заболачивания. Командант Гродненского укрепленного района полковник Н.П.Иванов заключил, что почти на всем своем протяжении линия госграницы является невыгодным рубежом, по которому можно было бы иметь передний край полосы обороны, тем более «что маскировка работ и готовых ДОТов была бы исключительно трудной, так как немцы построили и продолжают строить непосредственно у границы ряд наблюдательных вышек высотою до 50 м» [133, л. 3-4].

Непосредственным возведением и оснащением долговременных железобетонных оборонительных точек занимались военные — саперные, инженерные и специальные технические части. На подготовительных работах - отрывка котлованов, заготовка песка, щебня, полевого камня, леса и древесины, транспортные работы - широко использовалось местное гражданское население, которое выполняло трудовую и гужевую повинность.

Первыми в районе строительства опорного пункта устанавливались полевые бетонный и лесопильный (таррак) заводы. Затем в местах строительства ДОТов проводились маскировочные работы. Территория вокруг возводимого объекта обносилась колпачей проволокой, высоким забором и молодыми елками. Котлован под сооружение копался гражданским населением с использованием исключительно лопат и тачек. Одновременно к стройплощадке подвозились строительные материалы: доски, камни, щебень, песок и цемент. Все материалы складировались на расстоянии 100 м от площадки и непосредственно на стройплощадку транспортировались солдатами. Весь технологический процесс возведения долговременной огневой точки состоял из девяти циклов [136, л. 2-3].

Далее специальные работы производились саперными и инженерно-техническими подразделениями, а также гражданскими вольнонаемными специалистами, прибывшими из центральных районов СССР. На дно подготовленного котлована плотно укладывался 3 0-сантиметровый слой раздробленного полевого камня и щебня. На него заливался бетонный фундамент. Затем устанавливались опалубка и арматура, монтировались броневые короба под вооружение, после чего начиналось бетонирование ДОТа с одновременной установкой части внутреннего оборудования. По воспоминаниям участников строительства, процесс бетонирования продолжался непрерывно около двух суток. Делалось это для того, чтобы не происходило расслоение бетона, которое могло ослабить отпорность сооружения. «Как пойдет бетон, то перерыва быть не может, чтобы не было расслоения, тогда работали сутки, двое, а иногда и трое суток. Нас кормили прямо в машинах, спали только во время разгрузки бетона. Были специально приставлены люди, чтобы будить шофёров, уснувших во время разгрузки бетона, их в шутку называли будильниками. Выгрузка длилась минут 15, не больше. Когда ДОТ заканчивается, давали отдохнуть по 5 или 6 суток» [35, л. 7].

Бетон подвозился грузовиками с полевого бетонного завода. Броневые короба, стальные листы, вооружение и внутреннее оборудование привозились по железной дороге до станций Лососно и Новая Каменная и развозились по участкам на грузовиках. По железной дороге привозили также гранитный щебень из Волыни, Урала и Кавказа. Его использовали для строительства наиболее важных объектов. После затвердения бетона до необходимой кондиции опалубка снималась, монтировались вооружение и оборудование. На заключительном этапе наружные стены покрывались смолой, проводились обсыпка и маскировка готового оборонительного сооружения.

Гродненский УР. Орудийно-пулеметный полукалонир.
Фото С.Пивоварчика, А. Вата

Согласно Типовому списку оборонного строительства на 1940 г., утвержденному Генеральным штабом Красной Армии в июле 1940, в Гродненском УРе планировалось строительство 133 ДОТов на сумму 17 953 920 рублей [131, л. 8]. В 1941 - 275 объектов, большинство из которых должно было быть вооружено, оборудовано и замаскировано до 1 сентября 1941 г. [184]. Кроме этого, в систему УРа включались крепостные сооружения Гродно постройки 1913-1915 гг., которые должны были быть подготовлены к обороне к этому же сроку.

Полевые исследования, проводимые нами на местности, должны были выявить реальное состояние боеготовности Гродненского УРа, так как сведения, содержащиеся в литературе, разноречивы. В.А. Анфилов в монографии «Начало Великой Отечественной войны (22 июня - середина июля 1941 года): Военно-исторический очерк» пишет о том, что до 1 июня 1941 г. было построено 165 ДОТов, а к концу года планировалась постройка еще 373 [8, с. 37]. Эти же цифры находим и в книге «Третья армия. История. Люди. Подвиги» [167, с. 14]. В.А. Семидетко в статье «Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.)» называет другие цифры - к 1 июня 1941 г. построено всего 98 ДОТов, из них 42 были

в состоянии боеготовности [158, с. 28]. Этот же автор называет общее количество узлов обороны ГУР - 28. В выявленном нами донесении о выполнении плана оборонительных работ в укрепленных районах ЗапОВО за 1940 г. указано, что по Гродненскому УРу при плане постройки 91 долговременное сооружение, возведены были 98, что составило 107,7 % от плана. Однако боевое вооружение было установлено в 37 ДОТАх (40,66 % от плана), а внутреннее оборудование (средства наблюдения и связи, электрооборудование, фильтро-вентиляционная система) только в двух (таблица 1) [133, л. 34]. Аналогичная ситуация сложилась и в других укрепленных районах Западного особого военного округа (таблицы 2 — 5).

Таблица 1
Выполнение плана оборонительных работ
по Гродненскому УРу за 1940 год

№ п/п	Наименование работ	Гродненский УР		
		по плану	выполнено	% выполнения
1.	Боевые сооружения, шт.	91	98	107,7
	а) уложено основного ж/бетона, кб/м	34172	35252	103,16
	б) закончено 7 циклом, шт.	91	15	16,48
2.	Монтаж			
	а) боевого вооружения, шт.	91	37	40,66
	б) внутреннего оборудования, шт.	30	2	6,6
3.	Связь: воздушная, км	165/ 670	164,5/ 699	100/ 100
	Подземная, км	33	16,51	50,0
4.	Буровых скважин для водоснабжения шт.	8	4	50,0
5.	Препятствий			
	а) противотанковых рвов, км б) насыпей, км	15	1,5	10,0
6.	Полевое доусиление долговременных узлов обороны			
	а) дерево-земляных сооружений, шт.	-	-	-
	б) буто-бетонных соор., шт.	-	-	-
7.	Полевые узлы обороны:			
	а) дерево-земляные сооруж., шт.	119	121	101,0
	б) буто-бетонные сооруж., шт.			
8.	Препятствия:			
	а) дерево-земляные сооружения, шт.	192	200	104,18
	б) буто-бетонные, шт.	10	-	-
	в) противотанковые препятствия, км	20,5	0,5	2,5
	г) противопехотные препятствия, км	128	12,5	10,0

Таблица 2

Выполнение плана оборонительных работ по
Осовецкому УРу за 1940 год

№ п/п	Наименование работ	Осовецкий УР		
		по плану	выполнено	% выполнения
1.	Боевые сооружения, шт.	57	60	105,26
	а) уложено основного ж/бетона, кб/м.	227,87	255,23	112,0
	б) закончено 7 циклом, шт.	57	35	61,4
2.	Монтаж:			
	а) боевого вооружения, шт.	57	34	60,0
	б) внутреннего оборудования, шт.	73	36	49,3
3.	Связь: воздушная, км.	130/ 628	130/ 600	100/ 95,6
	Подземная, км.	20	10,5	52,5
4.	Буровых скважин для водоснабжения, шт.	11	11	100
5.	Препятствий			
	а) противотанковых рвов, км. б) надолб, км.	11,7	0,466	8,1
6.	Полевое до усиление долговременных узлов обороны			
	а) дерево-земляных сооружений, шт.	-	-	-
	б) буто-бетонных соор., шт.	31	19	61,3
7.	Полевые узлы обороны:			
	а) дерево-земляные сооруж., шт.	118	115	100
	б) буто-бетонные сооруж., птг.	-	3	
8.	Предполье:			
	а) дерево-земляные сооружения, шт.	83	144	173,5
	б) буто-бетонные, шт.		-	
	а) противотанковые препятствия, км.	53	11,5	22
	г) противопехотные препятствия	60	15,8	26,3

Таблица 3

Выполнение плана оборонительных работ по
Замбровскому УРу за 1940 год

№ п/п	Наименование работ	Замбровский УР		
		по плану	выполнено	% выполнения
1.	Боевые сооружения, шт.	51	54	105,7
	а) уложено основного ж/бетона, кб/м.	171,14	185,86	108,6
	б) закончено 7 циклом, шт.	51	-	-
2.	Монтаж:			
	а) боевого вооружения, шт.	51	27	53,0
	б) внутреннего оборудования, шт.	15	-	0
3.	Связь: воздушная, км.	105/ 374	105/ 374	100
	Подземная, км.	22,7	17,0	-
4.	Буровых скважин для водоснабжения, шт.	4	4	100
5.	Препятствий			
	а) противотанковых рвов, км б) надолб, км.	12,5	1,313	10,5
6.	Полевое до усиление долговременных узлов обороны			
	а) дерево-земляных сооружений, шт.	13	10	77
	б) буто-бетонных соор., шт.	7	7	100
7.	Полевые узлы обороны:			
	а) дерево-земляные сооруж., шт.	283	246	87
	б) буто-бетонные сооруж., шт.	-	-	-
8.	Предполье:			
	а) дерево-земляные сооружения, шт.	142	115	80,9
	б) буто-бетонные, шт.	32	25	78,0
	в) противотанковые препятствия, км.	44	39,3	91,0
	г) противопехотные препятствия, км.	38,5	19,8	50,0

Таблица 4

Выполнение плана оборонительных работ по
Брестскому УРу за 1940 год

№ п/п	Наименование работ	Брестский УР		
		по плану	выполн- ено	% выполнения
1.	Боевые сооружения, шт.	127	I2S	100,8
	а) уложено основного ж/бетона, кб/м	43208	41379	95,8
	б) закончено 7 циклом, шт.	127	5	3,8
2.	Монтаж:			
	а) боевого вооружения, шт.	127	45	35,4
	б) внутреннего оборудования, шт.	45	2	4,4
3.	Связь: воздушная, км.	306/ 1526	306/ 1526	100
	Подземная, км.	25	8	
4.	Буровых скважин для водоснабжения, шт.	7	7	100
5.	Препятствий			
	а) противотанковых рвов, км. б) надолб, км.	15,0	0,200	14,66
6.	Полевое до усиление долговременных узлов обороны			
	а) дерево-земляных сооружений, шт.	210	174	82,8
	б) буто-бетонных соор, шт.			
7.	Полевые узлы обороны:			
	а) дерево-земляные сооруж., шт.	95	95	100
	б) буто-бетонные сооруж., шт.	-	-	-
8.	Предполье:			
	а) дерево-земляные сооружения, шт.	193	214	110,9
	б) буто-бетонные, шт.			
	в) противотанковые препятствия, км.		-	-
	г) противо-пехотные препятствия, км.			

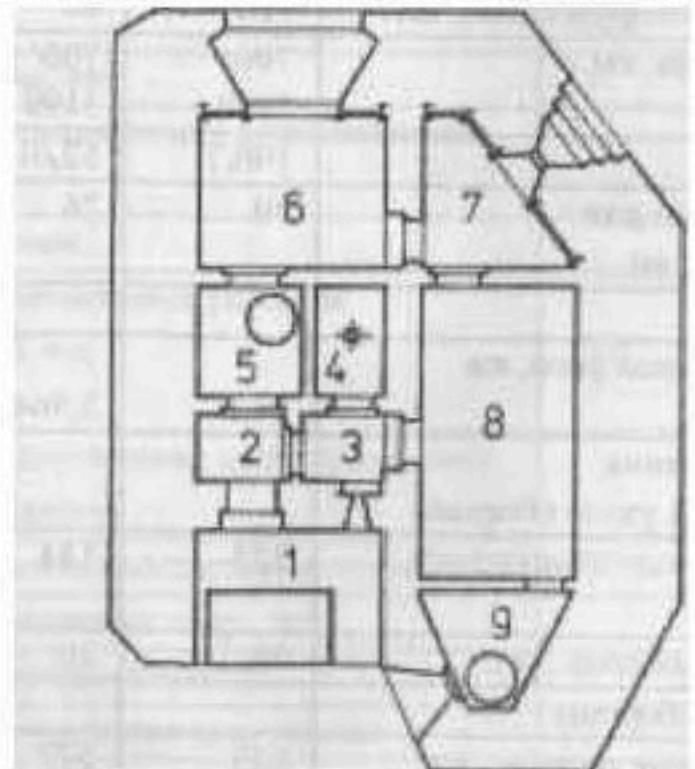
Таблица 5

Выполнение плана оборонительных работ в
укрепленных районах ЗапОВО за 1940 год

№ п/п	Наименование работ	По Западному особому военному округу		
		по плану	выполнено	% выполнения
1.	Боевые сооружения, шт:	326	340	104,3
	а) уложено основного ж/бетона, кб/м	117281	120740	102,9
	б) закончено 7 циклом, шт.	326	55	16,8
2.	Монтаж:			
	а) боевого вооружения, шт.	326	143	43,8
	б) внутреннего оборудования, шт.	163	40	24,5
3.	Связь: воздушная, км.	706/ 2998	706/ 3199	100/ 106,8
	Подземная, км.	100,7	52,01	52
4.	Буровых скважин для водоснабжения, шт.	30	26	80,6
5.	Препятствий			
	а) противотанковых рвов, км. б) надолб, км.	54,2	3,964	7,3
6.	Полевое до усиление долговременных узлов обороны			
	а) дерево-земляных сооружений, шт.	223	184	82,5
	б) буто-бетонных соор, шт.	38	26	68,4
7.	Полевые узлы обороны:			
	а) дерево-земляные сооруж., шт.	615	577	93,8
	б) буто-бетонные сооруж., шт.	-	3	-
8.	Предполье:			
	а) дерево-земляные сооружения, тт.	610	673	110,3
	б) буто-бетонные, шт.	42	25	59,5
	в) противо-танковые препятствия, км.	120,2	51,3	42,7
	г) противо-пехотные препятствия, км.	226,5	48,1	21,3

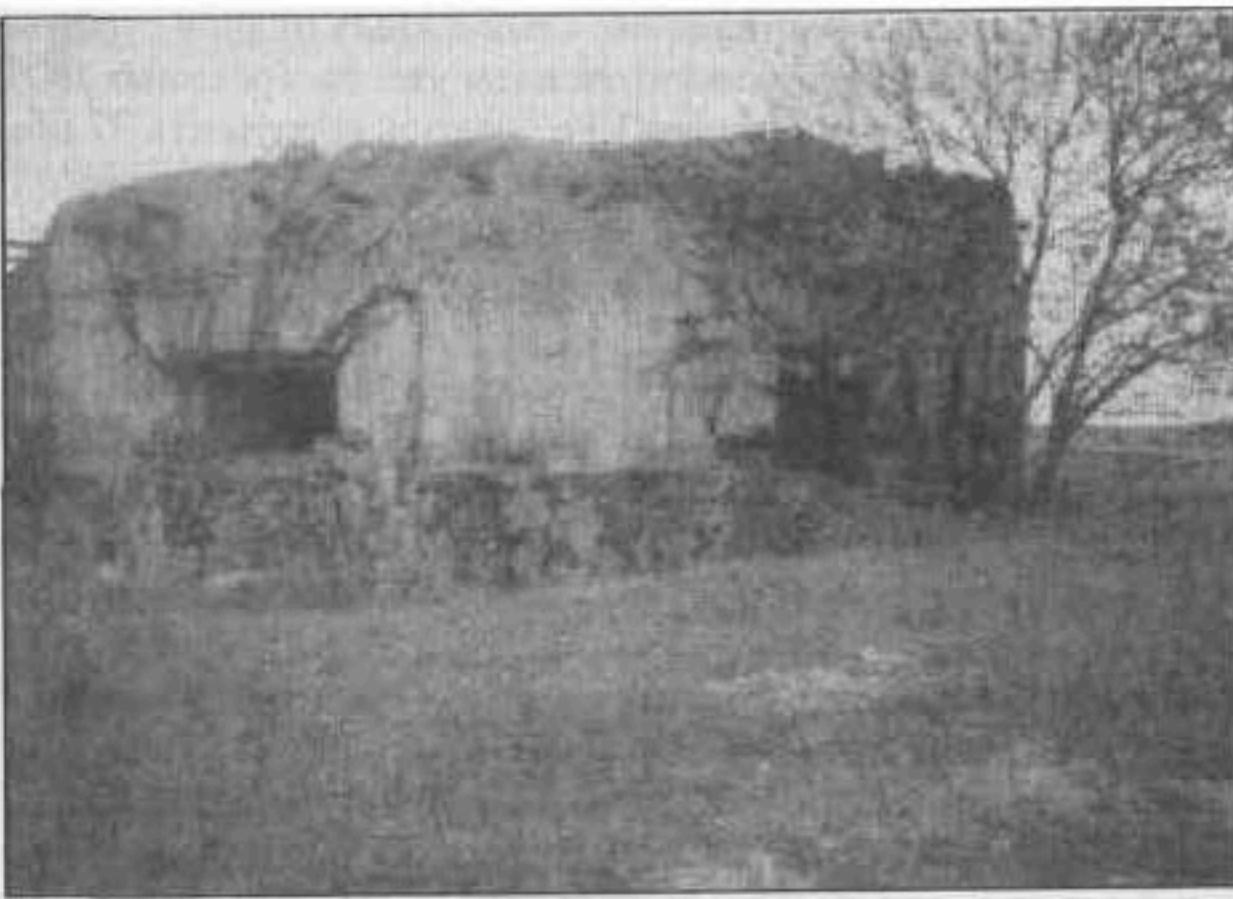
Таким образом, архивные материалы свидетельствуют о том, что планы строительства и реальное выполнение значительно отличались и корректировались на протяжении второй половины 1940 г.

В результате полевых исследований, проведенных на территории Польши и Беларусь, удалось идентифицировать 168 ДОТов различного типа (в том числе 7 наблюдательных и 3 каменно-бетонных), а также не менее 20 начатого строительства. В это количество входят все объекты, в которых было закончено бетонирование, но другие циклы строительства находились на разных стадиях завершения. Объектов, строительство которых началось, было, конечно, значительно больше, однако в послевоенное время часть котлованов под ДОТы были засыпаны в результате хозяйственной деятельности, а единичные объекты были разобраны местным населением на строительные материалы. Такие факты зафиксированы во время опроса местного населения в районе строительства фортификаций, как на польской, так и белорусской стороне [234, с. 134-135].

Гродненский УР. Орудийно-пулеметный ДОТ. Рис. А. Вапа, С. Пивоварчика

- 1 - тупик (сквозник);
- 2 - первый противохимический тамбур;
- 3 - второй противохимический тамбур с амбразурой обороны входа;
- 4 - командирский каземат с перископом и радиостанцией;
- 5 - помещение с колодцем;
- 6 - боевой каземат для 45 мм орудия (система ДОТ - 4);
- 7 - боевой каземат для пулеметной установки НПС - 3;
- 8 - помещение для гарнизона и агрегатная (отсутствует стена между помещениями);
- 9 - боевой каземат для обороны входа и аварийный выход

Гродненский УР. Орудийно-пулеметный ДОТ. Фото А. Вапа, С. Пивоварчика

Таким образом, на настоящее время в результате полевых исследований удалось провести инвентаризацию долговременных оборонительных сооружений ГУРа, выяснить систему обороны отдельных узлов и пунктов, идентифицировать 192 объекта. В целом отдельные типы объектов 68-го Гродненского укрепленного района можно представить следующим образом:

•котлованы под ДОТ	20	(10,41 %)
•ДОТы флангового действия	56	(29,16 %)
•ДОТы фронтального действия	99	(51,56 %)
•ДОТы наблюдательные	7	(3,64 %)
ДОТы бетонно-каменные	3	(1,56 %)
•ДОТы не установленного типа	3	(1,56 %)
•другие объекты (полевые заводы)	4	(2,08 %)

В связи с большим объемом оборонительного строительства промышленность не успевала обеспечить стройматериалами и оборудованием. Из-за недостатка строительных материалов и механизмов, вооружения для ДОТов, коробов амбразур и другого оборо-

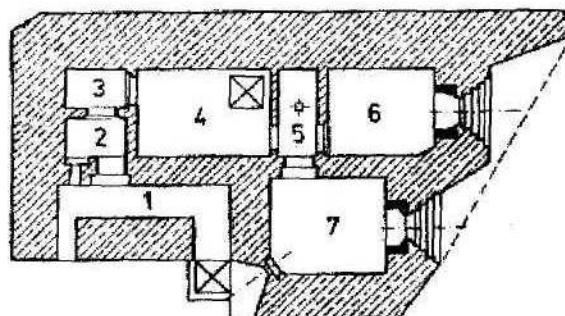
дования тормозилось выполнение намеченных планов строительства.

Плохо обстояло дело с вооружением уже построенных ДОТов. До конца 1940 г. в Гродненском УРе удалось вооружить 37 объектов.

В 1941 г. получили вооружение все сооружения прошлого года и единичные постройки 1941 г., причем большинство из них получили только часть вооружения. В результате полевых исследований удалось

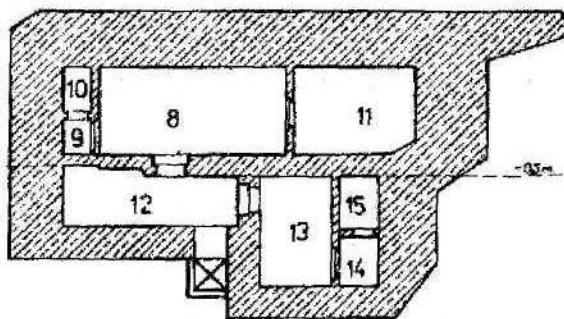
установить, что на вооружении долговременных сооружений ГУРа были следующие системы: 76-мм казематная артиллерийская система Л-17 образца 1940 г. с пушкой Л-11 и оптическим прицелом КТ-4. Система была принята на вооружение в 1939 г. и первые образцы поступили на вооружение УРОв в 1940 г. Такое вооружение получило большинство артиллерийских ДОТов 68 ГУРа. Не менее распространенной уровской системой была ДОТ-4, которая состояла из 45-мм пушки образца 1934 г. спаренной с 7,62-мм пулеметом ДС и снабженная оптическим прицелом КТ-1. Система была разработана в 1938 г., прошла полигонные испытания и была принята на вооружение в 1939 г. В том же году было произведено 324 штуки, на 1940 г. заказано на заводе 500 экземпляров, а на 1941 г. - еще 1700 [187, с. 890-896]. В современной литературе предмета исследования утверждается, что в укрепрайонах, которые строились на западной границе СССР в 1940-1941 гг., долговременные оборонительные сооружения с артиллерийским вооружением составляли 46-48% от общего количества [55, с. 186; 176 с 51]. Наши исследования показали, что этот процент в ГУРе был выше. Из 168 построенных огневых точек в 108 (64,29 %) установили или должны были установить артиллерийское или пулеметное вооружение,

жение, в 47 (27,98 %) только пулеметное. Необходимо отметить в данном случае, что огневые точки с артиллерийским вооружением, позволяющим поражать бронетанковую технику противника, были размещены неравномерно. Там, где предполагался главный удар противника, процент ДОТов с артвооружением был большим. В 1941 г. советское командование считало, что в полосе 3-й армии наиболее опасным направлением является Сопоцкин-Гродно. Поэтому в районе Сопоцкина процент ДОТов с артиллерийским вооружением составил 71,64 (48 объектов из 67 построенных).

Гродненский УР. Артиллерийский полукапонир. Верхний этаж.
Рис. А. Вала, С. Пивоварчика.

- 1 – тупик (сквозник);
- 2 – первый противохимический тамбур;
- 3 – второй противохимический тамбур;
- 4 – каземат с входом на нижний этаж;
- 5 – командирский каземат с перископом и радиостанцией;
- 6–7 – боевые казематы для 76 мм орудия (установка Л-17)

Артиллерийский полукапонир. Нижний этаж.
8 – убежище; 9 – умывальник; 10 – уборная;
11 – склад боеприпасов; 12 – фильтровентиляционная установка;
13 – агрегатная; 14 – колодец; 15 – склад

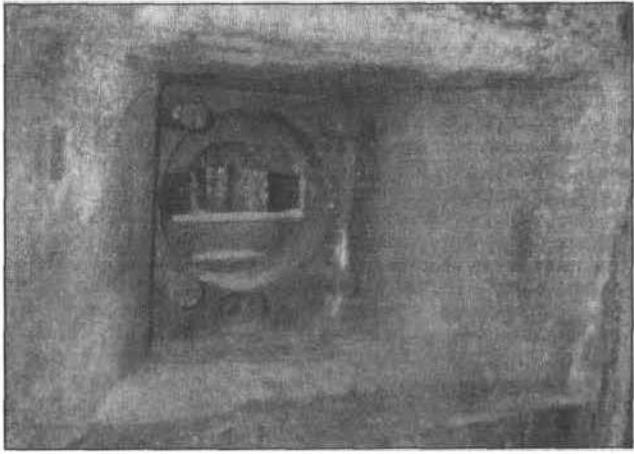

Гродненский УР. Артиллерийский полукаронир. Установка Л. - 17.
Фото А. Вапа, С. Пивоварчика

Гродненский УР. Артиллерийский полукаронир. Фото А. Вапа, С. Пивоварчика

Кроме артиллерийских систем, на вооружении укрепрайона состояли 7,62-мм пулеметы «Максим» образца 1910/30 гг. на казематном лафете и 7,62-мм пулеметы «ДС» образца 1939 г. По воспоминаниям генерала К.Н.Галицкого, всего в ДСТах 68 ГУРа перед началом войны было установлено около 300 пулеметов, 80 артсистем калибра 45-мм и 20 пушек калибра 76-мм. Чтобы как-то исправить ситуацию, командующий 3-й армией генерал-лейтенант В.И.Кузнецов приказал: в долговременных оборонительных точках, где закончено бетонирование и нет специального вооружения, установить тяжелые станковые пулеметы системы «Максим» и полевые орудия [32, с. 23].

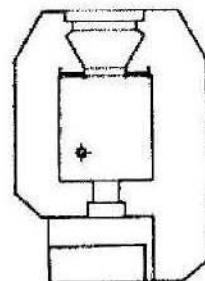
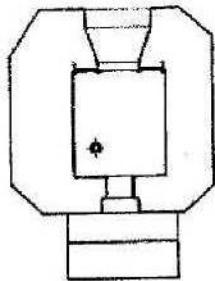
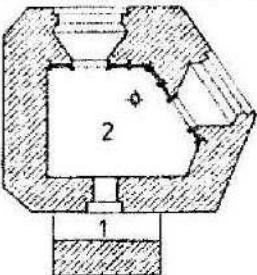
Амбразура ДСТа для монтажа пулеметной установки НПС - 3.
Фото А. Вапа, С. Пивоварчика

Аналогичное положение было и с внутренним оборудованием объектов: не хватало перископов, бензоэлектрических агрегатов, водяных насосов, противохимического оборудования и вентиляторов, оборудования связи. Еще хуже обстояло дело с маскировкой объектов: большинство из них не имели земляной обсыпки, а те, которые имели, не были задернованы и замаскированы сеткой и древесными насаждениями.

Гарнизон Гродненского укрепрайона состоял из Управления коменданта, 232-й отдельной роты связи, 9-го и III-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальона (ОПАБ). В 1940 г. Управление коменданта подчинялись также четыре саперных и один инженерный батальоны, но в самом конце того года они были выведены из подчинения коменданта УРа и подчинялись непосредственно инженерному отделу штаба 3-й армии. Личный состав Гродненского УРа был переведен сюда из Полоцка, после того как в сентябре 1940 г. Полоцкий УР был расформирован. Комендантом Гродненского укрепрайона до начала войны был полковник Н.П.Иванов. 9-й отдельный пулеметный батальон под командованием капитана Жильи занимал позиции в обороны узле обороны №2 (Солоцки). Этот узел прикрывал самое важное направление на Гродно, поэтому работы тут велись наиболее интенсивно. 10-й ОПАБ под командованием капитана Лупкова занимал позиции от д.Доргунь на правом фланге до д.Долистово на левом. В связи с тем, что участок обороны 10 ОПАБа был очень растянут (примерно 50 км), перед началом войны на самый левый фланг укрепрайона (в район деревни Триречки, теперь территория РП) была направлена вторая рота 9-го ОПАБа [126].

Боеготовность укрепленных районов снижалась из-за неукомплектованности постоянных гарнизонов, а также из-за того, что части укрепрайонов мало обучались в ДОТах. До 1940 г. уровские части содержались в составе 25 % от штата военного времени. В 1940 г. были приняты меры к укомплектованию частей и подразделений укрепленных районов личным составом. Кроме уже имевшихся частей, планировалось сформировать части и подразделения общей численностью 136 744 человека. В начале июня 1941 г. на учебные сборы из запаса были призваны 800 тыс. человек, из которых 38,5 тыс. были направлены в укрепленные районы. В постановлении СНК СССР «Об укрепленных районах» от 4 июня 1941 г. было признано необходимым в период с 1 июля по 10 октября 1941 г. сформировать дополнительно 110 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов (ОАПБ), а также другие подразделения для УРов (артиллерийско-пулеметные роты, артдивизионы и батареи, роты связи и саперные роты) [59, с. 313]. Для четырех УРов на новой границе в ЗапОВО предполагалось сформировать 30 ОАПБ. Для Гродненского укрепленного района должны были быть сформированы дополнительно еще 6 ОАПБ, которые заняли бы новые опорные пункты после окончания их строительства. Начало войны не позволило завершить процесс строительства и формирования Грод-

ненского укрепленного района, поэтому он не выполнил тех функций, которые на него возлагались. Тогда же выявился просчет советского командования в строительстве укрепленных районов на новой Государственной границе. Отсутствие предполя, отдаленность дислокации полевых войск, некомплект уровских частей и быстрое наступление немецких войск привели к тому, что значительная часть построенных ДОТов осталась пустой. Те же, которые советские солдаты успели занять, немцы обошли, блокировали и, несмотря на героическое сопротивление защитников, постепенно уничтожили. По воспоминаниям участников боев, гарнизоны некоторых ДОТов сражались до 27 июня.

Гродненский УР. Типы упрощенных ДОТов. Рис. А.Вала, С.Пивоварчика

62-й Брестский УР (БУР) был одним из самых больших по протяженности на новой границе. После того как в его состав был включен Семятинский участок Замбровского УРа, протяженность БУРа по фронту составляла около 120 км - от станции Бернады южнее Бреста до г. Семятчи на северо-западе. В нем предполагалось строительство десяти узлов обороны с 380 долговременными сооружениями [168, с. 74]. Первая позиционная линия УРа строилась по восточному берегу р. Западный Буг и воспроизводила начертание ее русла. В июне 1941 г. строительство в глубину этого района еще не начиналось. Полоса предполья, вследствие того, что сооружения строились по берегу реки, не создавалась, за исключением в районе г. Дрогичина, где по условиям местности ДОТы строились на некотором удалении от берега. По разным источникам, к 22 июня 1941 г. было забетонировано 128 или 168 долговременных оборонительных точек [155, с. 45; 176, с. 53]. По свидетельству Л.М.Сандалова, в некоторые забетонированные сооружения монтировалось вооружение, присланное из Мозырского УРа. К началу войны в боевой готовности (с гарнизоном, оружием и боеприпасами, но без технических средств связи) имелись 23 долговременные огневые точки: 8 в районе Бреста, 3 - южнее Бреста, 6 в районе Дрогичина и 6 в районе Семятчей [155, с. 45].

В 62-й УР входило три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона (ОПАБ): 16-й, 17-й и 18-й, которые были передислоцированы сюда из Мозырского УРа. Наиболее технически подготовленными были узлы обороны на северо-западе довоенной Брестской области (ныне - Польша): деревни Путковицы - г. Дрогичин на Буге и район г. Семятчи. Их занимали воины 16-го и 17-го ОПАБов. 18-й батальон располагался на участке границы от южных пригородов Бреста: деревни Гершоны, Бернады, Митьки с опорой на старый форт литературный «З», далее через Волынское и Тереспольское укрепления и деревни Речица и Козловичи с опорой на старые форты «Граф Берг», № 1 и литературный «А». На много-километровом разрыве между Брестом и северо-западными узлами обороны имелся всего один опорный пункт в районе д. Орля — Новоселки (Каменецкий район), который занимала 3-я рота 18-го ОПАБ. В Бресте находились штаб 62-го УРа (комендант - генерал-майор М.И.Пузырев) и 74-е Управление начальника строительства (начальник - майор инженерных войск В.А.Яковлев). В военном городке «Красные казармы» размещался штаб 18-го ОПАБа. Здесь же находилась и учебная рота, в деревнях Верховиця-245-я рота связи, Башки - 18-я отдельная саперная рота. В состав 74

УНС входили пять строительных участков, которые размещались: №16 - Высокое, №18 - Волчин, №20 - Дрогичин, №21 - Брест, №22 - Семятчи. Перед самой войной, 21 июня штаб УР перебазировался в г.Высокое.

Как и в других укрепленных районах на новой границе, в Брестском УРе не хватало вооружения, боеприпасов, средств связи, многие построенные ДОТы не были оборудованы и вооружены, не были установлены энергоагрегаты и воздухоочистительные установки, отсутствовали источники водоснабжения. Как вспоминают бывшие командиры и бойцы УРа, в подразделениях накануне войны был значительный некомплект личного состава, особенно артиллеристов. В соответствии со штатно-должностным расписанием в 62-м УРе к 1 мая 1941 г. насчитывалось 975 человек, к 1 июня - 1244. Для 62-го УРа предполагалось сформировать еще три отдельных пулеметных и три отдельных пулеметные роты [17, с. 333-358].

Одной из главных проблем для республиканских и местных органов было обеспечение спецстроительства на западной границе СССР рабочей силой. Спецстроительство осуществлялось по двум ведомствам - Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Народного комиссариата обороны (НКО). НКВД занималось строительством аэродромов, УРы возводились по линии НКО. Анализ архивных материалов и воспоминаний очевидцев показывает, что обеспечение массовой рабочей силой объектов оборонного строительства проходило за счет: 1) комсомольских батальонов, специально сформированных из молодежи преимущественно восточных областей БССР; 2) строительных батальонов - полувоенных подразделений, сформированных из призванных из запаса военнообязанных; 3) местного населения, отбывающего трудовую и гужевую повинности; 4) заключенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей; 5) регулярных воинских частей. Для выполнения гигантских планов спецстроительства на западной границе СССР партийные, советские и военные органы широко применяли командно-административные меры формирования, управления и использования больших людских ресурсов.

Комсомольские батальоны приступили к военному строительству одними из первых. Уже в конце весны 1940 г. первые комсомольские батальоны прибыли для работ по возведению новых укрепленных районов в «Белостокском выступе». Формирование батальонов проходило с большими трудностями. В записке младшего техника в/ч 9384 Фурмана, прибывшего в Барановичскую область для организации набора рабочей силы, отмечалось, что при

плане формирования батальона в ВОО человек удалось завербовать 272 [82, л. 97]. Причинами невыполнения задания были следующие: «1) наличие в области большого количества выходцев из партий фашистского направления, которым НКВД не выдает пропуска. По Клецкому району из 60 человек, прошедших через комиссию, пропуска получили только 6 человек; 2) большое количество объектов работы непосредственно в области (строительство аэродромов, шоссейных дорог, топоразработки); 3) ранее проведенные большие вербовочные работы в восточные области СССР и проведение этих работ в настоящее время; 4) совпадение вербовочных работ с сельскохозяйственными» [82, л. 97].

Несмотря на название, состав комсомольских батальонов был разнообразным. В батальоне, который прибыл на строительство 62-го Брестского укрепленного района из Гомельской области, числились 805 человек, из которых 344 комсомольца, остальные беспартийные. Среди рабочих 150 человек были несовершеннолетними (16-17-летние) и несколько стариков 60 - 63 лет. Кроме этого, имелся ряд людей «совершенно неблагонадежных, судимых и имеющих репрессированных родителей и родственников», а также двое немыых и один глухой [78, л. 25-26].

По прибытии на места работы батальоны столкнулись с плохой организацией труда, быта, оплаты, отсутствием внимания со стороны руководства. Для того чтобы выполнить план поставки рабочей силы, советские органышли на различные ухищрения. Самым распространенным было обещание отличных условий работы и быта. Группа комсомольцев из г. Сняжево отмечала в своей жалобе в Центральный комитет Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии (стиль документа сохранен): «Перед отправкой в райкомах комсомола говорили об условиях, где было сказано: 1) комсомольцам, приехавшим на работу, представляют жилые помещения; 2) выдача спецодежды; 3) обеспечение полностью харчами; 4) культорганизование и баня» [81, л. 102]. Аналогичное явление отмечалось и в гомельском батальоне. В Гомельском обкоме ЛКСМБ при вербовке рабочей силы обещали, что все рабочие будут зачислены на красноармейский лаек и обмундирование. Вследствие этого большое количество рабочих приехали полуоголые и босые с настроением, что их бесплатно обеспечат всем необходимым [78, л. 26]. В реальности они столкнулись с другими условиями.

В конце июня 1940 г. заведующий военным отделом Столбковского райкома Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии Зусманович проверил состояние бытовых условий и куль-

турно-массовой работы комсомольского батальона в/ч 9604, расположенного в д. Тартак Столбковского района. В докладной записке в военный отдел Белостокского обкома КП(б)б он сообщал (стиль документа сохранен): «При проверке установлено, что вопросом улучшения бытовых условий комсомольского батальона командир занимается недостаточно. Так постельное белье в течение месяца не менялось и не стиралось, мотивируя тем, что не было смены постельного белья. Дезинфекция и полной санобработки в течение месяца не проводилось. В результате имеет место вшивость.

Характерно то, что командир батальона заявил «мы вопросом стирки белья не будем заниматься, каждый получил простыню и наволочку, пускай сам стирает». В течение 29 июня 1940 г. проводится дезинфекция и полная санобработка всего батальона, после чего всем выдается постельное белье, получено трофейное и по заявлению комбата всем будет заменено постельное белье. Плохо обстоит дело с учетом работы и выплатой зарплаты. Комсомольцы работают с 25 мая, и расчет получили только по 1 июня 1940 г., а за первую половину июня до сегодняшнего дня расчет еще не получили, и никто не знает, сколько он заработал, и только 29 июня им выдали аванс за счет зарплаты. На вопрос, почему не дают расчет за первую половину месяца, комбат ответил «бухгалтерия не подсчитала еще». Плохой учет работы и задержка с выплатой зарплаты вызывает недовольство со стороны комсомольцев.

Спецодежда в батальоне выдана только отдельным комсомольцем, а остальные не получили. В батальоне имеют место частые случаи краж и хулиганство. Питание организовано плохо, качество обедов не хорошее, в столовой грязно, ложку каждый носит с собой в кармане, во время обеда очередь, толкотня и шум. Ларек при батальоне организован, но на сегодняшний день недостаточно обеспечивает комсомольцев напечальным бельем, трусами, майками, трикотажем, ботинками и другими товарами.

Общественно-массовая работа проводится недостаточно, не организованы кружки по сочлененным нормам на значок ПО I ступени, на значок ПВХО и ВС, не организованы хоровые, драматические и другие кружки. Регулярно проводятся политинформации и беседы по международным и внутренним вопросам» [42, л. 4]. На документе имеется приписка, что по договоренности с секретарем райкома на бюро будет заслушан доклад о состоянии комсомольских батальонов и приняты меры. Однако, по всей видимости, принятые меры остались на бумаге, поскольку в октябре 1940 г. аналогичная ситуа-

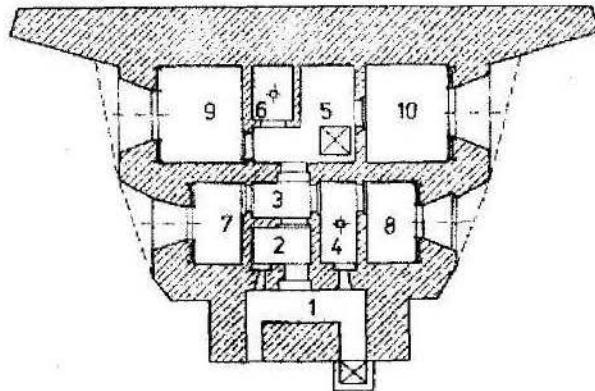
ция сложилась и на участке З І в имени Свяцк Гурских того же района, где комсомольский батальон насчитывал 230 человек. Тут рабочие жили в грязном бараке, «то вечерам света не бывает, культурно-массовая работа поставлена плохо, в баню комсомольцев водят редко, в результате чего имеется много вшивости, воровство, игра в карты. На участке спецстроительства был один случай, когда рабочий Лычигин Иван Екимович попал в машину камнедробилку и погиб насмерть, этим самым настроение у комсомольцев было не здоровое, они заявляют, что мы здесь гибнем» [41, л. 147-148].

Комиссия, проверявшая работу комсомольских отрядов на спецстроительстве в Сопоткинском и Снядовском районах пришла к выводу, что материально-бытовые условия в комсомольских батальонах являются не нормальными. Чтобы навести элементарный порядок на участке, по мнению проверяющих, необходимо было «довести до сведения Обком партии и Обкома ЛКСМБ администрацию участков и командование батальонов о имеющихся недостатках, в особенности наладить вопрос бытовых условий и особо обратить внимание на улучшение постановки политико-массовой и культурной работы среди рабочих и комсомольцев» [41, л. 147-148].

Нельзя сказать, что республиканскими и областными органами не принимались решения, направленные на улучшение работы и быта людей, работающих на военном строительстве. Однако многие решения оставались на бумаге. Советская промышленность неправлялась с производством необходимых товаров в достаточном объеме. Так, например, секретарь Брестского обкома КП(б)Б Дружинин отмечал «Областной здравотдел не в состоянии обеспечить участки необходимыми медикаментами из-за отсутствия таковых» [78, л. 30].

Весной 1941 г. активизировались работы на строительстве УРОв и аэродромов, что привело к усилению командных форм привлечения рабочей силы к оборонительным работам. 22 февраля 1941 г. Совет Народных Комиссаров БССР и Центральный Комитет КП(б)Б приняли совместное Постановление «Об обеспечении оборонительного строительства Западного особого военного округа». Оно обязывало исполнкомы и обкомы Брестской, Белостокской, Барановичской, Пинской и Вилейской областей обеспечить организованный набор рабочей силы и гужевого транспорта и направить в распоряжение начальников строительства №71, 72, 73, 74. По Брестской области количество рабочих должно было составить 9000 человек, Белостокской и Барановичской - по 4000, Пинской и Вилейской — 2000. Вместе с этим Белостокская область должна была для УНС

71, 72, 73 на период с 1 мая по 1 декабря 1941 г. направлять 900 подвод ежедневно. Руководителям Белкоопсоюза и Наркомздрава Белоруссии поручалось организовать сеть торгового и медицинского обслуживания рабочих в местах, указанных инженерным управлением ЗапОВО, а за организацию полигруппового и культурного обслуживания ответственность возлагалась на облисполкомы и обкомы [79, л. 39-41].

Гродненский УР. Орудийно-пулеметный капонир. Верхний этаж.
Рис. А. Вала, С. Пивоварчика

- 1 - тупик (сквозник);
- 2 - первый противохимический тамбур с амбразурой обороны входа;
- 3 - второй противохимический тамбур;
- 4 - командирский каземат с перископом, радиостанцией и амбразурой обороны входа;
- 5 - помещение с выходом на нижний этаж;
- 6 - наблюдательный пост с перископом;
- 7 - 8 - боевые казематы для пулеметных установок НПС - 3;
- 9 - 10 — боевые казематы для 45 мм пушек спаренных с пулеметами (установка ДОТ - 4)

В свою очередь обкомы и облисполкомы принимали соответствующие нормативные акты, которыми конкретизировали принудительное привлечение населения на оборонительные работы. Белостокские исполнком Совета депутатов трудящихся и комитет КП(б)Б 28 февраля 1941 г. приняли совместное постановление, в котором обязывали председателей исполнительных комитетов рай-

онных Советов депутатов грудящихся и секретарей районных комитетов партии под их личную ответственность провести организованный набор рабочей силы и гужевого транспорта и направить в распоряжение начальников управлений строительства в количестве и сроки, указанные в прилагаемом расчете [37, л. 31-39].

Однако «организованный набор рабочей силы и транспорта» в размерах, определенных постановлением, произвести не удалось. Чтобы усилить приток рабочей силы на оборонительное строительство, СНК БССР и ЦК КП(б) 8 марта 1941 г. приняли постановление «О введении платной трудовой и гужевой повинности на оборононном строительстве». Для реализации этого постановления белостокские власти приняли 11 марта свое постановление, которое было подобно принятому ранее от 28 февраля, только более конкретное в сроках и степени ответственности. В нем, в частности, говорилось, что привлекаемые в порядке труд- и гужевинности должны отработать в период указанного времени: каждый рабочий не свыше 10 дней, каждая подвода с возчиком не свыше 8 дней, а за исполнение от повинностей и за невыполнение обязательных заданий по оборонительному строительству виновные привлекаются к ответственности. Далее указывалось на необходимость создания культурно-бытовых условий и медицинского обслуживания строительных рабочих. Персональная ответственность за выполнение мероприятий данного постановления возлагалась непосредственно на первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Они же должны были ежедневно получать от начальников УНС сводки о количестве людей, вышедших на строительство, и информировать облисполком и обком [44, л. 122-123].

О том, как выполнялось данное постановление, свидетельствует справка «О ходе выполнения обязательств по трудгужевинностям на УНС № 71 - Гродно», составленная инструктором военного отдела обкома партии Заболотным 25 марта 1941 г., т.е. через две недели после принятия документа. Инструктор сообщал, что вручение обязательств по всем проверенным им районам - Гродно, Столбцы, Домброво и Августов - довоились с опозданием и в основном было закончено 17 марта (срок, определенный постановлением, - 13 марта). Выход подвод и пеших не был в достаточной мере организован.

В ходе проверки были выявлены следующие недостатки (стиль документа сохранен): «*1. К моменту приезда в районах Столбцы и Домброво не были еще выделены ларьки для обслуживания крестьян. (По этому вопросу договорились на месте с районпредсекретарями и начальниками участков.)*

2. Имеются факты нерационального использования подвод, то есть встречная отправка подвод из одного в другой район, так, например: гродненские и домбровские крестьяне отправляются в сельсовет Кольчицы Августовского района, а крестьяне этого же

Кольчического сельсовета отправляются в Липск Столбецкого района.

3. На участке № 33 Липск нач. стройучастка майор тов. Романовский договорился с председателем Липского сельсовета, что бы последний до 20 марта подвод и пеших ему не выделял, так как он не готов их принимать.

4. На участках Штабин и Липск есть жалобы со стороны крестьян, что у них иногда не принимают камень, который они сами собирают и возят за 12-15 км.

5. На участке Домураты группа крестьян Керсновского сельсовета были отправлены обратно от того, что они прибыли на работу в 12 часов.

6. По Августовскому району основная масса подвод выезжает в парной упряжке (по паре лошадей). На участках их учитывает как одна подвода. Фактически выполнение конедней по Августовскому району значительно больше.

7. На участках недостаточно точно ведется учет рабочей силы и подвод, так имеются случаи когда участки в своих сведениях показывают меньше подвод, чем в действительности. Такой факт установлен в Августовском районе - Полунский сельсовет.

8. На участках Липск, Штабин и других недостаточно четко организован прием материалов, камень и др. в результате чего получаются очереди и простой подвод» [44, л. 123-124].

Необходимо отметить, что с трудностями мобилизации рабочей силы на оборонительное строительство столкнулись и другие приграничные республики. Проблема решалась союзными органами типичными командно-административными методами. 24 марта 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О введении платной трудовой и гужевой повинности на закрытом строительстве» [40, л. 139].

Этот документ наделял советские и партийные органы союзных республик и областей правом определять размеры платной трудовой и гужевой повинности населения и фактически оформил и закрепил то, что на местах уже было сделано. Постановление от 24 марта 1941 г. стало основой работы республиканских и областных органов власти по обеспечению военных объектов рабочей силой перед войной. Сводки о количестве посланных людей и подвод регулярно поступали командованию УНС, а также в обкомы и облисполкомы.

полкомы. Эта информация свидетельствовала о том, что практически каждый день на спецстроительство выходило рабочей силы меньше, чем требовалось (таблица 6).

Таблица 6
Ведомость выхода гражданского населения на строительство
УРОв по Управлениям Начальников Строительства ЗапОЕЮ
за 14 дней мая-июня 1941 года

УНС		По плану ежедневно	Итого за 14 дней	Требуется по плану	% выполнения
71 Гродно	Рабочих подвод	3600 4200	14286 17165	50400 58800	26,3 30,0
72 Ломжа	Рабочих подвод	3100 3000	24907 14595	43400 42000	49,7 34,7
73 Замбров	Рабочих подвод	2900 2286	21851 26423	40600 31920	53,8 79,0
74 Брест	Рабочих подвод	990 760	6907 4152	13860 10640	49,0 39,0
Всего	Рабочих подвод	10590 10240	67953 62335	148260 143360	44,4 43,7

Как показали дальнейшие события, из-за огромного объема работ промышленность не успевала в намеченные сроки обеспечить всем необходимым строительство УРОв. Создание новых укрепленных районов в округах было в «*полном провале из-за отсутствия материалов, транспорта и механизмов*» [176, с. 51].

Во время работ на спецстроительстве местное население сталкивалось с явлениями, которые были типичными для советской командно-административной системы: грубое администрирование, самовольство и нарушения законности, плохая организация работы и быта, задержки выплаты денег, бесхозяйственность, идеологическая обработка. В донесениях и докладных записках в местные партийные и советские органы факты такого рода приводятся практически по всем 23 районам Белостокской области. Так, в Граевском районе военным командованием были наиманы граждане с 900 подводами для перевозки лесоматериалов. По окончании работ оплата была произведена за 500 подвод. Широкий резонанс приобрел факт самовольного насилиственного изъятия у жителя Ломжинского района Хрустовского 180 м куб. камня. Причем беззаконие осуществлялось представителем 72-го Управления с применением физического насилия.

В Хорощанах советские офицеры самовольно занимали помещения, отведенные под общественные нужды. Там же информатор отмечал самовольное снятие офицерами электросчетчиков в домах, где они проживали [44, л. 107, 154, 164]. Споры между представителями сельсовета и командирами в присутствии местных обывателей способствовали нездоровым разговорам среди населения.

В Сопоткинском районе группа красноармейцев, работающих на участке 71 УНС, совершила, по словам секретаря райкома партии, «*бездобразный, политически вредный и вогнищий поступок, заслуживающий серьезного внимания. Работая в Гольниковском с/с они сожгли кресты, чем затронули укоренившиеся религиозные чувства населения, а классово враждебные элементы и духовенство использовали этот случай для озлобления крестьян против Советской власти. Об этом свидетельствует коллективное заявление присланное на имя прокурора и подписанное гражданами в количестве 200 человек. Причем организатором и инициатором подачи коллективного заявления является ксендз Красовский и подписи собирались в костеле. Вокруг совершившегося факта ксендз проводит среди крестьян антисоветскую работу с тем, чтобы они не явили на выборы в местные Советы*» [36, л. 162]. Граждане еврейской национальности сталкивались с проявлениями антисемитизма со стороны руководящих кадров стройчастков [45, л. 169-170 об].

Прокуратуры районов постоянно проводили проверки с целью выявления нарушений в исполнении вышеизложенных постановлений. Нарушения были самые разнообразные. В спецдокументах прокуроров сообщалось о том, что сельсоветы не имели точного учета лиц, выполняющих свои обязательства, на стройчастках не делалось отметок, имелись факты, когда военнослужащие стройчастков задерживали подводы и пеших и использовали не на тех участках, на которых были выписаны обязательства и не делали отметок об исполнении. Начальники управлений жаловались на то, что присыпают «*неподходящую рабочую силу*». Имелись в виду католические и иудейские священники, которые «*вела контрреволюционную пропаганду*» и к которым необходимо было принимать соответствующие меры, а также 14 - 16-летние девочки, которых использовали на тяжелых земляных работах на глубине 5-6 метров [43].

Нельзя сказать, что указанные негативные факты оставались без внимания властей. По факту в д. Гольнике дело было передано в прокуратуру, выплата денег крестьянам воинскими частями была на контроле у члена Военного Совета, применялись и другие формы реагирования. Но, как свидетельствуют архивные материалы и

воспоминания участников тех событий, методы, применяемые советскими властями на строительстве спецобъектов, вызывали у местного населения недовольство, протестные настроения и действия, что в свою очередь вело к усилению репрессивных мер. Особое внимание уделялось наказанию за уклонение от выполнения трудовой и гужевой повинностей и нанесение побоев должностным лицам, которые вручали повестки [39, л. 97-99]. Эти формы были распространены во всех районах области. В Солотчинском районе выдавались ложные медицинские справки об освобождении по состоянию здоровья. Не менее распространенным был уход за границу. За эти нарушения наступала ответственность в соответствии со статьей 94 Уголовного кодекса БССР. К 1 мая 1941 г. по Белостокской области за невыполнение заданий по спецстроительству было осуждено 138 человек. Из них к лишению свободы до года - 9 человек, от 1 до 2 лет - 52, от 2 до 3 лет - 37. К исправительно-трудовым работам на общих основаниях приговорили 26 человек, условно осудили 14 и оправдали 25 человек [39, л. 121].

Не менее тяжелым было положение и в строительных батальонах, которые были специально сформированы для работ по оборонному строительству на западной границе СССР. Эти батальоны в основном использовались на аэродромном строительстве и военно-инженерной подготовке приграничной полосы (предполья). Фактически это были полувоенные подразделения, которые комплектовались призывными из запаса военнообязанными старших возрастов, непригодными по различным причинам к строевой службе. Наиболее типичной является ситуация, которая сложилась в 446 стройбате [45, л. 19-22].

Рядовой состав в количестве 940 человек был призван из военнообязанных Витебской области, командно-политический мобилизован из запаса, находящегося на учете в Витебской области. Национальный состав рядовых батальона был такой: 630 белорусов, 181 поляк, 81 еврей, 27 русских, 29 литовцев. По профессии главным образом преобладали крестьяне и единоличники - 580 человек, плотников было 60 человек и остальные солдаты различных специальностей, при полном отсутствии тех профессий и специальностей, которые были нужны на строительстве, - каменщиков, бетонщиков и т.п.

Батальон после произвольной разбивки по ротам был размещен в трех деревнях по крестьянским дворам. Обмундирование и питание солдат было организовано только на второй месяц, причем более половины полученного обмундирования оказалось не-

годным для носки. Батальон, призванный для работы на спецстройке, полтора месяца ничего не делал, за исключением выполнения мелких работ и постройки не больших временных сооружений на строительстве. Нормы, предусмотренные для работ различных категорий, регулярно не выполнялись из-за отсутствия опыта и навыков у стройармейцев. Руководство строительства не обеспечивало батальон нарядами на работу и часто производило переброску людей в разгар работы из одного места в другое. «Политмассовой работы» практически не проводилось. Все это послужило причиной недовольства среди солдат, и в батальоне произошли два случая группового дезертирства. Органами НКВД повсеместно фиксировались негативные высказывания в стройбатовской среде, которые отражали действительное положение вещей (стиль документов сохранен): «Не имеют права нас здесь держать, мы свое отвоевали, пусть повоюют теперь те, которые еще не служили, а то тех, которых ни разу не брали - не призывают, а мы через каждые три месяца призываемся. В дисциплинарном батальоне и то лучше, чем здесь, по крайней мере будешь работать по специальности, а тут заставляют копать только землю»; «Тяжело служить в армии, много заставляют работать, плот кормят, лучше быть на катогре, чем служить в Красной Армии»; «Теперь как в крепостное право, которое когда-то было, работать заставляют днем и ночью, не только 8 часов, а все 24. Армия наемная не должна быть, а раз перевели на хозяйственный расчет, то зачем нам вынуждены и работать день и ночь мы не должны. Если заставляют работать, то и платить должны» [181, л. 1].

В связи с тем, что в военкоматах при призыве обещали двухмесячные сборы, военнослужащие плохо работали и ждали скончайшей отправки домой. При этом любые слухи о задержке на сборах вызывали отрицательную реакцию, а обычная практика властей любого уровня замалчивать или открыто обманывать людей способствовала открытому проявлению недовольства. Так, военнослужащие 348-го стройбата в июне 1941 г. оставили работу на объекте и, вызвав командование, заявили: «Тут голодаешь и там дома, наверное, тоже голодают. Пусть нам зачтут приказ, что нарком задержал нас на 6 месяцев в армии» [181, л. 3].

Усугубляли ситуацию открытые разговоры о скором начале войны: «Я сегодня был в Липске, где беседовал с поляками, которые говорят, что в крайнем случае через месяц, а война будет. Ведь мы это все видим сами, так что придется скоро воевать, и больше родных не увидим» [181, л. 2].

К лету 1941 г. стало очевидно, что планы по военному спецстроительству на западной границе срываются. Чтобы ускорить работу по подготовке пограничной полосы к боевым действиям, командование Западного особого военного округа весной 1941 г. приказало направлять на оборонные работы регулярные воинские части - по одному батальону от стрелкового полка и по дивизиону от артиллерийского. В основном они занимались полевым усиливением предполья - копали противотанковые рвы, стрелковые траншеи, строили полевые инженерные укрепления [182, л. 34-35]. Эти подразделения были выдвинуты к границе и размещены в полевых условиях - в палатках. Как вспоминали участники тех событий, боеприпасов было взято лишь для несения караульной службы [29, л. 90, 100]. Поэтому не удивительно, что эти части с началом нападения немецких войск 22 июня 1941 г. не могли организовать должного отпора противнику, понесли огромные потери и фактически были уничтожены в первые часы войны.

Несмотря на принимаемые меры, негативные явления - неразбериха, нерасторопность, плохое взаимодействие военных и гражданских властей, нарушение планов выхода рабочей силы, поставок оборудования и вооружения, низкое качество работ, саботаж и предательство - имели место на объектах военного спецстроительства до самого начала войны. 14 мая 1941 г. на заседании ЦК КП(б)Б с докладом «Об обстановке на границе и состоянии войск округа» выступил с докладом командующий ЗапОВО генерал армии Д.Г. Павлов. Было принято решение об ускоренном строительстве укрепрайонов и аэродромов. ЦК потребовал от обкомов и райкомов партии усиления бдительности, оперативного решения всех вопросов, приведения в состояние мобилизационной готовности предприятий, учреждений, колхозов и населения, оказание немедленной практической помощи войскам при любых их обращении [79, л. 33-34]. Не оставляли без внимания строительство укреплений в пограничных районах и союзные органы. В середине мая 1941 г. приграничные округа получили указания о форсировании строительства укрепленных районов на новой границе, а спустя месяц, 16 июня, ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынесли специальное Постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». В нем констатировалось, что снабжение вооружением строящихся укрепленных районов проходит неудовлетворительно и предлагались меры по ускоренному производству вооружения [59, л. 376-377].

Возможно, принятию этого Постановления поспособствовала и докладная записка П.К.Пономаренко на имя И.В.Сталина о со-

стоянии строительства укрепленных районов и необходимых мерах помощи от 9 июня 1941 г [80, л. 71-73]. В записке указывалось, что за апрель и май 1941 г. в ЗапОВО забетонировано 217 сооружений, что составляет 127,7 % заданного Генштабом плана, а всего по границе имеется 550 забетонированных сооружений и 909 сооружений полевого доусиления (в одной из копий этого документа есть зачеркнутая фраза «имеются 193 танка МС-1» [80, л. 77]). Однако, отмечается в записке, «свою задачу на сегодняшний день укрепрайоны - как укрепрайоны - выполнить не смогут, а могут лишь служить средством усиления войск прикрытия. Причина этому та, что из 550 забетонированных сооружений вооружены только 193. Военное ведомство не снабдило пулеметными, орудийными установками, амбразурными коробками и другими средствами вооружения и оборудования. Недостает коробов на 200 сооружениях, да и то не может быть окончено и сдано в эксплуатацию из-за отсутствия элементов оборудования (электромоторов, бензогенераторов, распределительных ящиков, вентиляторов, водогрейных котлов и т.д.).

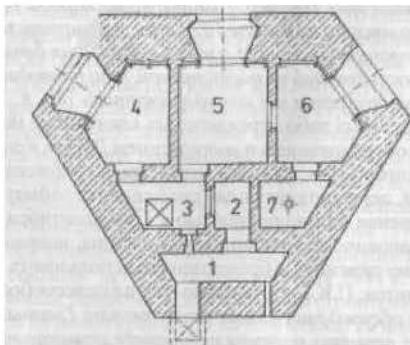
План снабжения, составленный Управлением оборонительного строительства Красной Армии, предопределяет растягивание сроков строительства. Пример - амбразурные короба, при потребности ДОТ-5 во втором квартале 107 штук, планируется - 50 ДОТ-4, - 429 штук, планируется - 175 и т.д. Сооружения бетонируются без коробов с последующей их постановкой, что приводит к снижению качества сооружения и к его удорожанию» [80, л. 71-72]. Для проведения успешных работ предлагались следующие меры: привести снабжение оборудованием и вооружением ДОТов в соответствие с темпами строительства, принять меры для доснабжения невооруженных ДОТов, пересоставить план снабжения стройматериалами с расчетом окончания бетона полностью к 15-му сентября, подорвать все ДОТы Барановичского укрепленного района, направленного на восток и поэтому опасного, а бронеколпаки использовать для наблюдательных пунктов. П.К.Пономаренко считал целесообразным, чтобы «на основе обсуждения наших предложений Главным Военным Советом было принято правительственное решение по вопросам строительства укрепленных районов в ЗапОВО» [80, л. 73].

На следующий день после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов» в Белостоке состоялись пленум обкома партии и закрытое совещание секретарей райкомов, председателей райисполкомов, заведующих военными отделами и начальников строи-

тельства объектов НКВД и НКО, где были обсуждены мероприятия форсированного строительства военных объектов [40, л. 166-168; 43, л. 24-46]. Но времени уже не хватило. Через несколько дней началась война.

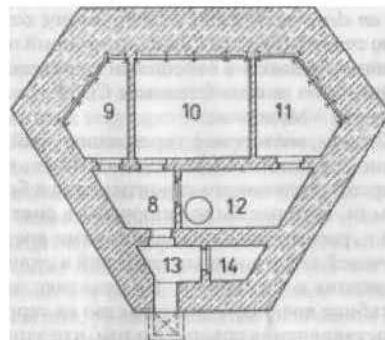

Гродненский УР. Артиллерийский ДОТ. Фото А. Вапа, С. Пивоварчика

Гродненский УР. Артиллерийский ДОТ для трех 45 мм орудий 1 - тупик (сквозник), 2 - первый противохимический тамбур, 3 - второй противохимический тамбур с входом на нижний этаж и амбразурой обороны входа;

4- 6 - боевые казематы для 45 мм орудий, спаренных с пулеметами; 7 - командирский каземат с перископом и радиостанцией

Артиллерийский ДОТ. Нижний этаж

- 8 - помещение с выходом на верхний этаж;
- 9 - помещение для отдыха гарнизона;
- 10 - склад боеприпасов;
- 11 - помещение для фильтровентиляционной установки;
- 12 — агрегатная с котодием;
- 13 - уборочная с аварийным выходом;
- 14 - умывальник

Советские укрепленные районы, строительство которых проводилось в СССР на новой границе в 1940 - 1941 г., можно встретить в современной литературе под названием «Линия Молотова» [56, с. 254-274; 161, с. 113-128]. Особенно популярен этот термин у польских исследователей [215; 230; 236]. Однако необходимо отметить, что самими фортификаторами, строителями, военными и политиками того времени этот термин не использовался. В различных советских источниках фортификационная система 1940-1941 гг. называется по-разному: «укрепленные районы на новой Государственной границе», «новые укрепленные районы», «приграничные укрепленные районы», «первая укрепленная зона» и нигде нет упоминания «Линии Молотова» (как и в случае с так называемой «Линией Сталина» - укреплениями на советской границе до 1939 г.). Не употребляли этого названия и немецкие военные. В немецких документах и публикациях новые советские укрепления также имеют различные названия: «новая пограничная позиция» (нем. *neue Grenzstellung*), «новые пограничные укрепления» (нем. *neue Grenzbefestigungen*), «укрепления на новой границе» (нем. *die*

Befestigungen an der neue Grenze). По-видимому, создателем этого термина нужно считать Виктора Суворова, который первым использовал его в книге «Ледокол» в отношении к советским укреплениям, возникшим на западной границе СССР после подписания пакта Риббентропа - Молотова.

Таким образом, возведение укрепленных районов на новой Государственной границе СССР в 1940-1941 гг., явилось третьим этапом фортификационного строительства в Белоруссии. Белорусские земли, которые были включены в состав Советского Союза в 1939 г., рассматривались советскими военными стратегами как ключевой театр военных действий в силу своего пограничного положения с Германией. На практике это вылилось в крупномасштабное военное строительство на территории БССР. Можно без преувеличения говорить о том, что западные области БССР были буквально «нашипованы» советскими войсками. Для размещения огромной военной инфраструктуры необходимо было провести значительные военно-инженерные работы: построить новые фортификационные сооружения, аэродромы, убежища, склады, казармы, мосты, дороги. Этим работам советские власти придавали важное значение, и для их выполнения было задействованы значительные трудовые и материальные ресурсы республики. Фортификационное обеспечение западного театра военных действий занимало важное место в системе подготовки к войне. Строительство укрепленных районов на новой границе в Белоруссии осуществлялось в соответствии со стратегическими разработками командования Красной Армии, с уровнем экономического и технического потенциала страны, с использованием партийными и советскими органами административно-командных форм и методов руководства. Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что политическое и военное руководство СССР знало и готовилось к войне с гитлеровской Германией. Подготовка к войне легла тяжелым материальным и моральным бременем на плечи народов Советского Союза, и особенно белорусского. Однако огромный объем работ, недостатки ресурсного обеспечения строительства, неправильное решение руководства по поводу инженерной обороны новых театров военных действий, командно-административные методы и фактор времени не позволили к началу войны завершить фортификационные работы на новой границе, что привело к трагическим последствиям в первые дни войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Белорусские земли, вошедшие сначала в состав России, а затем СССР, в силу своего геополитического положения рассматривались властями этих государств как западный театр военных действий, приобретая значение «выдвинутого» или «ключевого» в вооруженных конфликтах. Поэтому подготовка этого театра к ведению боевых действий занимала важное место в военно-стратегических разработках и планах российского и советского политического и военного руководства. Фортификационное строительство на западных границах было важной составляющей частью военно-инженерной подготовки и в целом соответствовало общей внешней и внутренней политике, уровню развития экономики, военной стратегии и тактики, а также состоянию фортификационной науки 2-й пол. XVIII - 1-й пол. XX в.

Соответствуя периодизации эволюции идей и форм долговременной фортификации, фортификационное строительство на территории современной Беларуси во 2-й пол. XVIII 1-й пол. XX в. прошло шесть этапов исторического развития — три этапа во время нахождения в составе Российской империи и три этапа с 1921 г. до начала Великой Отечественной войны

Первый этап, который мы определяем как «теоретический», начался с первого раздела Речи Посполитой и продолжался до 1810 г. Он характеризовался разработкой общей руководящей идеи фортификационного укрепления новых границ Российской империи и проектов строительства конкретных крепостей на присоединенных землях. Однако ни один из этих планов в Белоруссии не был реализован из-за быстро меняющейся военно-политической обстановки, а также отсутствия финансовых средств и квалифицированных инженерных кадров.

Второй этап начался в 1810 г. Он характеризуется практической реализацией военно-политических взглядов российского руководства и фортификационных идей российских инженеров. В результате были возведены современные крепости в Бобруйске и Бресте, а также укрепленный лагерь в Дриссе и предметное укрепление в Борисове. В этот период началось перерастание фортификационной подготовки в систему военно-инженерной подготовки территории, которая окончательно оформится во 2-й пол. XIX в. и сохраниться до начала первой мировой войны.

Модернизация этой системы после поражения в Крымской войне составляет основное содержание третьего этапа фортификационного строительства в Белоруссии (2-я пол. XIX - 1915 г.). Изменение geopolитической ситуации в Европе и изменение в связи с этим планов ведения войны на европейском театре, а также развитие средств осады и разрушения фортификационных объектов потребовали корректировки всей крепостной системы России. В это время произошла трансформация фортификационной подготовки страны в военно-инженерную. В Белоруссии это вылилось в непрекращающийся процесс модернизации крепости Брест-Литовск и строительство в Гродно сначала укрепленной позиции, а затем и современной фортовой крепости (не законченной), что свидетельствовало о возросшем стратегическом значении этих городов. Строительство Бобруйской, Брестской и Гродненской крепостей являлось важными этапами в развитии государственной системы фортификационного строительства Российской империи. Поэтому им придавалось большое значение в военно-стратегических разработках российских властей и планах по фортификационному укреплению западного театра военных действий. Кроме этого, они должны были служить инструментом устрашения земель, считающихся у царизма «неблагонадежными». При их разработке и возведении использовались самые современные для того времени военно-инженерные идеи и методы строительства.

Первая мировая война стала для крепостей всех воюющих стран боевым экзаменом, который они, по мнению специалистов, не выдержали. Опыт первой мировой и гражданской войн показал, что необходимо выработать новые формы укрепления границ и территории государства в целом. Новой формой фортификационного укрепления границ европейских стран в междвоенный период стали укрепленные районы. Развитие этой формы в Беларусь происходило в контексте формирования советской военно-политической доктрины 20-е - 30-е гг. XX в.

Необходимость укрепления обороноспособности страны обусловила разработку целого комплекса мероприятий, наиболее важными из которых являлись: развитие и обеспечение мобилизационного развертывания вооруженных сил, расширение сети дорог, увеличение воздушного флота, развитие военно-морского флота, создание боеспособных укрепленных районов.

Осуществляя фортификационную подготовку границ государства, советские военные инженеры исходили из того анализа внешнеполитических условий, который давало высшее руководство СССР. На основе изучения опыта прошедших войн и направлений дальнейшего развития военной техники, зарубежного опыта советскими фортификаторами были разработаны принципиально новые формы укрепления границ и территории государства. Основой этих новых решений явился переход к системе укреплений в виде заблаговременно оборудованных в инженерном отношении оборонительных рубежей - укрепленных районов. Наряду с разработкой теории фортификационного искусства были разработаны новые типы и конструкции долговременных и полевых форто сооружений.

Фортификационное строительство в Белорусском военном округе было составной частью заблаговременной подготовки вероятных театров военных действий в СССР и прошло три этапа. Первый этап - возведение трех укрепленных районов (Полоцкий, Минский, Мозырский) в 1928 - 1937 гг. На этом этапе была сделана попытка создания оборонительных рубежей, используя которые войска прикрытия в начальный период войны обеспечили бы отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил. Кроме того, эти рубежи должны были усилить оборону на направлениях, выводящих к важным политическим и стратегическим центрам. Однако по целому ряду причин (ограниченное финансирование, невыполнение промышленностью планов поставок вооружения, оборудования и материалов, слабая техническая оснащенность строительства, нехватка инженерно-технических кадров и многократная корректировка планирования) решить эту задачу в полном объеме не удалось. Были созданы лишь минимальные условия обеспечения стоящих перед войсками округа задач на начальном периоде войны.

Проверка состояния и соответствия укреплений новым способам и средствам вооруженной борьбы сер. 30-х гг. ХХ в. (развитие теории глубокой наступательной операции и боя, позиление механизированных частей, тяжелой артиллерии, авиации) показала большое количество недостатков в структуре укрепрайонов и обеспечения защиты гарнизонов. Для их устранения было принято решение о проведении технической и тактической модернизации существующих и строительстве новых укрепленных районов. На основании этого была разработана дополнительная про-

грамма строительства УР в СССР, которая определила содержание второго этапа (1938-1939). В результате в Белоруссии началось строительство Слуцкого укрепленного района и дооборудование старых УРОв, которое завершено не было в связи с переносом западной границы СССР после начала второй мировой войны. Воздведение укрепленных районов на новой границе СССР в 1940-1941 гг. явилось третьем этапом фортификационного строительства в Белоруссии. Фортификационное обеспечение западного театра военных действий занимало важное место в системе подготовки к войне с Германией. Строительство укрепленных районов на новой Государственной границе в ЗапОВО осуществлялось в соответствии со стратегическими разработками командования Красной Армии, с уровнем экономического и технического потенциала страны, с использованием партийными и советскими органами административно-командных форм и методов руководства. Большой объем работ, недостатки ресурсного обеспечения строительства, неправильное решение руководства по поводу инженерной обороны новых театров военных действий, командно-административные методы и фактор времени не позволили завершить фортификационные работы на новой границе к началу войны, что привело к трагическим последствиям в первые дни войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамау УА. Крэпасць Брэст-Літоўск у 18- 19ст. //Паняць. Брэст: Пісцьрыка-дакументальная хроніка: У 2 Кнігах. Кніга 1. -Мн.: БелТА, 1997. - С.148-151.
2. Абрамович В. Нужны ли нам бастionные крепости, форты и доты // Военно-исторический журнал. -1989. -№ 6 - С.68 - 71.
3. Акалович Н. Десять дней в Минском УРе //В боях за Белоруссию. - Мн.: Беларусь, 1970. - С.79 - 98.
4. Акалович Н.М. ОнизациіцалиМінск.-Мн.:Народнаясвета, 1987.
5. Амірханов Л.І. Морская крепость Императора Петра Великого. - СПб.: Іванов и Лещинский, 1995.
6. Андрющенко Н.К. На земле Белоруссии летам 1941 года. - Мн.: Наука и техника, 1985.
7. Анфилов В. А. Провал «блицкрига». - М.: Наука, 1974.
8. Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня - середина июля 1941 года): Военно-исторический очерк. - М.: Наука, 1962.
9. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. - СПб.: Остров, 2001.
10. Басюк І.А. Навагрудск «кацёл», - Гродна, 1998.
11. Басюк І. А. Строительство в Беларуси укрепленных районов (1929 - 1941 гг.) // Ученые записки Гродненского филиала Института современных знаний. - 1999. - № 2. - С. 48 - 50.
12. Басюк І.А. Умацаваныя раёны на тэрыторыі Беларусі // Magazin Polski. - 2000. - № 1 - 2. - S. 56 - 58.
13. Басюк І.А. Умацаваныя раёны на тэрыторыі Беларусі // Magazin Polski. - 2000. - № 3 - S. 69 - 70.
14. Басюк І.А. Пачатковы перыяд Вялжай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі - Гродна: ГрДУ, 2003.
15. Бешанов В.В. Танковый погром 1941 года (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). - Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
16. Бешанов В.В. Брестская крепость. - Мн.: Беларусь, 2004.
17. Бибик Л. Сражались доты укрепрайона // Памяць. Брэст: Пісцьрыка-дакументальная хроніка: У 2 книгах. Кніга 1.- Мн.: БелТА- 1997. С. 333-358.
18. Брестская крепость: Путеводитель по местам боев. — М.: Военное издательство, 1962.
19. Брестская крепость на ветрах истории / Под ред. В.В.Губаренко, Л.А.Цуприка; Авт. концепции и текста А.М.Суворов; Фото А.А.Гладышук и др. - Брэст: ООО «Редакция журнала СЭЭ», 2004.
20. Буг в огне. - Мн.: Беларусь, 1977.
21. Буйницкий Н., Голенкин Ф., Яковлев В. Современное состояние долговременной и временной фортификации. - СПб., 1913.

22. Ваврентюк Н. Брест-Литовский укрепрайон - забвение после подвига // Армия. - 1999. - № 2. - С. 22-31.
23. Ваврентюк Н. Геронический Брест-Литовский УР - погибаю, но не сдаюсь // Армия. - 1999. - № 3. - С. 36 - 40.
24. Ваврентюк Н. Геронический Брест-Литовский УР - погибаю, но не сдаюсь // Армия. - 1999. - № 4. - С. 41 - 45.
25. Ваврентюк Н. Героический Брест-Литовский УР — погибаю, но не сдаюсь // Армия. - 1999. - № 5. - С. 33 - 37.
26. Ваврентюк Н. Героический Брест-Литовский УР - погибаю, но не сдаюсь // Армия № 6. - 1999. - С. 23 - 26.
27. Вап А. Абарона брэсцкай крэпасц у 1939 годзе // Берасцейшчына — 93. Помнікі гісторыі і культуры Брэсцкіны: праблемы вывучэння, аховы і выкарыстанія: Матэрыялы наукоўска-практычнай канферэнцыі. — Брэст, 1993.-С. 81-87.
28. Величко К.И. Крепости до и после Мировой войны 1914 - 1918 гг. - М.: Главное Военно-инженерное управление РККА, 1922,
29. В июне 1941 г. Воспоминания участников первых боев на Гродненщине. — Гродно, 1997.
30. Воробьев С.А. Фортификация XX века. К построению единой системы фортификационных форм// Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. - Выпуск 1. - Владивосток: Дальнаука, 2003. - С. 104-137.
31. Воробьев С.А., Стхов А.В., Иванов Ю.В., Королев Ю.В., Калинин В.И Противодесантные долговременные фортификационные сооружения береговой обороны Владивостока//Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. - Выпуск 1. - Владивосток: Дальнаука, 2003. - С.62-103.
32. Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941 - 1944. - М.: Воеиздат, 1973.
33. Героическая оборона. Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. - Мин.: Беларусь, 1966.
34. Герои Бреста. - Мин., 1991.
35. Государственный архив Гродненской области. Ф. 377. Оп. 1. Д. 84.
36. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. Ф. 8. Оп. 22. Д. 11.
37. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 165.
38. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 166.
39. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 187.
40. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 191.
41. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 431.
42. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 435.
43. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 451.
44. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 457.
45. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 460.
46. Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. - <http://www.militera.lib.ru>
47. Данилов А. Долговременные фортификационные сооружения 62-го Брест-Литовского укрепленного района // Армия. - 1999. - № 6. - С. 27-29.
48. Данилов А., Ляхор В. Забытые ДОТы // Армия. - 2001. - № 3. - С. 23-25.
49. Догадин В.М. Вместе с Д.М.Карбышевым. (Воспоминания русского офицера В.М.Догадина) // Отечественные архивы. - 2002. - № 1. - С. 66-88.
50. Догадин В.М. Вместе с Д.М.Карбышевым. (Воспоминания русского офицера В.М.Догадина) // Отечественные архивы. - 2002. - № 2. - С. 55-78.
51. Долговременная фортификация. Часть первая. История долговременной фортификации. -М.: Издание Военно-инженерной Краснознаменной академии РККА имени В.В.Куйбышева, 1952.
52. Ефремов К.Н. Кутузов и военно-инженерное искусство // Из истории русского военно-инженерного искусства. — М.: Военное из-во Военного министерства Союза ССР, 1952. - С. 75 - 94.
53. Жуков П.К. Воспоминания и размышления. - М.: Из-во АПН, 1986.
54. Заянчковский А.М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. - М., 1926.
55. Инженерные войска Советской Армии / Под ред. С.Х.Аганова - М.: Воениздат, 1985.
56. Исаев А.В. Антисуровор. - М.: Язуа; М.: Эксмо, 2004.
57. История военной стратегии России / Под ред. В.А.Золоторева. - М.: Кучково поле, Полиграфресурссы, 2000.
58. Иринархов Р.С. Западный Особый... - Мин.: Харвест, 2002.
59. Июнь 1941: В 2 кн. - М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
60. Каминский В. Для долговременной обороны// Техника- молодежи. - 1989.-№ 8. - С. 41 - 42.
61. Каминский В., Александров В. «Линия Сталина»: величие и трагедия. // Во славу Родины. -2002, 16 ноября.
62. Каминский В. История в ДОТАх и ДЗОТАх. // Республика. - 2003, 9 сентября.
63. Каминский В. Доты под Минском. // Армия. -2005. - № 1 - С. 46-48.
64. Калинин В.И. Система форм или система терминов? К статье С.А.Воробьева «Фортификация XX века. К построению единой системы фортификационных форм» // Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. - Выпуск 1. - Владивосток: Дальнаука, 2003. - С. 138 - 142.
65. Карбышев Д.М. Избранные научные труды. - М.: Воениздат, 1962.
66. Каравлюк В.Р. Гродзенскі эпізод Першай сусветнай вайны // Беларуска-нямецкая грамадска-культурная узаемаадносіны: гісторыя, сучаснасць, перспективы. - Беларуска-Albarutenika - 7. - Мин.: Навукова-асветны цэнтр імя Ф.Скарыны, 1996. - С. 34 - 38.

67. Карнялюк В. Гродзенская крепасць як помнік гісторыі Першай сусветнай вайны 1914 — 1918-//*Zeszyt naukowy* - 15. — Bialystok: Muzeum Wojska, 2002. -S. 43-48.
68. Квітніцкая Е.Д. Планировка Бобруйскай крепости // Архитектурное наследство. - 1976. - № 25- С. 25 - 34.
69. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х. - СПб.: Из-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2002.
70. Крупенников А.А. В первых боях: Сборник статей и очерков о начальном периоде Великой Отечественной войны. - Красногорск, 1998.
71. Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. — Выпуск 1. - Владивосток: Дальнаука, 2003.
72. Лихачев В.И. Малоизвестные страницы обороны Полоцка в 1941 году// Полоцкий летописец.-1993.-№ 1.-С. 87-89.
73. Лукашэвіч А. Крэпасці ў расійскай канцэпцыі аховы заходніх граніц імперыі (70-я гг. XVIII ст. - 1802 г.)//*Zeszyt naukowy*-15. - Bialystok: Muzeum Wojska, 2002.-S. 5-16.
74. Маркевич Е.М Состояние крепостей на западных рубежах Российской империи с 1900 по 1915 гг. // Моладзь Берасцейшчыны. - Брэст, 1997. - С. 7 - 14.
75. Мартыросян А.Е. 22 июня. Правда генералиссимуса. -М.: Вече, 2005.
76. Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. - <http://www.militera.lib.ru>
77. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1873.
78. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1965.
79. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2321.
80. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2333.
81. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 24.
82. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 31.
83. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф.1. Оп. 4. Д. 459.
84. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1765.
85. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1781.
86. Ненадавец А.М. Крэпасць на Бярэзіне. -Мн.: Полымя, 1993.
87. Ненадавец А.М. Крэпасць на Бярэзіне // Памяць: Бабруйск: Гіст.-дакум. хронікі гарадоу і раёна Беларусі. -Мн.: Вышэйшая школа, 1995. - С. 98-111.
88. Палий П.Н. Воспоминания русского офицера. - <http://www.militera.lib.ru>
89. Плещевена А. Каля Гродзенских фартоу // Памяць. Гродна: Гісторыка-документальная хроніка. — Mn.: Беларуская энцыклапедыя, 1999. - С. 214-224,
90. Памяць. Заслауе: Гісторыка-документальная хроніка - Mn.: БелТА, 2000.
91. Памяць. Мінскі раён: Гісторыка-документальная хроніка - Mn.: Бел. Энцыклапедыя, 1998.
92. Памяць. Палацкі раён: Гісторыка-документальная хроніка. Вышэйшая школа, 1999.
93. Памяць. Слуцкі раён: Гісторыка-документальная хроніка. У 2 кнігах. Кніга I. - Mn.: БелТА, 2000.
94. Пілаварчык С. Гродзенская крепасць у 19 — пач.20 ст.: планы і разлілі // *Castrum, urbs et bellum*: 36. навук. прац. - Баранавічы, 2002. - С. 301 - 309.
95. Пілаварчык С. Беларускія землі у планах фартыфікацыйнага умацавання заходніх мяжы Расійскай імперыі (1795-1915 гг) // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Серыя 1.- 2002. - № 2.- С. 16-22.
96. Пілаварчык С. Фартыфікацыйнаес умацаванне Гродна у XIX—пачатку XX ст. // Актуальная проблема гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супрацнасці, перспективы развіція: Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. У 4-х частках. Частка 3. - Гродна: ГрДУ, 2003. - С. 37 - 42.
97. Пілаварчык С. Эвалюцыйя гродзенскай фартыфікацыі (XI - XX ст.) // 60-летие образования Гродненской области: Материалы Международной научной конференции. — Гродно: ГрГУ, 2004. - С. 92 - 98.
98. Пілаварчык С.А. Источники по истории крепостей в Гродненской губернии (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Берасцейскі хранограф: 3б. навук. прац. — Брэст, 1999. — Выпуске 2.-С. 226-231.
99. Пілаварчык С. Военно-инженерная подготовка приграничной полосы в Беларуси (1929-41 гг.)//Берасцейскі хранограф. — Брэст, 2002.-Вышуск3.-С. 140-152.
100. Пілаварчык С. Беларусь у планах фартыфікацыйнага умацавання заходніх мяжы Савецкага Савюза (1926 -1941 гг.)// *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Серыя 1. -2003. -№ 2 - С.6-15;
101. Пілаварчык С. Военная археология в Беларуси: комплексное исследование памятников долговременной фортификации. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: Навук. збор. /Нав. рэд.: А.М.Мядзведзеу. — Mn.: ННАЦ імя Ф.Скарыны, 2003. - № 7. - С. 27 - 31.
102. Пілаварчык С. Использование местного населения на строительстве военных специобъектов в Белостоцкой области (1939 — 1941 гг.) // *Sowietyzacja i rusyfikacja polnocno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej (1939-1941): Studia i materiały*. - Bialystok: Uniwersytet w Białymostku, 2003. - S. 155-164.
103. Пілаварчык С. Применение командно-административных методов на спец. строительстве в Западной Беларусь (1939—1941 гг.)//История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из истории прошлого и современности: Материалы международной научно-теоретической конференции, - Витебск, ВГУ, 2003. - С. 446 -448.

104. Пивоварчик С. Историко-археологическое изучение 68-го Гродненского укрепленного района (1940 - 1941 гг.) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. - 2004. - № 2 - С. 3 - 10.
105. Познанский В.С. Карбышев: Историко-биографический очерк. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1980.
106. Помогайбо А.А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны, - М.: Вече, 2002.
107. Раздолгин А.А, Скориков Ю.А. Кронштадская крепость, - Л.: Стройиздат, 1988.
108. Российский государственный военный архив. Ф.22.Оп. 1. Д. 190.
109. РГВА. Ф. 22, Оп. 1. Д. 193,
110. РГВА. Ф. 22, Оп. 1. Д. 194.
111. РГВА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 195.
112. РГВА. Ф. 22. Оп.1. Д.196.
113. РГВА. Ф. 22. Оп.1. Д. 216
114. РГВА. Ф. 22. Оп.1. Д. 249
- 115.РГВА. Ф. 22. Оп.1. Д. 3618.
116. РГВА, Ф. 22. Оп. 32. Д. 4164.
117. РГВА. Ф. 23. Оп.1. Д. 148.
118. РГВА. Ф. 23. Оп.1.Д. 151.
119. РГВА. Ф. 23. Оп.1. Д. 163.
120. РГВА. Ф. 23. Оп.1. Д. 168.
121. РГВА. Ф, 23. Оп.1. Д.236.
122. РГВА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 238.
123. РГВА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 256.
124. РГВА. Ф. 23, Оп. 2. Д. 2П.
125. РГВА. Ф. 23. Оп, 2. Д. 221.
126. РГВА. Ф.25874. Оп. 4. Д. 149.
127. РГВА. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 28.
128. РГВА. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 46.
129. РГВА. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 150.
130. РГВА. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 182.
131. РГВА. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 186.
132. РГВА. Ф. 36967. Оп. 1. Д. 210.
133. РГВА. Ф. 36967, Оп. 1. Д. 213.
134. РГВА. Ф. 37463. Оп. 1.
135. РГВА. Ф. 37648. Оп. 1. Д. 3.
136. РГВА. Ф. 39191. Оп. 1. Д. 14.
137. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.13129. Оп. 1.Д. 479.
138. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 723.
139. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 576.
140. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 5.
141. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 479.

142. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 197.
143. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 3. Д. 954.
144. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 499.
145. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 1974.
146. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 231.
147. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 70.
148. РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 510.
- 149, РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1481.
150. РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1484.
151. РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1487.
152. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 5908.
153. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 5979.
154. РГВИА. Ф. 13125. Оп. 1. Д. 180.
155. Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня - 10 июля 1941. - М.: Военное издательство, 1989.
156. Сахоновский К.В. Об основных конструкциях фортификации и применения в них армирования (железобетона). - Из - во Военно-технической академии РККА, 1926.
- 156а. Свечин А. Эволюция военного искусства. - М.: Кучково поле, 2002.
157. Свирин М. Зачем Сталин уничтожил <сИницию Сталина>? // Полигон. -2002 -№ 3 - С. 2 - 6.
158. Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный осо бый военный округ к 22 июня 1941!) // Военно-исторический журнал. - 1989. -№4 .- С. 22 - 31 .
159. Смирнов С. Брестская крепость. — Мн., 1991.
160. Столетие Военного министерства. 1802 - 1902. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Часть 1. Царствование императора Александра I. Главный редактор генерал-лейтенант Д.А.Скалон. Составил военный инженер генерал-майор И.Г.Фабрициус. - С.-Петербург, 1902.
161. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? - М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
162. Ткачу М.А. Замкі Беларусь - Мн.: Беларусь, 1977.
163. Ткачу М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII-XVIII стст. — Мн.: Навука і тэхнішка, 1978.
164. Ткачев М.А. Замки Белоруссии. -Мн.: Полымя, 1987.
165. Ткачу М. А. Замкі і людзі. - Мн.: Навука і тэхніка, 1991.
166. Ткачев М. А. Замки Беларуси. - Мн.: Беларусь, 2002.
167. Третья армия: История. Люди. Подвиги. -М.: Эрго-Пресс, 1995.
168. Укрепленные районы // Фронтовая иллюстрация: Периодичес кое иллюстрированное издание - 2001. - № 4. - Прелюдия к Барбароссе. - С. 70 - 77.
169. Фонды Бобруйского краеведческого музея. Нв № 115.
170. Фонды Бобруйского краеведческого музея. Нв № 132.
171. Фонды Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Нв 18856/1.

172. Фонды Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Нв 18856/3.
173. Фонды Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Нв 18856/4.
174. Хитряк Е., Волков И. Типовые сооружения. - <http://www.liniastalna.narod.ru>
175. Хорьков А.Г. Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1991.
176. Хорьков А.Г. Укрепленные районы на западных границах СССР // Военно-исторический журнал. — 1987. - № 12. - С. 47 — 54.
177. Хренов А.Ф. Мосты к победе. - М.: Воениздат, 1982.
178. Хмельков С.А. Бетонные и железобетонные сухопутные фортификационные сооружения. — М.: Военно-инженерная академия имени Куйбышева, 1937.
179. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 1.
180. ЦАМО. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 8.
181. ЦАМО. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 23.
182. ЦАМО. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 153.
183. ЦАМО. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 157.
184. ЦАМО. Ф. 2322. Оп.1. Д.226.
185. Черкашин Н. Болевая точка. Малоизвестные страницы истории Брестского укрепрайона// Родина. - 1991. - № 6-7 - С. 29 - 30.
186. Чмырев В.А. Оборонительное строительство в СССР (30-е гг. - 1941): Автореф. дис. канд. ист. наук. - СПб., 1997.
187. Широкорад А.М. Энциклопедия отечественной артиллерии. - Мин.Харвест, 2000.
188. Шперк В.Ф. Фортifikационный словарь. — М.: Издание Воен но-инженерной академии, 1946.
189. Шперк В.Ф. История фортификации. - М.: Военно-инженерная академия имени Куйбышева, 1953.
190. Шумахер Л.И. Бобруйская крепость (исторический очерк крепости и города), — М., 1963. Рукопись. Фонды Бобруйского краеведческого музея. №569.
191. Яковлев В.В., Хмельков С.А. Современное состояние долговременной фортификации. Отдел первый. Долговременная фортификация к началу и во время мировой войны. — М., 1926.
192. Яковлев В.В., Шмаков Н.И. Долговременные фортификационные формы к началу и во время империалистической войны 1914 - 1918 гг. -М.: Издание Военно-инженерной академии РККА имени В.В.Куйбышева, 1936.
193. Яковлев В.В. История крепостей. - М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», ООО «Издательство Полигон», 2000.

194. Ястребов В.Н. Теоретик русской фортификации Аркадий Захарьевич Теляковский // Из истории русского военно-инженерного искусства. - М.: Изд-во Военного Министерства СССР, 1952. - С. 95 -108.
195. Aksamitowski A. Poglady na fortyfikacje stale w glownych parzystwach europejskich w okresie miedzywojennym // Studia i materiały do historii wojskowosci. - T. XXXIX, 1998. - S. 202 - 220.
196. Centralny archiwum wojskowy. Oddział II Sztabu Głównego (Sztabu Generalnego). 1.303.4.1855.
197. Chariczkowa J. Historia twierdzy Brzesc. Problemy ochrony i wykorzystania obiektów w dzialalnosci turystycznej. // Fortyfikacja. -Tom XI. - Warszawa, 2000. - S. 27 - 39.
198. Chromyck L. Brest-Litovsk. Fort V // Forteca. -1998- Nr 1(4). - S. 23 -26.
199. Chromyck L. Twierdza Bizesc-Litewsdw w latach I wojny swiatowej // Twierdzie i dzialania wojennych na ziemiach polskich w czasie I wojny swiatowej: Materiały z mi^dzynarodowej konferencji naukowej. - Bialystok, 2000. - S. 181 -210.
200. Cutter Z. Linia Stalina - fortyfikacje zachodniego pogranicza ZSSR w latach 1918 - 1939 // Studia i materiały do historii wojskowosci. - T. XXXVIIff - Warszawa. - 1996. - S. 203 - 213.
201. Cutter Z. Niemieckie i sowieckie umocnienia na granicy z II RP // Wojsko i wychowanie. - 1999. -Nr 10. - S. 76 - 81.
202. Danilow I. Radzieckie rejony umocnione - historia i terazniejszosc // Forteca. - 1997. - Nr 1(1). - S. 61 - 63.
203. Denkschrifft uber die Russische Landesbefestung. - Berlin, 1942.
204. Geresz J. Twierdza niepokonana, Obrona cytadeli w Brzesciu nad Bugiem we wrzesniu 1939. - Biala Podlaska-Miedzyrzec Podlaski, 1994.
205. Hitrak J., Wolkow I. Stanowisko ognistwe radzieckiego schronu bojowego broni raasynowej pierwszego etapu budowy (1931 - 38) // Forteca. - 2004 - Nr. 2-3(17-18). - S. 39 - 48.
206. Jastrzebski Jan. Z praktryki saperskiej w twierdzy Grodno wi. 1914-1915 // Przeglad Wojskowo-Techniczny. - 1933. - T.XIII, z.2. - S. 67 - 76.
207. Jastrzebski Jan. Z praktryki saperskiej w twierdzy Grodno wi. 1914-1915 // Przeglad Wojskowo-Techniczny. - 1933 - T.XIII, z.3 - S. 116 - 120.
208. Czaplinski J.E., Jurga R.M.. Fortress Europe. European Fortifications of World War II. - Pennsylvania: Combined Publishing, 1999.
209. Kautmann J.E., Jurga R.M. Twierdza Europa. Europejskie fortyfikacje drugiej wojny swiatowej. - Warszawa: Dom wydawniczy Bellona, 2002.
210. Kosztyle-Zygmunt. System fortyfikacyjny odcinka (iipsk). Z lat 1940 - 1941. - Bielsko: Muzeum Wojska, 1980.
211. Kot M. Wschodnie umocnienia Rzeczypospolitej. — Odcinek «Baranowicze» // Archeologia Wojskowa. - 1994. — Nr 1(4) — S. 36 - 41.
212. Ijuziak A., Osadczyj G. Stale Obiekty Ktjowskiego Rejonu Umocnienego (Cz.I) // Forteca. - 2002. - Nr 1(8) - S. 32 - 40.

213. Kuziak A., Osadczyj G. Stale Obiekty KijowskLeg o Rejonu Umocnionego (Cz.II) // Forteca. - 2002. -Nr 2(9) - S. 32 - 39.
214. Liedke P. Walki o przyczółek bizeski na przełomie lipca i sierpnia 1920 // Zeszyty Naukowe Muzeum Wojska. - T.8. - Białystok, 1994. - S. 10 - 30.
215. Matysz A. Ideowe założenia fortyfikacji i realizacja w terenie linii Molotowa w latach 1939-1941 // Granice i pogranicza. T.2. - Białystok, 1999. - S. 225-243.
216. Malysz A. Fortyfikacje graniczne na terenie zaciszodniego specjalnego okręgu wojskowego — aktualny stan badań // Radziecka agresja 17 września 1939 i jej skutki dla mieszkańców ziem połnocno-wschodnich II Rzeczypospolitej. - Białystok, 2000. - S. 137 - 141.
217. Michałska G. Przedmoście terespolskie twierdzy brzeskiej // Fortyfikacja. - Warszawa-Kraków, 1W6.-T.IV.-S. 151 - 176.
218. Michałska G. Michałski L. Przedmoście Terespolskie Twierdzy Brzesc - ranga zespołu oraz kierunki ochrony i zagospodarowania // Fortyfikacja. - Warszawa, 2000. - XXI-S. 65 - 70.
219. Piwowarczyk S. Materiały do historii budownictwa fortyfikacyjnego w zbiorach BNAH w Grodnie // Twierdzie i działania wojenne na ziemiach polskich w czasie I wojny światowej: Materiały z międzynarodowej konferencji i naukowej. - Białyostok, 2000. - S. 9 - 11.
220. Piwowarczyk S. Badania archeologiczne na terenie twierdzy Brzesc // Fortyfikacja. - Warszawa, 2000. - T. Xb. - S. 41 - 44.
221. Piwowarczyk S. Udział ludności w budowie rejonów umocnionych w Zachodnim Specjalnym Okręgu Wojskowym(1940 — 1941)/Początek wojny niemiecko-sowieckiej i losy ludności cywilnej / Pod redakcją Jana Jeżego MHelewskiego i Anny Pyzewskiej. - Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2003. - S. 12 - 20.
222. Piwowarczyk S. Ostatnia Nwierda Imperium Rosyjskiego // Forteca. - 2004. -Nr 2-3(17-18)-S. 10-21.
223. Pruski Z. Bastion Polesie. Polskie fortyfikacje na Polesiu w latach 1920 - 1939. - Prasnyz: Forteca, 2000.
224. Rogalski M., Zaborowski M. Fortyfikacjawczoraj i dzis. — Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa obrony Narodowej, 1978.
225. Slesina Horst. Soldaten gegen Todt und Teufel. Unser Kampf in der Sowjetunion. Eine soldatische Deutung. - Dusseldorf, 1942.
226. Sroka J. Obrony brzeskiej twierdzy we wrzesniu 1939. - Biata Podlaska, 1992.
227. Szymański S. Niezrealizowany rosyjski projekt fortyfikowania Grodna przed wyprawą^ Napoleona na Moskw? // Studia i materiały do historii wojskowości. - Warszawa, 1966 - T. XII, cz. 1. - S. 231 - 235.
228. Tarleton Robert E. What Really Happened to the Stalin Line? Part 1 // The Journal of Soviet Military Studies. - 1992. - Vol.5. - № 2. - London: Publisher by Frank Cass. - P. 187 - 219.
229. Tarleton Robert E. What Really Happened to the Stalin Line? Part 2 // The Journal of Slavic Military Studies. -1993. - Vol.6. - № 1. - London: Publisher by Frank Cass. -P. 21 - 61.
230. Tomaszek P., Kozdrój L. Linia Molotowa. Podstawowe zagadnienia // Galicja. -2001. -Nr 1-2. - S. 49-58.
231. Wap A. Rosyjskie fortyfikacje linii Niemna 1795 -1914 // Gryfita. - Białyostocki magazyn historyczny. - 1997. - Nr 1. - S. 20-25.
232. Wap A. Twierdza Brzesc-Litewski // Od armii komputerowej do narodowej XV1-XX w. - Tom 1998. - S. 193 - 214.
233. Wap A. Twierdza Brzesc i przedmoście terespolskie w sistemach obronnych-podsłuchanie badan historycznych. // Fortyfikacja- Warszawa, 2000. - T.XI. - S. 45 - 60.
234. Wap A. Transgraniczne badania 68 Grodzieńskiego rejonu umocnionego // Fortyfikacja. - Warszawa, 2000. - T. XV. — S. 127 - 136.
235. Wesolowski T. Rola fortyfikacji stocznych (LukuBiałyostockim) w systemie obrony i planach operacyjnych Armii Nierwonej w latach 1939 — 1941 / Radziecka agresja 17 września 1939 i jej skutki dla mieszkańców ziem połnocno-wschodnich II Rzeczypospolitej. - Białystok, 2000. - S. 143 - 156.
236. Wesolowski T. «Linia Molotowa». Sowieckie fortyfikacje graniczne z lat 1940 - 1941. Na przykładzie 62 Brzeskiego Rejonu Umocnionego. - Białystok, 2001.
237. Wesolowski T. Linia Stalina. Mity a rzeczywistość // Gryfita. - Białyostocki magazyn historyczny. -1996. — Nr 10. - S. 22 — 25.
238. Wie Grodno deutsch wurde // Grodno. Eine Sammlung von Artikeln aus der Grodnoer Zeitung und anderer. — Zur Erinnerung an den Weltkrieg herausgegeben vohn Verlag der Grodnoer Zeitung in Grodno. S. 30 - 34. - НИАБГ. Ивн. №3965.
239. Zaborowski M., Rogalski M. Betonowe shranie bojowe w rejonie Lipska nad Biebrzą. // Fortyfikacja. - Warszawa-Kraków, 1995. - T. III. - S. 141 - 151.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Амбразура (франц. embrasure - бойница) - отверстие в различного вида оборонительных сооружениях и бронебашнях, через которое ведется огонь из орудий, минометов и пулеметов (в отличие от бойницы, устраиваемой для стрельбы из ручного оружия). Формы и размеры А. зависят от характера орудия, сектора обстрела, углов склонения и возвышения. А. могут быть открытые или со специальными заслонками от огня противника.

Аппарель (франц. apparelle въезд) - пологая земляная отсыпь для сообщения и для втаскивания орудий на высокие насыпи, применяемая вместо лестницы. А. называют также пологие спуски в различные рвы, окопы, укрытия и пр.

Барбет или банк (barbette, Geschutzbank) - возвышенная насыпь у бруствера для орудий, стреляющих поверх последнего прицельно или под известным углом возвышения. Орудия возводятся на Б. по аппарелям и устанавливаются по настланным на нем платформам. Высота Б. зависит от высоты бруствера, конструкции лафетов и способа установки орудий.

Бастион (итал. bastionato всякая выступающая постройка) - пятиугольное долговременное укрепление в виде люнета с двумя фасами, двумя фланками и открытой горжей, возводившееся на углах крепостной ограды и примыкавшее к ней. Бастионы, соединенные куртинами и расположенные по линии полигона (или крепостного многоугольника), образуют бастионные фронты, каждый из которых имеет два фаса и два фланка. Сочетание нескольких бастионных фронтов, расположенных различным образом и усиленных внутренними, наружными и внешними постройками, называется бастионной системой.

Батарея - в фортификации - укрепление, предназначенное для действия из него нескольких рядом стоящих орудий.

Блиндахс - укрытия для живой силы и основных средств, устраиваемые возле огневой позиции под бруствером или рядом с ней.

Бруствер (нем. Brustwehr - грудная защита) - насыпь в фортификационном сооружении, предназначенная для защиты от пуль и снарядов, а также для укрытия от наблюдения противником.

Бал - высокая земляная насыпь, обычно со рвом впереди, возводившаяся с оборонительными целями.

Верк (нем. Werk - укрепление) - отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.

Волчья яма - углубление в земле в виде усеченных конусов глубиной в рост человека (1,75 м), диаметром по дну 0,5 - 0,7 м с вбитыми в дно короткими, заостренными наверху кольями, расположеннымными в шахматном порядке в 4-5 рядов.

Входящий плацдарм - уширение прикрытого пути на входящих углах в крепостях бастионной системы. В.п. служили для сбора войск, для вылазок и для продольного обстрела длинных крыльев гласиса перед бастионами.

Гласис (лат. glatia - покатость, гладкая длинная отлогость) - пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости, долговременного сооружения или полевого укрепления. Г. возводили с целью улучшения обстрела впередилежащей местности, маскировки и защиты укрепления. В русских крепостях главный вал иногда делался гласисообразного профиля, что обеспечивало обстрел фронтальным огнем дна наружного рва. В полевых укреплениях (окопы, траншеи) устраивается бруствер. В архитектуре - не застраиваемое пространство перед крепостью (впереди земляной насыпи или на её месте, если она уничтожена).

Горже (франц. gorge - шея, горж) - тыльная сторона отдельных укреплений или тыльный вход в него.

Долговременное огневое сооружение (ДОС) - прочное (из камня, кирпича, бетона, железобетона, броневых конструкций и др.) оборонительное сооружение. Предназначено для ведения огня из орудий, минометов, пулемётов и др. огневых средств и предохраниния расчетов (подразделений), обслуживающих эти средства, от огня противника. Появление ДОС относится к XVII в. Первоначально ДОС существовали в виде казематов, устраиваемых в стенах замков и крепостей; позднее широко использовались как самостоятельные элементы при укреплении государственных границ и полевых позиций войск. По степени прочности ДОС делились на лёгкие (малые), усиленного типа (средней мощности) и тяжёлые. Лёгкие ДОС строились, как правило, под штатное войсковое оружие, одноэтажными, с толщиной стен и покрытий не более 1,5 м; средние — одно- и двухэтажными, с несколькими боевыми казематами, убежищами для гарнизона и подсобными помещениями, стены и покрытия имели толщину до 2 м. Тяжёлые ДОС представляли собой сложный комплекс, в котором размещались несколько артиллерийских орудий, миномётов, пулемётов и гарнизон значительной численности, защитные толши достигали 3 - 5 м. Лёгкие ДОС применялись в пози-

ционный период первой мировой войны. В дальнейшем все типы ДОС стали основой укрепленных районов и полос. Наиболее широко они использовались перед второй мировой войной при строительстве укреплённых линий: «Линии Мажино», «Линии Зигфрида», «Линии Маннергейма», укрепленных районов в СССР. Применялись ДОС главным образом в качестве отдельных огневых точек (капониры, полукапониры, блокгаузы) и как ансамбли, образуя укреплённые позиции. Вокруг ДОС (ансамбль) устанавливались минные поля и создавались др. заграждения. Подавление ДОС ввиду их прочности, малого возвышения над землёй и моши огня требовало применения специальных огневых средств с большим расходом боеприпасов, а также штурмовых действий.

Исходящий плацдарм - уширенная часть прикрытого пути на исходящих углах в крепостях бастионной системы, служившая для сбора гарнизона во время вылазок.

Казармы оборонительные, т.е. приспособленные к обороне и без опасные от снарядов и бомб. Возводились почти во всех крепостях, построенных до введения нарезной артиллерии. Такие казармы отличаются от казарм, предназначенных исключительно для жилья, так как в оборонительных казармах не только могут жить люди, но в них помещают пушки или мортиры, способные к действию сквозь амбразуры по впереди лежащей местности или только по внутренности крепости. В первой половине XIX в. такие казармы составляли непременную часть всякого самостоятельного фортификационного объекта. Подобные оборонительные сооружения отжили свой век вместе с гладкой артиллерией.

Каземат (франц. casemate, итал. casamatta - комната с толстыми стенами) - помещение в оборонительных сооружениях, защищающее находящихся в нем людей от поражения при прямом попадании снарядов и авиационных бомб. Прототипы К. известны с глубокой древности, большое развитие К. получили с усовершенствованием артиллерии и появлением авиации. По своему назначению К. разделяются на охранительные и оборонительные. Первые служат обеспеченным хранилищем запасов огнестрельных (пороховые магазины и снарядные и зарядные погреба), продовольственных (продовольственные магазины и склады), для жилья гарнизона (отдельные казематированные казармы) и для сообщения (потерны, ворота); вторые предназначаются для закрытого помещения орудий и стрелков с извест-

ными оборонительными целями (пушечные или мортирные К. и ружейные или стрелковые галереи). Все оборонительные сооружения, имеющие К., принято называть казематированными, в отличие от открытых.

Казематированные огневые сооружения - огневые долговременные сооружения, возведенные из железобетона и камня на растворе с перекрытием из железных балок, обеспечивающие защиту от прямых попаданий снарядов.

Капонир (франц. caponniere - ниша) - фланкирующее сооружение для ведения флангового огня по двум противоположным направлениям. К. бывают пулемётные, орудийные и орудийно-пулемётные. В старых крепостях К. предназначались для продольного обстрела фортовых рвов и примыкали к внутренней (эскарповой) стенке рва. Со временем первой мировой войны К. стали сооружаться в системе полевых позиций и укрепленных районов. Располагались К. обычно на обратных скатах или за какими-либо местными предметами для ведения артиллерийского или пулемётного огня, фланкирующего полосу заграждений и подступы к соседним ответным сооружениям.

Контр-минные галереи - подземные сооружения, проводимые для обороны ближайших подступов к укреплениям против минной галереи противника.

Контрэскарп (франц. contre - против и escarpe откос) - передняя отлогость (откос) внешнего крепостного рва, ближайшая к противнику.

Кофф (франц. coffre - ящик, сундук) - оборонительная казематированная постройка, расположенная в исходящих углах рвов за контрэскарпом для продольной фланковой их обороны. Если из К. обстреливаются два смежных рва, то он называется двойным, если же только один - одиночным. Сообщение с К. производилось или открыто - по дну рва через вход, прикрытый сквозником, или по участкам контэрскарповой галереи, идущей к горжевому рву, или потерной под дном рва.

Крепостной многоугольник (крепостной полигон) — многоугольник, вдоль сторон которого располагаются крепостные фронты. Стороны многоугольника называются линией полигона, углы, ими образованные, углами полигона, а прямые, делящие углы пополам, - капителями углов полигона.

Крепостной фронт - сочетание фасов долговременного укрепления (крепости), имеющих самостоятельную фланковую оборону рвов. Фронты, в зависимости от характера фланкирования,

делятся на бастионный, тенальный, полигональный (или капонирный) и кремальерный.

Куртина (итал. curtain - завеса) - участок крепостной стены между фланками двух смежных бастионов или между двумя башнями.

Люнет (франц. lunettes - очки) - открытое с тыла долговременное оборонительное сооружение, состоявшее из одного-двух фронтальных валов (фасов) и боковых валов для прикрытия флангов.

Паписад или **частокол** - сплошная стена из бревен, врытых, вертикально, на 1/3 своей длины, в землю, заостренных сверху и соединенных между собой двумя продольными брусками, устраивалась в наружном рву полевых и временных укреплений в качестве преграды для неприятеля; это единственная труднопреодолимая вертикальная преграда, которая может быть импровизирована из подручного материала.

Полигон (греч. poly - много, gonia — угол) — крепостной многоугольник.

Полукапонир - фланкирующее сооружение, примыкающее к эскарпу и ведущее фланговый огонь в одном направлении.

Потерна (франц. poterne) - подземный коридор (галерея) для сообщения между фортификационными сооружениями, фортами крепости или опорными пунктами укрепленных районов.

Пороховой погреб - запищченное от разрушения снарядами помещение для хранения взрывчатых веществ и боеприпасов. Располагались между фортами, в зоне артиллерийских батарей, чаще всего в две линии, а также в центре крепости.

Прикрытый путь - широкая полоса земли между гласисом и контэрскарпом. В крепостях служил для удобства вылазок и контратак.

Предмостная позиция — позиция, имеющая целью облегчить своим войскам наступление или отход через переправу и обеспечить этим свободу действий на обоих берегах реки. П.п. должна прикрывать мост или район мостов и переправ от артиллерийского огня противника и обеспечивать от обхода с флангов, для чего последние упираются в реку. Внутреннее пространство (предмостный плацдарм) позиции должно быть рассчитано на развертывание в боевой порядок войск при наступлении и на свертывание при отходе. В голове моста должно быть отдельное укрепление, имеющее назначение прикрыть отход защитников укреплений П.п. и дать время разрушить мост. П.п. может быть односторонней, возведенной на стороне противника, может охватывать район моста или мосты с обеих сторон реки. В первом случае позиция называется одиночным тет-де-поном, во втором - двойным тет-де-поном.

Промежуточный полукапонир - бетонные или железобетонные постройки в фортах, служившие для фланкирования промежутков между фортами и расположенные или в горжевых углах форта или на его фланках.

Равелин (лат. ravelere - отделять) - треугольное сооружение перед куртиной впереди крепостного рва, служащее для поддержки огнем атакованных бастионов и прикрытия от огня куртины.

Редут - полевое или временное укрепление, сомкнутое, представляющее квадрат или иной многоугольник, охваченный земляным валом (бруствером) и наружным рвом со всех сторон при перечнике от 50 до 200 м, смотря по значению и величине обозначающего его отряда - гарнизона (от 200 до 800 человек пехоты, к которым придавали от двух до четырех пушек). Выход из редута устраивался в виде перерыва, сделанного в бруствере и рве горжевого фаса (так называется наиболее безопасная, обращенная в тыл стороны редута), а чтобы неприятель не мог воспользоваться выходом, последний обстреливался из-за траверса — короткой поперечной насыпи, отодвинутой от выхода на внутреннее пространство редута для прохода между ней и бруствером, но заслоняющей отверстие выхода.

Редюит (франц. reduit - убежище) - внутренне укрепление, сооружаемое в сомкнутых укреплениях для их усиления и боя внутри последних. Под Р. понимается также всякое укрепление, расположенное позади главных укреплений и являющееся последним оплотом обозначающихся.

Ров - препятствие, возводившееся перед стенами или валами укрепленных пунктов как долговременного, так и полевого характера с древнейших времен вплоть до первой мировой войны. С возникновением новых форм укрепления местности (укрепленных районов, окопов) рвы исчезают и снова появляются как противотанковые препятствия, прикрывающие укрепленные районы и полевые позиции. Чтобы выполнить свое назначение, рвы должны были находиться под действительным огнем обороны. Рвы делались сухими и водяными, когда можно было из ближайших водоемов наполнять их проточной водой.

Сквозник - сквозная галерея, расположенная перед дверными проемами казематов и блиндажей для предохранения от попадания в двери осколков и от действия взрывной волны. С. бывают прямые и коленчатые, в виде буквы П. Последние лучше предохраняют от осколков, но хуже от действия взрывной волны, так как

волна, проникая в оба входа С, производит сильное разрушительное действие на дверь.

Тем-де-пон (франц. tête-de-pont) - предмостная позиция.

Траверс (франц. traverse) - попечный вал, преграда для защиты от пули и ядер. Траверсом (коротким валом) прикрывали вход в редут, ворота.

Фас (франц. face - лицо) - прямолинейный участок оборонительной ограды, соответствующий определенному направлению огня с нее; получает название фланка, если он небольшой длины, и назначается для продольного обстреливания (фланкирования) доступов к смежным частям оборонительного расположения. Число Ф. определяется числом различных, необходимых оборонояющемуся, перпендикулярных к ним направлений огня с оборонительной ограды, а длина каждого Ф. - требуемой силой огня в данном направлении. Ф. называют также прямолинейные участки проволочных препятствий и противотанковых рвов.

Фланк (франц. flanc - бок) короткая сторона укрепления, перпендикулярная или почти перпендикулярная линии фронта. В бастионной системе — сторона бастиона между фасом и куртиней, где обычно устанавливались орудия для обстрела рва перед куртиной.

Форт (лат. fortis — сильный, крепкий) - сомкнутое укрепление долговременного или временного характера, основной элемент пояса внешних укреплений крепости. В отличие от крепости, Ф. первоначально назывались отдельные укрепления, содержащие только воинский гарнизон и защищавшие отдельные дефиля, мосты, дороги и пр.

Фортфиксационное сооружение - инженерное сооружение, предназначенное для повышения эффективности применения оружия и военной техники, обеспечения устойчивого управления войсками, защиты их и населения от средств поражения.

Фортификация (позднелат. fortificatio — укрепление, от лат. fortis — крепкий, сильный и facio — делаю) — военно-техническая наука, разрабатывающая георетические основы и практические способы защиты войск, населения и тыловых объектов от воздействия средств поражения путем строительства и использования укреплений, отрасль военно-инженерного искусства.

Фронт (франц. front, лат. frons - лоб, передняя сторона) - совокупность элементов крепостной ограды, обращенная в сторону неприятеля.

Штурмфал (нем. Sturmfalle — противотурмовые бревна) - бревна, уложенные вплотную друг к другу в виде наклонного или горизонтального палисада, помещенного в отлогостях эскарпа или, реже, контрэскарпа, обычно перпендикулярно к ним. Применялся как средство, затрудняющее подъем по эскарпу или спуск в ров.

Эскарп (франц. escarpe крутость) откос рва с внутренней стороны укрепления, крепости, форта и пр.

Цитадель (от итал. citadella, буквально — маленький город), наиболее укрепленная центральная часть крепости; сооружение крепостного типа внутри старинных городов. Ц., как правило, включали дворец правителя, административные и культовые здания, в планировке следовали рельефу местности, могли располагаться на линии крепостных стен, за пределами городских укреплений или внутри города. Увеличивая общую продолжительность сопротивления, Ц. предназначались иногда также для удержания в повиновении гражданского населения крепости. Ц. может быть расположена или отдельно, внутри главной ограды, или иметь с ней общие фронты; например Александровская Ц. крепости Варшавы и Ц. крепости Новогеоргиевска. В оборонительном отношении Ц. организовались как вполне самостоятельные отдельные укрепления, причем должны содержать в себе большое количество безопасных от снарядов помещений. Когда внутри крепостной ограды находится город, то между Ц. и городскими строениями оставляется открытая площадь, называемая эспланадой; городские улицы, упирающиеся в эспланаду, получают такое направление, чтобы из Ц. их можно было обстреливать продольным огнем.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Бауэр (Baur, Bauer) Фридрих Вильгельм (1731 - 1783) немецкий и российский военачальник, военный инженер, генерал-инженер. Уроженец Верхнего Рейна, из швейцарских дворян. Проходил службу с 1757 г. в гессенской, брауншвайгской и прусской армиях, в 1762 - 1763 гг. генерал-квартирмейстер прусской армии, участник Семилетней войны. С 1769 г. Б. на российской службе. Отличился во время российско-турецкой войны 1768 - 1774 г., командовал авангардом российской армии в Ларгской и Кагульской битвах. В 1770 г. представил проект реорганизации Генерального штаба, а в 1772 г. назначен генерал-квартирмейстром российской армии (начальником Генштаба). Сделал попытку реализовать свой проект, однако встретил сильное сопротивление генералитета. Б. руководил фортификационными работами в Дюнамюнде, Нарве, Пернове, строительством городской верфи в Петербурге, московского водопровода, другими инженерно-техническими объектами. В начале 1783 г. был назначен главным начальником Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса.

Белинский Иван Осипович (1876 - 1976) - российский, советский военный инженер. После окончания в 1903 г. Военно-инженерной академии в чине штабс-капитана был назначен на должность производителя работ в Брест-Литовское крепостное инженерное управление. Участник российско-японской войны 1904 - 1905 гг. По окончании войны Б. вновь был направлен в Брест-Литовск и назначен старшим производителем работ и заведующим Волынским сектором крепости. В связи с появлением у австрийцев 420-миллиметровой гаубицы в 1908 г. руководил работами по переустройству и усилению бетоном кирпичного V форта (д. Аркадия). В 1910 г. Б. было поручено разработать проекты фортов «ЮжноЗ». Строительство форта «Ж» по этому проекту было закончено в 1913 г. С 1918 г. - в РККА, теоретик и практик советского военно-артиллерийского искусства. В своей работе «Крепость - долговременно укрепленный лес» (1923) выступил с теоретической разработкой новых форм фортификационного строительства в СССР.

Буйницкий Нестор Алоизиевич (1863 - 1914) российский военный инженер. Военное образование получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, в Николаевском инженерном училище и в Николаевской инженерной академии. С 1893 г. состоял в Николаевской инженерной академии, по кафедре фортификации.

В 1904 г. назначен членом непременного присутствия главного крепостного комитета, в 1908 г. постоянным членом Инженерного комитета Главного инженерного управления, с оставлением в должности профессора академии. Б. сотрудничал в «Инженерном Журнале», «Военном Сборнике», «Артиллерийском Журнале», в «Энциклопедическом Словаре» Брокгауза и Ефрана и в «Военной энциклопедии». Основные публикации: «Заблаговременное усиление стратегических пунктов» (1893); «Влияние последних нововведений в области оружия на полевую фортификацию» (1894); «Краткий курс теоретической полевой фортификации» (1-е изд. в 1897 г., пятое - 1908 г.); «Записки долговременной фортификации» (1896); «Об устройстве приморских крепостей» (1899); «Современное состояние долговременной и временной фортификации» (1903); «Инженерная оборона государства» (1907); «К вопросу о боевой готовности крепостей в период их постройки» (из «Военного Сборника», 1908); «О проектировании фортов в сухопутных крепостях» (1908) удостоено первой премии «Инженерного Журнала»; дополнение к книге «Инженерная оборона государства» (1909); «Значение и устройство крепостей в береговой обороне» (из журнала «Море», 1909); «Величина и состав гарнизонов крепостей» (из «Военного Сборника», 1909); «Долговременный форт минимальной стоимости» (из «Инженерного Журнала», 1909); «Приморские крепости» (из «Инженерного Журнала», 1911). Погиб в начале первой мировой войны.

Величко Константин Иванович (1856 - 1927)-российский, советский военный инженер, генерал-лейтенант. Учился в Петербургской военной гимназии, в Николаевском инженерном училище. Осенью 1877 г. поступил в Инженерную академию, но с началом российско-турецкой войны 1877-1878 гг., находился в действующей армии. После войны закончил академию (1881) и был командирован за границу для практического изучения технического производства. До начала российско-японской войны состоял профессором Николаевской инженерной академии по кафедре фортификации. В 1903 г. был назначен помощником главного начальника инженеров. 12 февраля 1904 г. назначен генералом для особых поручений при командующем (позже главнокомандующем) силами на Дальнем Востоке против Японии. В книге «Исследование новых средств осады и обороны сухопутных крепостей» (1888) В. проявился последователем идей графа Э. Тотлебена, высказанных последним в предвидении артиллерии будущего. Появление фугасных бомб вызвало раскол среди инженеров различных стран

по вопросу о расположении и укрытии крепостной артиллерии. Потому все инженеры иностранных государств, с бельгийским генералом Бриальмоном во главе, стояли за необходимость спрятать артиллерию крепости под броню. В. выступил убежденным противником брони в целом в ряде сочинений: «Две новейших системы броневых установок орудий для сухопутных крепостей и испытание их в Бухаресте», «Вращающиеся броневые установки в сухопутных крепостях», «За и против броневых закрытий в фортификационных сооружениях» и др. После обнародования этих трудов В. принимал деятельное участие в составлении проектов крепостей, в постройке и перестройке всех российских пограничных крепостей. Основные труды - «Оборонительные средства крепостей против ускоренных атак» (1892); «Крепости и крепостные железные дороги» (1897); «Условия работ и жизнь войск на Квантуне» (1900); «Инженерная оборона государств и устройство крепостей» (1903). Своими трудами В. способствовал образованию русской фортификационной школы, отливающейся стремлением достичнуть безопасности артиллерии с помощью маскировки и передвижения орудий, разработкой путей сообщения в крепостях и вообще организацией крепостных сооружений, наиболее соответствующих активной обороне. В 1918 г. вступил в Красную Армию. В феврале 1918 г. был назначен главным руководителем инженерной обороны Петрограда, а в мае 1918 — председателем Коллегии по инженерной обороне страны. Один из организаторов инженерных войск РККА. В 1923 - 1927 гг. В. являлся начальником кафедры Инженерной академии. Погиб в ОПТУ в 1927.

Ворошилов Климент Ефремович (1881 - 1969) советский военный и политический деятель, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза. С 1918 г. - командующий и член РВС ряда армий и фронтов. В 1918 г. в Красной Армии, в 1918 - 1919 г. член Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, нарком внутренних дел Украинской ССР. С 1919 г. член РВС 1-й Конной армии, с 1921 г. командующий войсками Северо-Кавказского, с 1924 г. - Московского военных округов. С января 1925 г. зам. наркома, в ноябре 1925 - июне 1934 гг. нарком по военным и морским делам СССР, с 1924 г. член, в 1925 - 1934 гг. председатель РВС СССР. В 1934 - 1940 гг. нарком обороны СССР. В 1940 1953 гг. зам. Председателя СНК (Совмина) СССР. В 1953 - 1960 гг. Председатель, с 1960 г. член Президиума Верховного Совета СССР. Будучи наркому обороны, принимал участие в разработке и принятии планов военно-инженерного укрепления границ СССР.

Голенкин Федор Ильич (1871 - 1936) -российский, советский военный инженер. Военное образование получил в Николаевском инженерном училище (1893) и Николаевской инженерной академии (1899), в которой с 1901 был на преподавательской работе (с 1909 г. экстраординарный профессор). Участник первой мировой войны, генерал-майор. В январе 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. Первый начальник Военно-инженерной академии (с марта по июнь 1918 г. и с декабря 1918 г. по август 1923 г., в дальнейшем - старший руководитель академии). В годы гражданской войны участвовал в руководстве строительством укреплений под Петроградом и в Кронштадте. Г. занимался преимущественно разработкой вопросов полевой и долговременной фортификации и внёс большой вклад в развитие советского военно-инженерного искусства. Автор трудов: «Заметки по полевой фортификации» (1907), «Броневые установки» (1910), «Долговременная фортификация» (1912), «Современное состояние долговременной и временной фортификации» (1913) (совм. с Н.Буйницким и В.Яковлевым), «Подготовка государства к обороне в инженерно-техническом отношении» (1920).

Григоренко Петр Григорьевич (1907 - 1987) советский военный деятель, правозащитник, публицист. С 1931 г. профессио нальный военный. окончил Военно-инженерную академию им. Куйбышева, служил на командных должностях в Белорусском военном округе. Участвовал в строительстве Минского укрепленного района. В 1939 - 1943 гг. служил на Дальнем Востоке, участник боев на р.Халхин-Гол. В 1944 - 1945 гг. участник Великой Отечественной войны. С 1945 по 1961 гг. на преподавательской и научной работе в Военной академии им. М.В.Фрунзе. Кандидат военных наук, автор работ по военной истории, теории и кибернетике. С 1959 г. начальник кафедры оперативно-тактической подготовки академии, генерал-майор. После выступления в сентябре 1961 г. на партийной конференции в Москве был отстранен от преподавания в академии. В феврале 1964 г. был задержан и помещен во внутреннюю тюрьму КГБ, а в августе 1964 г. Постановлением Совета Министров СССР разжалован в рядовые. В 1967 г. написал историко-публицистический памфлет «Сокрытие исторической правды — преступление перед народом» о причинах поражений Красной Армии в начальный период войны. В мае 1969 г. был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», в 1974 г. освобожден, позже выехал в США. Автор воспоминаний «В подполье можно встретить только крыс» (Нью-Йорк, 1983).

Деволант (de Wollata, Дева-юн) Франц-Павел Павлович (1752 - 1818) - российский военный инженер. Уроженец Брабанта, в 1787 г. перешел из голландской службы в русскую инженер-майором, в 1788 г. во время войны со шведами служил на флоте адмирала Грейга. Затем был отправлен в армию, действовавшую против турок, где в 1789 г. занял должность первого инженера в армии. В 1793 г. был в армии Суворова в Речи Посполитой. В 1795 г. занимался постройкой крепостей в Фанагории, Кинбурне, Одессе и Тирасполе, порта Ахтиар (Севастополь) и городов Одессы, Овидиополя, Тирасполя, Григориополя и Вознесенска. Д. в 1797 г. был произведен в генерал-майоры и уволен в отставку. В 1798 г. призван на службу и назначен членом департамента водяных коммуникаций. На этой должности занимался строительством канала Огинского, Маринской и Тихвинской системы, обводных каналов Онежского озера. С преобразованием управления инженеров путей сообщения Д. был назначен генерал-инспектором, в 1810 г. произведен в инженер-генералы. В 1813 г. назначен главным директором путей сообщения, а в 1814 г. - членом комитета министров. Д. автор нереализованных проектов укрепления западной и южной границ Российской империи в конце XVIII в.

Дени Иванович (1787 - 1857) - российский военный инженер, фортификатор, инженер-генерал. Из немецких дворян, поступил на службу в российскую армию в 1804 г. Во время восстания 1830-1831 гг. занимался строительством укреплений Бреста, Ловича и Мендзыгирче-Подлянского. В 1832 - 1852 гг. исполнял обязанности начальника Западного инженерного округа и главного строителя крепостей в Королевстве Польском. По его проектам строились и усовершенствовались укрепления крепостей Новогеоргиевск (Модлин), Ивангород (Демблин), Брест-Литовск, а также варшавской Цитадели и Кронштадта.

Догадин Владимир Максимович (1884 после 1955) российский и советский военный инженер. В 1903 г. окончил Оренбургский кадетский корпус, в 1906 г. - Николаевское инженерное училище, был произведен в подпоручики и направлен в Киевский 4-й понтонный батальон. В 1908 г. Д. поступил в Николаевскую инженерную академию, которую успешно окончил в 1911 г. (включая дополнительный курс). В чине штабс-капитана с утверждением в звании военного инженера был направлен в Брест-Литовск в качестве младшего производителя работ. Являлся руководителем строительства крепостного холодильника. За добросовестную работу в Брестской крепости был награжден орденом Станислава 3-й степени. В 1914 — 1916 гг. продолжал деятельно участвовать в созда-

нии различных фортификационных систем на Западном фронте. В марте 1917 г. как опытный военный инженер был направлен на строительство Севастопольской крепости старшим производителем работ, а затем начальником хозяйственного отделения. В 1918 г. вступил в Красную Армию и продолжил службу на военно-инженерном поприще, работал штатным преподавателем 2-й военно-инженерной школы в Москве, в гражданских и военных строительных ведомствах, участвовал в Великой Отечественной войне, которую закончил в Кенигсберге. После войны служил начальником отдела истории фортификации, мино-подземного дела и маскировки Центрального исторического военно-инженерного музея. Оставил свои воспоминания о службе в Брест-Литовской крепости.

Егоров Александр Ильич (1883 - 1939) - советский военный деятель, Маршал Советского Союза, В 1905 г. окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участник первой мировой войны, подполковник. В гражданскую войну командовал армиями, войсками Южного фронта при разгроме войск генерала А.И. Деникина и Юго-Западного фронта в войне против Польши. В 1925 - 1926 гг. Е. служил военным атташе в Китае. Вернувшись на родину, занимался реорганизацией и перевооружением Красной Армии, входил в состав ВСНХ. В 1927 - 1931 гг. командовал войсками Белорусского военного округа. В 1931 - 1935 гг. начальник штаба РККА, в 1935 - 1937 гг. начальник Генштаба, в 1937 - 1938 гг. 1-й заместитель наркома обороны СССР, в 1938 г. командующий войсками Закавказского военного округа. Е. стал одним из инициаторов реорганизации Красной Армии на новой технической основе и был одним из крупнейших теоретиков РККА по вопросам стратегии и оперативного искусства. В 1938 г. уволен из РККА и арестован, а в 1939 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.,

Кайгородов Михаил Никифорович (1853 - после 1916) - генерал от инfanterии. Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (по некоторым источникам - Полоцкий кадетский корпус), Николаевское артиллерийское училище (1873), Николаевскую Академию Генерального штаба (1880). Служил на командных должностях в царской армии, в 1901 - 1905 гг. был губернатором Ньюландским (Финляндия), 1905 — 1906 гг. - Иркутским. С ноября 1907 г. - Начальник 26 пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Гродно. В августе 1913 г. К. назначен комендантом строящейся Гродненской крепости. За участие в боях за крепость награжден орденом Белого орла с мечами. С июля 1916 г. состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа.

Каменев Сергей Сергеевич (1881 - 1936) — советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). Родился в семье военного инженера. Военное образование получил в Александровском военном училище (1900) и Академии Генштаба (1907). Во время первой мировой войны 1914 - 1918 гг. на штабных должностях, был начальником оперативного управления 1-й армии. С начала 1917 г. командовал пехотным полком в чине полковника. После Октябрьской революции избран начальником штаба 15-го корпуса, а затем 3-й армии. В начале 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, был военным руководителем Невельского участка Западной завесы. С сентября 1918 по июль 1919 командовал войсками Восточного фронта против войск Колчака. С июля 1919 по апрель 1924 — главнокомандующий Вооруженными Силами СССР. Занимал ряд руководящих должностей в РККА - с апреля 1924 г. инспектор, с марта 1925 г. начальник Штаба, с ноября 1925 г. главный инспектор, а с августа 1926 г. начальник Главного управления. С апреля 1924 по май 1927 член РВС СССР. С июня 1934 г. начальник управления ПВО обороны СССР.

Карбышев Дмитрий Михайлович (1880 - 1945) - военный инженер, генерал-лейтенант инженерных войск (1940), профессор, доктор военных наук (1941), Герой Советского Союза (1946). Окончил Николаевское инженерное училище (1900) и Николаевскую инженерную академию (1911). Участвовал в российско-японской войне 1904-1905 гг. С 1911 г. руководил строительством форта VII и других объектов Брестской крепости. Во время первой мировой войны с ноября 1914-1918 гг. - в управлении начальника инженерных войск 11-й и 8-й армий, последний чин - подполковник. С декабря 1917 г. отрядный инженер Красной Гвардии в Могилёве-Подольском. В гражданскую войну 1918 - 1920 гг. организовывал инженерное обеспечение операций по разгрому войск Колчака и Врангеля. В 1921-1923 гг. на ответственных должностях в штабе Вооруженных Сил Украины и Крыма, в 1923-1926 гг. председатель Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА. С 1926 г. К. на преподавательской работе в Военной академии им. М.В.Фрунзе, с 1936 г. в Военной академии Генштаба. Автор многих научных трудов: «Инженерная подготовка границ СССР» (книга 1, 1924), «Разрушения и заграждения» (1931, совместно с И.Киселевым и И.Масловым), «Инженерное обеспечение боевых действий стрелковых соединений» (ч. 1-2, 1939-1940) и др. К. разработал основы теории инженерного обеспечения операций и боевого применения инженерных войск. В июне 1941 г. прибыл в Грод-

но с целью инспектирования строительства фортификационных сооружений на западной границе в ЗапОВО. Здесь встретил начало войны. Отказавшись выехать в тыл, оказывал помощь в организации оборонительных боев. 8 августа 1941 г. был тяжело контужен и попал в плен. Вёл антифашистскую агитацию среди пленных в лагерях смерти (Замосць, Майданек и др.). В феврале 1945 г. замучан фашистами.

Колосовский Дмитрий Павлович (1862 - ?) - военный инженер, генерал-майор. Из дворян Московской губернии. Военное образование получил в Николаевском инженерном училище (1886), Инженерной академии (1891). После окончания Инженерной академии направляем в лейб-гвардии саперный батальон. В 1893 г. переведен во Владивостокское инженерное управление. Занимал должности производителя работ, помощника строителя Владивостокских укреплений. В российско-японскую войну - корпусной инженер 2-го Сибирского армейского корпуса. За отличия в боях награжден орденами св. Анны 2 степени с мечами и св. Владимира с мечами. С 1905 г. - в Санкт-Петербургском крепостном инженерном управлении. В ноябре 1911 г. прибыл в Гродно и зачислен в состав Изыскательской партии. 2 июля 1912 г. произведен в генерал-майоры с назначением Строителем Гродненской крепости. С началом первой мировой войны назначен Начальником инженеров Гродненской крепости. Во время военных действий находился в районе Гродненской крепости и принимал участие в обороне до эвакуации в августе 1915 г. Затем руководил работами по укреплению полевых позиций Северо-Западного и Западного фронтов. В июле 1916 г. назначен Начальником инженеров Кавказской армии.

Куйбышев Валериан Владимирович (1888 - 1935) - советский партийный и государственный деятель. Из семьи офицера, обучался в Омском кадетском корпусе. В 1905-1906 гг. учился в Военно-медицинской академии, откуда был исключен за революционную деятельность. С 1906 г. неоднократно подвергался арестам и ссылке, бежал из-под стражи. После Октябрьской революции председатель ВРК и Самарского губкома РСДРП. Во время гражданской войны член РВС южной группы войск Восточного фронта, один из руководителей обороны Астрахани (1919), член РВС Туркестанского фронта. В 20-е - 30-е гг. занимал ряд партийных и государственных должностей. С 1930 г. председатель Госплана СССР, заместитель председателя СНК СССР, с 1934 г. председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР, 1-й заместитель председателя СНК и Совета Труда и Обороны СССР.

Малецкий Ян (Mallet de Grandville Jean, 1777 - 1846) - французский военный инженер на российской службе с 30-х гг. XIX в. Военное образование получил в Школе Инженеров в Метце. С 1795 г. участвовал в войнах революционной и наполеоновской Франции в чине капитана 2 и 1 класса. В компании 1806-1807 гг. попал в плен. В 1809 г. вступил в армию Варшавского княжества, где получил чин подполковника и занял должность Главного директора инженеров княжества. Участник похода Наполеона в 1812 г., в битве под Липском в 1813 г. опять попал в плен. В армии Королевства Польского назначен на должность Начальника корпуса инженеров с присвоением звания бригадного генерала. Являлся противником Ноябрьского восстания 1830 г., однако 16 XII 1830 г назначен на должность Главного квартирмейстра, которую занимал до 28 февраля 1831 г. До капитуляции Варшавы был начальником Корпуса инженеров, а также Артиллерийского и инженерного комитета. После поражения восстания 1830-1831 гг. поступил на российскую службу. Автор проектов перестройки крепостей Модлин и Замость (1816 и 1820 гг.) и проектов постройки крепости Брест-Литовск в 20-е гг. XIX в.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816 - 1912) российский военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал (! 898). В 1832 г., после окончания пансиона при Московском университете, поступил на службу в 1-ю артиллерийскую гвардейскую бригаду фейерверкером, а через полгода подступил первый офицерский чин. После окончания Императорской военной академии М. был произведен в поручики и причислен к Генеральному штабу. С 1839 г. М. участвовал в боевых действиях на Кавказе, был ранен. В 1845 г. был назначен на должность профессора Императорской военной академии по кафедре военной географии, где стал основателем новой дисциплины - военной статистики, которая учитывала, с военной точки зрения, все многообразие различных сведений о государстве, его территории, населении, государственном устройстве, финансах, вооруженных силах и т.д. Широкая эрудиция и научный подход к разрешению военных проблем были учтены при назначении на должность директора Канцелярии военного министерства. В 1856 — 1859 гг. М. находился на Кавказе в должности начальника Главного штаба Отдельного Кавказского корпуса (Кавказской армии). В 1861 г. утвержден военным министром. Двадцатилетняя служба на этом посту была связана с проведением военной реформы, в том числе крепостного строительства.

Михайлин Иван Прокопьевич (1892 - 1941) советский военачальник, генерал-майор. Участник первой мировой и гражданско-

кой войн, В Красной Армии с 1918 г. Служил на различных должностях военком, начальник политотдела дивизии, комиссар корпуса, комиссар стрелковой дивизии, начальник Инженерного управления Красной Армии. Окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе. В январе 1941 г. назначен на должность помощника командующего ЗапОВО по укрепленным районам.

Монталамбер (Montalambert) Марк Рене де (1714 - 1800) - французский военный деятель и теоретик фортификации, дивизионный генерал. Член Парижской и Петербургской академий наук. На военной службе с 1732 г. (в кавалерии), участвовал в 30-е - 40-е гг. в войнах за польское и австрийское наследство. В 1750 г. построил на свои средства артиллерийский завод. В 1758 г. издал труд, в котором обобщил опыт изготовления пушек из железа. Во время Семилетней войны 1756 - 1763 гг. занялся фортификацией, руководил строительством укреплений в Анкламе и Штраальзунде и на острове Олерон. В 1779 г. руководил обороной островов Ре и Экс от англичан. После Великой французской революции был консультантом военного министра Л.Карно. В своём труде «Перпендикулярная фортификация» (т. 1—11, 1776-1793) решительно выступил против изжившей себя из-за неудовлетворительности флангового огня бастионной системы крепостей и выдвинул идею создания крепостных фронтов т.н. тенального начертания, в которых изломы оборонительных линий были перпендикулярны, что обеспечивало пехотный огонь. Требовал активной обороны крепостей, усиления их артиллерийского вооружения и расширения площади путём строительства впереди крепостной ограды одной или двух цепей малых фортов. Эта идея нашла своё воплощение в его проекте крепости Шербур и открыла новую эру не только в фортификации, но и способах обороны крепостей и общей стратегии. Идеи М. в XIX в. получили признание и развитие во Франции, России и Германии.

Нарбут Теодор (Федор Евхимович, 1784 - 1864) - военный инженер, историк. После окончания Виленского университета в 1803 г. был принят в Петербургский кадетский корпус. Служебную карьеру начал в Инженерном департаменте Военного ведомства. В 1804 г. принимал участие в работе комиссии по разработке проекта регуляции р. Неман. Участник франко-прусской-российской (1806-1807) и российско-шведской (1808-1809) войн, военный инженер, капитан. Разработал проект Бобруйской крепости и принимал активное участие в ее строительстве. За службу по строительству Бобруйской крепости Н. был награжден орденами св. Владимира VI степени и св. Анны II степени В 1812 г. вышел в отставку и про-

живал в своем имении Шавры Лидского уезда, где занимался изучением истории Великого княжества Литовского.

Невский Георгий Георгиевич (1891 - 1961) - советский военный инженер, теоретик и практик фортификационного строительства, генерал-лейтенант инженерных войск. Окончил Военно-инженерную академию (1918). В Красную Армию вступил в 1918 г., участник гражданской войны, дивизионный инженер, начальник инженерного снабжения Северного и Западного фронтов. С 1934 г. помощник инспектора, старший инспектор Управления военно-учебных заведений РККА. Во время Великой Отечественной войны - начальник инженерных войск Юго-Западного направления, с 1942 г. начальник инженерных войск Карельского фронта. В 1944 1946 гг. — начальник Суворовского военного училища, с 1947 на преподавательской работе в Военной академии им. М.В.Фрунзе.

Обручев Николай Николаевич (1830 - 1904) - русский военный деятель и писатель. Окончил Императорскую военную академию, в которой затем занял кафедру статистики и установил практические занятия по этому предмету. После публикации ряда научных трудов, был назначен управляющим делами военно-учебного комитета Главного Штаба и принял участие в военной реформе и разработке планов военных действий, в том числе российско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. После войны руководил комиссией по проектированию укреплений Варшавы, Новогеоргиевска и Загрже. В 1881 г. О. был назначен на пост начальника Главного Штаба. Один из фордов Кронштадта был назван его именем. Главные труды: «Опыт истории военной литературы в России», «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся по истории военного искусства в России по 1725 году», «Сеть русских железных дорог. Участие в ней земства и войска», основатель и редактор «Военного сборника».

Опперман Карл Иванович (1756-1831)- российский военный деятель и инженер. Уроженец Дармштадта, в 1783 г. был принят в российское подданство в качестве инженер-капитана Инженерного корпуса. Отличился в российско-шведской войне 1788 - 1790 гг. постройкой береговых батарей и как специалист по фортификации. В 1793 г. составил план укрепления западной границы империи, предложив построить крепости у Бобруйска и Динабурга. В 1796 г. был переведен в картографическое ведомство - Депо карт, где составил описание западных границ империи, с предложениями по укреплению Брест-Литовска. Передвойной 1812 г., будучи директором Инженерного департамента Военного министерства, О. объехал все укрепления на границе. Активный участник российско-французской

войны 1812 - 1813 гг., отличился при осаде крепостей Торн, Данциг, Модлин, где находились французские гарнизоны. В 1818 г. О. был назначен генерал-инспектором по инженерной части, ему была поручена практическая работа по модернизации и усовершенствованию крепостных сооружений в России. Внес значительный вклад в создание учебных заведений и подготовку военных инженеров.

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897 1941) - советский военный деятель, генерал армии, командующий Западным особым военным округом, Герой Советского Союза (1937). Участник первой мировой и гражданской войн. В Красной Армии призван по профмобилизации в 1919 г. Военное образование получил на Костромских пехотных курсах комсостава (1920), в Омской обединенной высшей военной школе (1923), в Военной академии им. М.В.Фрунзе (1928). В 20-е гг. П. принимал участие в боях на Алтае, Туркестанском фронте, КВЖД. С января по август 1931 г. обучался на Академических курсах технического усовершенствования начальствующего состава при Военно-транспортной академии в городе Ленинграде. После окончания АКТУС до февраля 1934 г. командовал 6-м механизированным полком в Гомеле. С октября 1936 по июнь 1937 участвовал в в боевых действиях в Испании, где командовал танковой бригадой и объединял командование групп от 11 до 9 бригад со всеми техническими средствами. С июля по ноябрь 1937 - заместитель начальника Автогенерантовского управления РККА. С декабря 1937 г. начальник АБГУ в звании комкор. Участвовал в советско-финляндской войне 1939 - 1940 гг. С июня 1940 г. П. командовал войсками Западного особого военного округа, непосредственно руководил возведением в округе новых пограничных укреплений. В июле 1941 г. арестован в Довске, отстранён от занимаемой должности, лишен наград и воинского звания, обвинен в трусости и паникерстве, развале управления войсками и сдан че противнику без боя. Расстрелян в июле 1941 г. вместе с другими командирами Западного фронта. В 1956 г. реабилитирован.

Паскевич Иван Федорович (1782 - 1856) российский военный деятель. В 1800 г. окончил Пажеский корпус и начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку. Участвовал в российско-турецкой войне 1806 - 1812 гг., которую завершил в чине генерал-майора. Во время войны 1812-1813 гг. с Наполеоном за отличие в битве под Лейпцигом П. произведен в генерал-лейтенанты. Командовал дивизией при взятии Парижа. В 1817 - 1821 гг. состоял при великом князе Михаиле Павловиче и командовал пехотной дивизией, где проходил военную практику Николай I. В 1825 г произведен

в генерал-адъютанты, назначен членом Верховного суда по делу декабристов. Участвовал в российско-турецкой войне 1828-1829 гг., когда российские войска взяли на Кавказе Карс и Эрзурум и разгромили турецкую армию. После заключения Адрианопольского мира Паскевич был пожалован чином генерал-фельдмаршал. В 1830-1831 гг. жестоко подавил восстание в Польше, Беларуси и Литве. За взятие Варшавы получил титул светлейшего князя Варшавского и был назначен наместником в Царстве Польском, где проводил русификаторскую политику. В 1849 г. разгромил революцию в Венгрии. В 1854 г. во время Крымской войны был главнокомандующим войсками на западной границе и Дунае.

Петин Николай Николаевич (1876 - 1937) советский военный деятель, комкор. Окончил Николаевское инженерное училище. Участник российско-японской и первой мировой войн, полковник Генерального штаба. С 1918 г. в Красной Армии, начальник инженеров РККА и Инженерного управления до мая 1937 г. В 30-е гг. XX в. руководил созданием укрепленных районов вдоль Государственной границы СССР и укрепленных районов Береговой обороны Военно-морских сил РККА, за что был награжден орденом Ленина. Расстрелян в 1937 г.

Подлас Кузьма Петрович (1893 - 1942) — советский военачальник, генерал-лейтенант. В РККА с 1918 г., окончил Курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии им. М.В. Фрунзе. В июле 1937 г. командир 23 стрелкового корпуса, комдив П., был назначен председателем комиссии по проверке укрепленных районов БВО, которая констатировала неподготовленность УРОв к боевым действиям. В 1938 г. командующий 1-й Особой Краснознаменной армией П. был осужден за преступное бездействие и нераспорядительность в деле обеспечения боевых операций в районе озера Хасан. В 1939 г. освобожден из заключения. Накануне войны — зам. командующего войсками Киевского особого военного округа. С августа 1941 г. - командующий 40-й армией во время обороны в Киевском и Коростенском УРах, а с февраля 1942 г. - 57-й армии. Погиб под Харьковом.

Пономаренко Пантелеймон Кондатьевич (1902 - 1984) - советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант. Окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1922 г. на комсомольской работе, с 1937 г. в аппарате ЦК ВКП(б). В 1938 - 1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б)Б, член Военного совета ЗапОВО, а с началом Великой Отечественной войны - Западного, Центрального и Брянского фронтов. В 1942 г. назначен

на должность начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. После войны занимал различные должности в аппарате Совета Министров СССР.

Свечин Александр Андреевич (1878- 1938)-советский военный теоретик, комдив. Военное образование получил в Петербургском кадетском корпусе и военном училище, в 1903 г. окончил Академию Генерального штаба. Участник российско-японской и первой мировой войн, генерал-майор, начальник штаба фронта. В марте 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию. С октября 1918 г. С. на преподавательской работе в Академии Генерального штаба (Военная академия РККА), впоследствии назначен Главным руководителем военных академий РККА по преподаванию «Истории военного искусства» и «Стратегии». Арестован органами ОГПУ в 1930 г., в 1933 г. - освобожден и назначен в IV управление Штаба РККА (Главное разведывательное управление). В 1936 г. комдив С. был назначен помощником начальника кафедры военной истории Академии Генштаба РККА. В феврале 1938 г. уволен из РККА, а в июле расстрелян. Автор ряда трудов по военной истории и стратегии: «Война в горах» (1906 - 1907), «В Восточном отряде» (1908), «Русско-японская война» (1910), «Воздухоплавание в Германии», (1910), «История военного искусства» (в трех томах, 1922 - 1923), «Стратегия» (1926), «Эволюция военного искусства» в двух томах, 1927 - 1928), «Искусство возведения полка» (1930), «Клаузевиц» (1935), «Стратегия в трудах военных классиков» (1926).

Сухомлинов Владимир Александрович (1846 1926) - российский военный деятель, генерал от кавалерии. Военное образование получил в Николаевском кавалерийском училище (1867) и Академии Генерального штаба (1874). Участник российско-турецкой войны 1877-1878 гг., командовал кавалерийским полком и дивизией, в 1886-1897 гг. был начальником Офицерской кавалерийской школы. С 1899 г. в Киевском военном округе — начальник штаба, помощник командующего, командующий, а с 1905 г. еще и киевский, волынский и подольский генерал-губернатор. В декабре 1908 г. С. был назначен начальником Генштаба, а в марте 1909 г. военным министром. При нем проводились военные реформы 1905- 1912 гг., но российская армия оказалась неподготовленной к длительной войне. В июне 1915 г., после поражения российской армии на фронте, С. был снят с должности, а в марте 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене. В сентябре 1917 г. был приговорен судом к бессрочной каторге, замененной заключением в крепость. В мае 1918 г. ос-

вобожден как достигший 70-летнего возраста. Эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию. Автор «Воспоминаний» (1924).

Сухтелен Петр Корнилович (Жан Пьер) (1751 - 1836) - российский военный деятель, дипломат, инженер-генерал, почетный член Петербургской академии наук. Из древнего голландского дворянского рода, происходившего из герцогства Юлих и Клеве. Образование получил на математическом отделении Гронингенского университета. В 1767 г. поступил на службу в голландскую армию, инженер, подполковник. Участвовал в войнах с Англией в 1773-1774 гг. и 1778-1779 гг. В 1783 г. принят на службу в российскую армию в чине подполковника. Во время российско-шведской войны 1788 - 1790 гг. начальник штаба инженеров Финляндской армии, затем командовал отдельным отрядом. За отличия при Выборге и Фридрихсгаме награжден орденом св.Георгия и произведен в генерал-майоры. В 1794 г. во время восстания находился в Варшаве и был взят в плен войсками Т.Костишко. В 1797 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником инженеров Финляндской инспекции. С 1799 г. инспектор инженерной части Эстляндской и Лифляндской инспекций. В 1801 г. С. был назначен генерал-квартирмейстером и возглавил всю службу Генерального штаба российской армии. Сыграл огромную роль в формировании службы Генерального штаба. Занимал этот пост на протяжении большинства антифранцузских кампаний и оставил его в 1810 г. Во время российско-шведской войны 1808 - 1809 гг. состоял начальником инженерных войск Финляндской армии. Руководил осадой Свартгольма и Свеаборга. Проявил выдающиеся дипломатические способности, и после подписания мира в 1809 г. назначен послом в Швеции. В 1812 г. заключил российско-шведский союз против Франции и российско-английский мирный договор. В январе - мае 1814 г. руководил инженерными работами при осаде Гамбурга. После окончания военных действий вернулся на свой пост в Стокгольм и оставался там до самой смерти.

Теляковский Аркадий Захарьевич (1806- 1891)-российский военный инженер. Высшее военное образование получил в Главном инженерном училище (1825). Службу начал в Инженерном департаменте Военного министерства, а с началом российско-турецкой войны 1828-1829 гг. был направлен в действующую армию. В 1832 г. по приглашению Главного управления военно-учебных заведений занял кафедру фортификации в Павловском кадетском корпусе. До 1836 г. Т. являлся начальником кафедры, затем был прикомандирован к Штабу военно-учебных заведений и с этого времени целиком посвятил себя преподавательской деятельности. Одновре-

менно Т. вел большую работу, занимая должность начальника кафедры фортификации в ряде кадетских корпусов. Для ознакомления с техническими деталями новых фортификационных сооружений, а также с системами и формами современных крепостей он получил командировку в крепости Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Киев, Бобруйск, Динабург. В 1839 г. вышла из печати первая часть учебного руководства под названием «Фортификация полевая», а в 1846 г. была напечатана вторая часть руководства «Фортификация долговременная». Долгое время это руководство являлось основным учебником по фортификации для слушателей всех военно-учебных заведений России и практическим пособием офицерского корпуса русской армии. Т. убедительно показал, что фортификацию нельзя отделять от военного искусства и что только при наличии теснейшей связи между фортификацией и военным искусством возможно их взаимное непрерывное развитие. Важное значение имели предложения Т. об устройстве главной крепостной позиции фортовой крепости. Российская Академия наук за руководство по фортификации присудила Т. Демидовскую премию.

Тимошенко Семен Константинович (1895 - 1970) - советский военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена Победы. Образование получил на Высших академических курсах (1922, 1927), курсах командиров-единонаучальников при Военно-политической академии имени Н.Г.Толмачева (1930). В 1915 г. призван в армию. Участник первой мировой войны, рядовой, пулеметчик в кавалерии. В 1917 г. вступил в Красную Гвардию, в 1918 г. - в Красную Армию. В августе 1918 г во главе кавалерийского полка участвовал в обороне Царицына, с ноября 1918 г. командир кавалерийской бригады. В 1919-1921 гг. командир 6-й и 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. С 1925 г. командовал 3-ми б-м кавалерийскими корпусами. С августа 1933 г. зам командующего войсками Белорусского, с сентября 1935 г. Киевского военных округов. С июня 1937 г. командующий войсками Северо-Кавказского, с сентября 1937 г. - Харьковского, с февраля 1938 г. - Киевского особого военных округов. Причастен к проведению массовых арестов высшего и среднего комсостава на Украине. В сентябре 1939 г. командовал войсками Украинского фронта, а во время советско-финской войны на втором ее этапе (с 7.1.1940) командовал Северо-Западным фронтом. С 7 мая 1940 г. по 19 июля 1941 г. являлся наркомом обороны СССР. Принял меры по скорейшему укреплению обороноспособности армии: ускорил процесс перевооружения, подготовки новых кадров (взамен уничтоженных), вновь на-

чал формирование танковых корпусов, начал строительство укрепленных районов на новой западной границе. В первый месяц Великой Отечественной войны был представителем Ставки Главного командования и с 1.7.1941 г. главнокомандующим войсками Западного направления. На протяжении 1941 - нач. 1943 гг. командовал рядом фронтов, а с марта 1943 г. до конца войны был представителем Ставки Верховного командования и осуществлял координацию действий ряда фронтов, принимал участие в разработке и проведении некоторых операций. В 1945 г. командовал войсками Барановичского (с марта 1946 - Белорусского), с июня 1946 г. - Южно-Уральского, с марта 1949 г. - Белорусского военных округов. С апреля 1960 г. - в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818-1884) - российский военный деятель, инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855). Окончил Главное инженерное училище (1836). Участник Кавказской войны 1848-1849 гг. Во время Крымской войны 1853-1856 гг. сыграл видную роль в организации обороны Севастополя (1854-1855), руководя инженерными работами, в которых следовал идеям А.З.Теляковского. С 1859 г. директор Инженерного департамента, в 1863 - 1877 гг. товарищ (заместитель) генерал-инспектора по инженерной части, разработал систему инженерных укреплений на границах империи. В 1873 г. член Особого совещания по реорганизации армии, в 1874 г. руководил реорганизацией инженерных войск, был инициатором обучения сапёрному делу личного состава пехоты, кавалерии и артиллерии. Во время российско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. Т. назначен помощником начальника Западного отряда, с 3 ноября - начальник отряда осады Плевны, закончившейся 28 ноября капитуляцией турецкого гарнизона. Командовал Рущукским отрядом, а с апреля 1878 по январь 1879 гг. - действующей армией до заключения Берлинского мирного договора и эвакуации русских войск. С 1879 г. член Государственного совета. В 1879 г. одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, с 1880 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа. Почётный член Академии наук, ряда военных академий и Петербургского университета. Под его руководством издано «Описание обороны г. Севастополя» (т. 1 - 2, 3 863 - 72), написаны ряд специальных записок и инструкций.

Триандафилов Владимир Кириакович (1894 - 1931) советский военный теоретик. В 1914 г. был призван на фронт рядовым солдатом-сапером. В 1915 г. закончил 2-ю Московскую школу гравиро-

щиков, в чине штабс-капитана командовал батальоном на Юго-Западном фронте. С июля 1918 г. - в РККА, в 1919-1923 гг. - слушатель Военной академии, в которой учился с перерывами, совмещая учебу с участием в боях на Восточном, Южном и Юго-Западном фронтах. После окончания академии был причислен к Штабу РККА. Т. вошел в группу командиров, которым было поручено провести военную реформу (1924-1928 гг.). В октябре 1928 г. Т. назначен заместителем начальника Штаба РККА, сочетая практическую деятельность с научно-исследовательской. Его перу принадлежат работы «Характер операций современных армий» (1929), «Возможная численность будущих армий» (1927), «Вопросы подготовки войсковых штабов» (1927). С учетом особенностей РККА Т. разработал исходные положения о характере подготовки и ведения будущей войны, вскрыл возможные особенности начального периода войны, показал новые возможности стратегического и оперативного руководства в связи с развитием военной техники. Погиб при исполнении служебной обязанности в результате авиационной катастрофы.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893 - 1937) - советский военный деятель и теоретик, Маршал Советского Союза. Военное образование получил в кадетском корпусе и Александровском военном училище. Участник первой мировой войны. В феврале 1915 г., попав в плен, в 1917 г.бежал и вернулся в Россию. С 1918 г. в РККА, работал в Военном отделе ВЦИК. В 1918-1919 гг. командовал советскими армиями, в 1920-1921 - фронтами. В 1921 г. подавил мятеж моряков в Кронштадте и крестьянское восстание на Тамбовщине. Т. возглавлял Военную академию РККА, командовал войсками Западного и Ленинградского военных округов. В 1920-е гг. принимал активное участие в осуществлении технической реконструкции Вооруженных Сил, разрабатывал вопросы развития оперативного искусства, военного строительства, составления военных энциклопедий и др. В 1931 г. был назначен зам. председателя Реввоенсовета СССР, начальником вооружений РККА. В 1934 г. стал зам., а с 1936 г. первым зам. наркома обороны СССР. В 1937 г. Тухачевский был обвинен в создании троцкистской военной организации, осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. Автор работ по истории гражданской войны и военно-теоретических трудов.

Тучков Алексей Васильевич (1728 (1729) 1799) российский военный инженер, инженер-генерал-поручик, действительный тайный советник, сенатор. Военную службу начал в 1743 г. инженерным учеником, с 1747 г. - кондуктор, с 1755 г. - прапорщик. Принимал участие в Семилетней войне 1756 - 1763 гг., российско-

турецкой 1768 - 1774 гг. В мае 1788 г. вступил в должность команда-рия Инженерного корпуса и присутствующего в Главной канцелярии артиллерии и фортификации. Т. было приказано привести в оборонительное состояние все крепости Финляндии, Эстляндии и Лифляндии при разрыве отношений со Швецией.

Уборевич Иероним Петрович (1896 — 1937) - советский военачальник, командарм 1-го ранга (1935). Учился в Петербургском политехническом институте, окончил Константиновское артиллериюское училище (1915). Участник первой мировой войны, подпопулучик. Осенью 1917 был одним из организаторов Красной Гвардии в Бессарабии, в декабре 1917 г. избран командиром революционного рабоче-крестьянского полка. В начале 1918 г. воевал против румынских и австро-венгерских войск. Был взят в плен, откуда бежал. Затем командовал отдельной Котласской тяжелой гаубичной батареей, был инструктором артиллерии, командиром Двинской бригады, начальником 18-й дивизии 6-й армии. С октября 1919 по декабрь 1920 г. командовал различными советскими армиями на Южном и Юго-Западном фронтах. В январе - апреле 1921 г. У. помощник командующего войсками Украины и Крыма. С августа 1921 г. — в Сибири и на Дальнем Востоке, командующий Народно-революционной армией Дальневосточной Республики. Под его руководством была разработана и проведена Приморская операция 1922 г. С 1924 г. заместитель командующего и начальник штаба Уральского военного округа. В 1925 г. У. назначен командующим войсками Северо-Кавказского, в 1928 г. - Московского военных округов. С 1926 г. - член, в 1930-1931 гг. заместитель председателя Реввоенсовета СССР. В 1930 - 1931 гг. был начальником вооружений РККА. В июне 1931 г. назначен командующим Белорусским военным округом. Принимал активное участие в разработке и строительстве укрепленных районов в округе. 29 мая 1937 г. арестован по обвинению в участии в так называемом военно-фашистском заговоре в РККА и расстрелян 12 июня 1937 г. Реабилитирован в 1957.

Фельдман Александр Иванович (1790 - 1864) - российский военный инженер, генерал-адъютант, инженер-генерал. Окончил курс офицерских классов инженерного училища (впоследствии - Николаевская инженерная академия), участвовал в компании 1813 г. Состоял преподавателем практической съемки в инженерном училище, где изобрел особый геодезический инструмент - мензулу (1819). В 1821 г. был командирован в Кобленц и Кельн для усовершенствования в инженерном искусстве. В 1825 г. назначен строителем укреплений Ревельского порта, в 1849 г. стал директором инже-

нерного департамента. Установил детально регламентированный хозяйственный порядок, как для департамента, так и для учреждений и комиссий по производству инженерных работ в крепостях. Ф. сопровождал императора Николая I при объездах крепостей. Один из разработчиков проекта строительства Брестской крепости.

Хмельков Сергей Александрович (1879 - 1945) - основоположник советской школы фортификаторов, генерал-лейтенант инженерных войск, профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники. В 1901 г. окончил Московское пехотное училище, в 1911 г. - Инженерную академию и направлен в крепость Осовец. Участник обороны этой крепости в годы первой мировой войны. В 1918-1921 гг. служил помощником Инспектора инженеров полевого штаба Революционного Совета Республики. В 1921-1926 г. Х. профессор кафедры фортификации Военно-инженерной академии, в 1926 - 1932 г. - начальник фортификационно-строительного факультета Военно-технической академии РККА. С 1932 по 1945 г. Х. был начальником кафедры и старшим преподавателем долговременной фортификации Военно-инженерной академии. Автор ряда трудов по фортификации, в том числе «Узлы сопротивления современных долговременных позиций» (1926), «Основы и формы долговременной фортификации» (1931), «Бетонные и железобетонные сухопутные фортификационные сооружения» (1934), а также воспоминаний об обороне крепости Осовец в 1914-1915 гг.

Шварц (фон) Алексей Владимирович (1874 - 1953) - российский и аргентинский военный деятель, военный инженер, генерал-лейтенант. Участник обороны Порт-Артура во время российско-японской войны. В 1914 г. назначен комендантом крепости Ивангород, за успешную оборону которой был произведен в генерал-майоры. В 1916 г. начальник Трапезундского укрепрайона на Кавказском фронте. В 1919 г. во время французской оккупации Одессы был назначен генерал-губернатором Одессы и командующим русскими войсками в Одесском районе. Эвакуировался из Одессы вместе с французами. Жил в Италии, позже переехал в Аргентину. Профессор Академии Генерального штаба аргентинской армии и Высшей технической академии в Буэнос-Айресе. Автор многих научных работ по фортификации, а также воспоминаний о событиях российско-японской и первой мировой войн.

Шапошников Борис Михайлович (1882 - 1945) - советский военный деятель. Маршал Советского Союза. В 1903 г. окончил Московское Алексеевское военное училище, а в 1910 г. - Академию Генштаба. Участник первой мировой войны, полковник, начальник дивизии. В мае 1918 вступил в РККА. В гражданскую войну в Выс-

шем военном совете и Полевом штабе РВСР. В 1920-е командовал войсками ряда военных округов. В 1928-1931 гг. начальник Штаба РККА. В 1932-1935 начальник Военной академии им. М.В.Фрунзе. В 1937-1940 гг. и в июле 1941 -мае 1942 гг. начальник Генштаба, одновременно в 1937 - 1943 заместитель наркома обороны СССР, руководил строительством укрепленных районов на новой границе. В 1943 — 1945 гг. начальник Военной академии Генштаба. Автор книги о роли Генерального Штаба «Мозг армии» (1926).

Шиповский Евгений Александрович (1880 - 1952) - советский военный теоретик, генерал-лейтенант. Военное образование получил в артиллерийском военном училище, в 1917 г. окончил Николаевскую военную академию. Участник первой мировой войны. В РККА с весны 1918 г. - сотрудник Высшей военной инспекции, начальник отдела штаба Народного комиссариата военных дел Украины. В 1919-1921 гг. - начальник оперативного управления, начальник штаба и временный командующий 16-й армией, в 1928-1931 гг. - начальник штаба Московского военного округа, затем преподаватель Академии Генштаба, начальник кафедры оперативного искусства. В годы Великой Отечественной войны был прикомандирован к Генштабу Красной Армии, затем вернулся в Академию, где работал до 1952 г.

Шильдер Карл Андреевич (1785 - 1854) российский военный инженер, инженер-генерал, генерал-адъютант. Окончил школу колонновожатых, служил в инженерных войсках командиром сапёрной роты и батальона, начальник инженеров корпуса и армии. Участвовал в Аустерлицком сражении 1805 г., строительстве и обороне Бобруйской крепости в 1811-1812 гг., русско-турецкой войне 1828-1829 гг., Крымской войне 1853-1856 гг.; отличился при осаде Варны (1828), Силистрии и Шумлы (1829) и при форсировании Дуная (1854). Разработал новую более эффективную систему контргардной борьбы (вместо вертикальных колодцев горизонтальные и наклонные трубы), противотехнические мины, камнемётные и картечные фугасы. Изобрёл оригинальные конструкции висячего канатного моста (1828) и переправочных средств («бурдючный мост», собираемый из прорезиненных холщовых складных pontонов, 1836). Совместно с П.Л.Шиллингом разработал электрический способ воспламенения пороховых зарядов (1832-1836), а вместе с Б.С.Якоби сконструировал гальванические и гальвано-ударные морские мины (1838-48). По проектам Ш. были построены первые в мире цельнометаллическая подводная лодка (1834) и вооружённый артиллерией и ракетами пароход (1846), явившийся прообразом эсминца. Погиб при осаде Силистрии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список условных сокращений	3
Введение	4
Глава 1. Обзор литературы и источников темы исследования	10
Глава 2. Фортifikационное строительство на западе Российской империи (1772-1915)	28
Белорусские земли в планах инженерного укрепления западной границы	28
Бобруйская крепость (1810-1886)	45
Брестская крепость (1830- 1915)	61
Гродненская крепость (1886-1915)	94
Глава 3. БССР в системе фортификационной подготовки пограничной полосы СССР (1928-1941)	128
Фортifikационное строительство в Белорусском военном округе (1928-1939)	128
Укрепленные районы в ЗапОВО на новой советско-германской границе (1939- 1941)	165
Заключение	207
Список использованных источников и литературы	211
Словарь фортификационных терминов	223
Биографический словарь	231

Научное издание

Пивоварчик Сергей Аркадьевич

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СИСТЕМЕ
ФОРТИФИКАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР
(1772-1941)

Монография

Редактор Н.Н.Красницкая
Компьютерная вёрстка; МЭИ.Верстак

Сдано в набор 24.02.2006. Подписано в печать 28.04.2006.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Печать RISO. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л.
14,67. Уч.-изд. л. 14,56. Тираж 200 экз. Заказ 128.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы». ЛИ №
02330/0133257 от 30.04.2004. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно,

Отпечатано на технике издательского центра
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы». ЛП №
02330/0056882 от 30.04.2004. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.